

Л. В. Выходков

(По заказу Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга)

Греческая национально-освободительная революция 1821–1829 гг. и Россия

Содержание

Размышления по поводу юбилея (Вместо введения)	2
Греция накануне Революции	8
Греческий вопрос и Россия. И. А. Каподистрия	11
Греческая революция	16
<i>Восстание в Дунайских княжествах</i>	16
<i>Конгрессе в Лайбахе</i>	18
<i>Восстание в Греции</i>	19
<i>Геноцид греков</i>	21
<i>Революция в Греции и русское общество</i>	22
Русская дипломатия в Греческом вопросе в 1821–1825 гг.	24
<i>Европейские державы и Греция</i>	24
<i>«Мемуар» Александра I от 9 (21) января 1824 года</i>	25
<i>Египетская карта султана</i>	28
До Наварина. Греческий вопрос в дипломатии Николая I	31
(1826–1827 гг.)	31
<i>Петербургский протокол 23 марта (4 апреля) 1826 года</i>	31
<i>Средиземноморская эскадра Л. П. Гейдена</i>	35
<i>Лондонская конвенция 24 июня (6 июля) 1827 года</i>	36
<i>Наваринское сражение 8 (20) ноября 1827 года</i>	37
После Наварина. Внешнеполитические итоги 1827 года	41
<i>Дуэль дипломатий</i>	41
<i>Избрание И. А. Каподистрии кивернитисом</i>	43
Россия помогает Греции и грекам	47
<i>Финансовая помощь</i>	47
<i>Филэллинское движение и русские волонтеры</i>	52
Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский трактат	55
<i>Россия объявляет войну. Отправка второй эскадры П. И. Рикорда</i>	55
<i>Военные действия на Балканском театре</i>	57
<i>Адрианопольский трактат и Греция</i>	57
<i>Борьба за признание и границы Греции</i>	59
<i>Эскадра П. И. Рикорда в греческих водах в 1830–1832 гг.</i>	64
<i>Убийство Каподистрии</i>	68
<i>Греция после Иоанна Каподистрии (октябрь 1831–январь 1833 г.)</i>	69
Эволюция «Греческой идеи» («Великой идеи»)	70
Подводя итоги. Роль России в борьбе за свободу Греции	72
Приложение	74

Размышления по поводу юбилея (Вместо введения)

25 марта 2021 г. Греция и Россия отметили 200-летие начала Греческой национально-освободительной революции 1821–1829 гг., которая привела к созданию независимого Греческого государства.

В России не забывают об общих страницах нашей истории. Памятный день 200-летия Греческой национально-освободительной революции был отмечен и в Российской Федерации. На базе факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета состоялась международная конференция, организованная Комитетом по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга. В Российской национальной библиотеке в присутствии заместителя министра иностранных дел Республики Греция Милтиадиса Варвициотиса была открыта выставка «Греция в период борьбы за независимость в 20–30 годы XIX века в русских и европейских изданиях». В Москве Институт славяноведения РАН издал сборник статей «1821 год в истории балканских народов (К 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции»¹.

Юбилей широко отмечался прежде всего в самой Греции. Накануне памятной даты, 24 марта, в Президентском дворце в Афинах состоялся торжественный прием для официальных гостей, на котором присутствовал председатель правительства Российской Федерации Михаил Мишустин. Выступая перед почетными гостями из Англии, России и Франции, Президент Греции Катерина Сакелларопулу сказала: «Наши народы связывает давняя дружба и прочные узы с момента зарождения современного греческого государства. Вклад великих держав того времени — Франции, Англии и России — в борьбу был важным. Они оказывали Филэллинскому движению постоянную материальную и моральную поддержку». И далее подчеркнула: «Война за независимость вызвала резонанс и в России, где появилось множество публикаций в журналах той эпохи. В Дунайских княжествах русские офицеры участвовали в восстании Александра Ипсиланти. Ведущие русские поэты посвятили борьбе греков стихи. "Восстань, о Греция, восстань", — писал Александр Пушкин. Греки, имевшие тесные связи с правящим классом России, такие как Ипсиланти и Каподистрия, взяли на себя ведущую роль в борьбе!»². Эта речь дипломатично отражала принятую в обществе Греции точку зрения.

В интервью, опубликованном в «Парламентской газете» 25 марта 2021 г., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Греции Андрей Михайлович Маслов, в частности, сказал: «Освобождение Греции от османского владычества — одна из самых славных страниц нашей общей истории. Большинство греков связывают именно с Россией обретение их родиной независимости и становление современного греческого государства. Об этом свидетельствуют проводимые здесь социологические опросы»³. Результаты опроса, проведенного «Центром либеральных исследований — Маркос Драгумис», были опубликованы накануне юбилейной даты под названием «Революция 1821 года: что думают греки 200 лет спустя». Опрос зафиксировал, что, по мнению греков, позитивный вклад в решение греческого вопроса во время революции внесла, прежде всего, Россия (38,2%), а затем Франция (22,6%), Великобритания (19,4%), Австрия (5%) и США (1,2%)⁴.

Историографический обзор мемуаров и литературы о Греческой революции, опубликованных на греческом языке примерно за столетие до середины 50-х гг. XX века,

¹ 1821 год в истории балканских народов (К 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции / Ответств. ред. О. Е. Петрунина. М.: Институт славяноведения, 2022. – 308 с.

² Электронный ресурс. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10988433> Обращение 27.12.21.

³ Байков И. Как русская дипломатия и оружие помогли Греции добиться независимости. Интервью с Чрезвычайным и Полномочным Послом РФ в Греции Андреем Михайловичем Масловым // Парламентская газета. 25.03.2021. Электронный ресурс <https://www.pnp.ru/politics/kak-russkaya-diplomatiya-i-oruzhie-pomogli-grecii-dobitsya-nezavisimosti.html> Обращение 25.11.22.

⁴ Πως βλέπουν οι Έλληνες την επανάσταση του 1821 // Электронный ресурс. https://kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Analysis_Pos-vlepon-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf Обращение 25.12.22.

дан в статьях К. Коскоса⁵, О. Е. Петруниной (Мисюревич)⁶ и других исследователей. Самым крупным греческим историком XIX в., «отцом» греческой историографии, признан Константинос Папарригопулос с его пятитомным трудом «История греческой нации» («Ιστορία του Ελληνικού Έθνους», 1860–1874), которую он довел до революции 1821 года. Основной тезис историка о последовательном и непрерывном развитии греческой нации с древнейших времен до современности стал краеугольным камнем практически всей греческой историографии. Он же призывал быть справедливыми, признавая, что борьба России за права православных в результате русско-турецких войн, завершившихся Кучук-Кайнарджийским и Яским договорами, позволила Александру I после 1821 г. «вызвать вмешательство всей Европы». Ведущую роль России в освобождении Греции, как отмечала О. Б. Шпаро, признавали практически все выдающиеся греческие историки (за исключением посла в Англии С. Трикуписа, англофила): И. Филимон, П. Каролидис, Д. Коккинос, Я. Кордатос и др.⁷ В частности, Янис Кордатос (1891–1961) в труде «Социальное значение греческой революции 1821» (1924 г.), а затем в двухтомной «Новейшей истории Греции» (1957 г.)⁸ и четвертом томе «Большой истории Греции» пришел к выводу, что успешному завершению борьбы за независимости греков способствовало участие России: «Русско-турецкая война 1828–1829 гг. независимо от целей и побудительных мотивов царской России явилась неожиданным даром для греков. Без русской победы Греция не стала бы независимой»⁹.

Итогом развития греческой историографии стал издававшийся с 1972 г. по 2000 г. коллективный труд «История греческой нации» (Т. 1–16. Афины), в котором в изложении истории Греции от каменного века до наших дней также проявились идеи Папарригопулоса (неслучайно и название одноименное). Обширная греческая историография, проанализированная Д. Донтас, посвящена И. А. Каподистрии, греку на русской службе, ставшему после отставки первым президентом Греции, как обычно переводится на русский язык его греческий титул «кивернитис» (дословно «кормчий»), то есть правителем Греции¹⁰. Интерес к его деятельности возрос в 1970–1980-х гг. в связи со 150-летием революции 1821 года, что проявилось, в частности, в книге либеральной исследовательницы Э. Кукку «Иоанн Каподистрия — европейский дипломат» (Афины. 1991). Она так же, как и Х. Лукос, отошла от закрепившегося под влиянием англо-французской историографии клише «Каподистрия — русский агент» и разносторонне проанализировала его политику¹¹. В целом греческие историки сходятся во мнении, что лояльность Каподистрии к российским императорам объясняется его греческим патриотизмом и попытками использовать российскую политику в интересах Греции¹².

К сожалению, в условиях современной информационной войны, оказавшей влияние и на исторические исследования, наметилась тенденция к пересмотру устоявшихся в греческой историографии представлений о роли России в истории Греции. Эти взгляды, проанализированные в статье А. С. Лубоцкой в сборнике, изданном к 200-летию Греческой революции, заслуживают внимания и свидетельствуют: «В целом, о том, что для современных греков, выросших в едином общеевропейском пространстве, события 200-

⁵ Коскос Д. Мемуары и исторические исследования в Греции // Вопросы истории. 1956. № 10. С. 199–206;

⁶ Петрунина О. Е. Греческая революция 1821 года в представлениях ее участников (к исследованию национального самосознания) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1997. № 2. С. 27–44.

⁷ Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829 гг.). М.: Мысль, 1965. С. 15–16.

⁸ Арш Г. В. Восстание 1821 года в освещении греческого историка // Новая и новейшая история. 1961. № 2. С. 164–167.

⁹ Цит. по: Там же. № 2. С. 164–167.

¹⁰ Dontas D. Greek Historians on John Capodistrias A. Selective Bibliography // Balkan Studies. Thessaloniki. V. 31. P. 87–106.

¹¹ Петрунина О. Е. Национальная идея в формировании греческого государства в конце XVIII – XIX вв. Автореф. дис. ... доктора ист. наук. М., 2012.

¹² Подробнее см.: Гедё А. В. Деятельность И. Каподистрии в свете внешней политики Российской империи в первой четверти XIX века // Новый часовой. Русский военно-исторический журнал. 2004. № 15–16. С. 291–299.

летней давности органически встроены в ситуацию сегодняшнего дня. Франция и Англия — союзники, они намного ближе, чем Россия. Эта новизна общеевропейского восприятия истории греками — благодатная почва для новых историографических концепций, в частности, для популярной ныне позиции британских ученых по вопросу о помощи великих держав. Обратимся за примером к аналитическому труду, составленному по итогам опроса за 2019 г. В нем историки утверждают, что в борьбу греков большую или равную лепту внесла Великобритания, так постыдно забытая старшим поколением греков. Например, Мария Эвфимиу, преподаватель новейшей истории Греции в Афинском университете, отмечает: "Архаичная схема интерпретации событий 1821 года преобладает до сих пор, несмотря на важные открытия современных научных исследований. В данном контексте неудивительно, что Англия — основная сила в дипломатической победе греков и создании независимого греческого государства в 1830 году — не рассматривается респондентами как страна, внесшая наиболее позитивный вклад в победу. Напротив, православная авторитарная Россия, веками любимая греками, имеет главный перевес в ответах"¹³. Комментарий Марии Эвфимиу имеет для нас особый смысл и вес: он подтверждает современный тренд в среде греческих историков и преподавателей, направленный на пересмотр признанных ранее констант революционной истории, в данном случае о главенствующей роли России в борьбе греков за независимость»¹⁴.

Этот тренд нашел отражение в новом поколении греческих школьных учебниках по истории, созданных в 2018 г. под эгидой Евросоюза и на 75 % профинансированных им, которые должны были отвечать соответствующим критериям. Имидж России в современных учебниках, что отмечают российские специалисты, занимающиеся историей Греции и российско-греческих отношений, теряет черты привлекательности. Проанализировавшая школьные учебники по истории О. Е. Петрунина, высказала, в частности, беспокойство относительно раскрытия сюжетов, связанных с созданием и развитием греческого национального государства и особой ролью России в национально-освободительной борьбе греков.

Приведем полностью фрагмент из статьи О. Е. Петруниной: «Но Россия, как следует из учебников, преследовала свои корыстные интересы и не оказывала грекам достаточной помощи: так, восстание на Пелопоннесе 1770 г. потерпело поражение из-за недостаточного количества русских войск (на самом деле — по причине недисциплинированности греков и их конфликтов с русским командованием); об освобождении Ионических островов от французов эскадрой под командованием Ф. Ф. Ушакова в 1800 г. не сказано ни слова (хотя на островах Керкира и Закинф ему установлены памятники), но заявлено, что созданная совместными усилиями России и Османской империи «полуавтономная Республика Семи Соединенных Островов была обязана разместить русские войска»; во время Греческой национально-освободительной революции Россия, как утверждают учебники, если и помогала грекам, то делала это вынужденно, а русско-турецкая война 1828–1829 гг. никак не связывается с получением Грецией независимости; в параграфе о Филэллинском движении в Европе наша страна не упомянута, зато особо отмечена сочувственная позиция США, не имевших никакого отношения к созданию греческого государства; русская «партия», существовавшая в тенденция, — отмечает О. Е. Петрунина, — прослеживается в освещении роли России в событиях Греции во второй четверти XIX в. наряду с английской и французской, охарактеризована как крайне одиозная»¹⁵.

¹³Πως βλέπουν οι Έλληνες την επανάσταση του 1821 // Электронный ресурс. https://kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Analysis_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf σελ. 44

¹⁴ Лубоцкая А. С. 200 лет спустя: греческая революция глазами потомков // 1821 год в истории балканских народов (К 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции / Ответств. ред. О. Е. Петрунина. М.: Институт славяноведения, 2022. С. 251.

¹⁵ Петрунина О. Е. Образ России в национальном образовании Греции // Государственное управление. Электронный вестник (Электронный журнал). 2020. № 78. С. 255.

Если учесть, что в создании учебников принимали участие крупнейшие современные греческие историки, то отчетливо прослеживается тенденция «трактовки спорных моментов в невыгодную для имиджа России сторону». «Эта же тиях общеевропейской и мировой значимости»¹⁶.

Характерна в этом плане опубликованная в 2020 г. на английском языке небольшая книга Димитриса Михалопулоса, которую скорее следует отнести к англо-американской историографии¹⁷. Практически для всей англоязычной историографии, берущей свое начало с эпохи войны Греции за независимость, был характерен акцент на агрессивной политике России на Балканах. Это труды Августа Гренвилля Степлетона, Джорджа Финлея, Уильяма Вазейла Темперлея, Патриции Кеннеди, Гримстед Дугласа Дакина, Лояла Коулза. Только некоторые британские историки, такие как М. С. Андерсен, изучая восточный вопрос с 1774 по 1923 г. признавали очевидный факт, что из всех великих держав, только у России были «подлинные причины для недовольства Портой, по-настоящему глубокие духовные связи с греками и возможность угрожать сердцу Османской империи военными действиями»¹⁸.

Наиболее взвешенная (несмотря на мелкие уколы в адрес России) точка зрения на греческий вопрос представлена в первом томе «Дипломатической истории Европы» профессора университета в Нанси и Сорбонны Антонена Дебидура (1891; русский перевод 1947)¹⁹. Придерживаясь радикально-республиканских позиций, автор считал революции двигателем прогресса и выступал против диктаторских режимов, рассматривая решения Венского конгресса как диктатуру четырех держав-победительниц — России, Англии, Австрии и Пруссии. Антонен Дебидур достаточно полно охарактеризовал в своем труде реакционную политику Австрии и Пруссии. Ему принадлежит точка зрения, что И. А. Каподистрия подталкивал императора Александра I к конфликту с Турцией и вышел в отставку формально, чтобы во главе Греции де-факто проводить пророссийский курс, в том числе и в Греческом вопросе. Историк вскрыл также причины изменения позиции Дж. Каннинга в 1823 году, ставившего цель перехватить инициативу у России. Аналогичные оценки даны А. Дебидуром и в им же написанной главе для третьего тома восьмитомной «Истории XIX века» под редакцией Эрнеста Лависса (1842–1922) и Альфреда Рамбо (1842–1905), опубликованной в 1903 г. (русский перевод 1905, переиздание под ред. Е. В. Тарле, 1938)²⁰. Однако, анализируя Лайбахский конгресс 1821 г., он не преминул отметить, что именно «царь и его министр Каподистрия были главными зачинщиками волнения, которое проявилось в этот момент почти на всем Балканском полуострове...»²¹.

В 1900 г. опубликована книга политического деятеля Франции Гастона Изамбера (1867–1941) «Независимость Греции и Европа»²². В дальнейшем французская историография делала акцент на значении французского филэллинизма, критикуя политику России и одновременно принижая значение борьбы самого греческого народа. В посмертно изданной книге ведущей исследовательницы новогреческой истории, бывшего директора Института новогреческих исследований Лукии Друлии (1931–2019), посвященной

¹⁶ Там же. С. 256. Предыдущую ее статью на аналогичную тему см.: Петрунина О. Е. Для чего переписывают историю (Об историческом образовании в Греции) // Вестник образования в России. 2003. № 6. С. 137–142.

¹⁷ Michalopoulos, Dimitris. *America, Russia and the Birth of Modern Greece*. Washington-London Academica Press, 2020 – 198 p.

¹⁸ Anderson M. S. *The Eastern Question 1774–1923*. London, 1966. P.59.

¹⁹ Debidour, Antonen. *Histoire diplomatique de l'Europe depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin (1814–1878)*. V. 1–2. Paris. 1891; Дебидур А. *Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878)*. В 2 т. Т. 1. Священный союз. М.: Гос. изд-во иностранной лит., 1947. – 482 с. Гл. 5–6. С. 190–296.

²⁰ Дебидур А. *Юго-Восточная Европа // История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Н. Рамбо. Т. 3. М.: Соц.-эк. изд-во, 1938. Гл. V. Юго-Восточная Европа. С. 169–201.*

²¹ Там же. С. 181.

²² Isambert G. *L'indépendance greque et l'Europe*. Paris, 1900. – 424 p.

изучению филлелинизма в различных странах Европы и Северной Америки (2020), приводится обширная библиография этого вопроса²³. Западноевропейская историография проанализирована, в частности, в монографии Ольги Шпаро, кандидатской диссертации директора Греческого культурного центра в Москве Феодоры Янницы, в докторской диссертации профессора МГУ Ольги Евгеньевны Петруниной (Мисюревич)²⁴.

В российской историографии первым отдельным трудом, посвященным этой теме, была книга Евгения Михайловича Феоктистова (1828–1898), чиновника МВД, преподавателя всеобщей истории в Академии генерального штаба, публициста, известного своими литературными воспоминаниями. Его книга «Борьба Греции за независимость» (1863) одной из задач имела освещение роли России, но основывалась на опубликованных в 1861 году работах Г. Г. Гервиниуса и Джорджа Финлея. Безусловно, эти публикации не могли не носить отпечаток идеологии их авторов, кроме того, Финлей мало места отвел дипломатической борьбе вокруг Греции. Первым монографическим исследованием, основанным на русских источниках, стала книга одесских греков М. С. Сивиниуса и прямого потомка династии Палеологов, подполковника Георгия Николаевича Палеолога (первоначально под редакцией В. С. Мельницкого) «История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции». Она была трижды опубликована в 1862, 1863 и 1867 г. Источником послужил личный архив адмирала П. И. Рикорда, предоставленный в их распоряжение его вдовой Людмилой Ивановной Рикорд. Авторы остановились преимущественно на времени управления Грецией И. А. Каподистрии. В последующий период греческий вопрос и политика России по отношению к Греции освещались в основном в общих трудах по истории России известных историков: С. М. Соловьева (1877), С. С. Татищева (1887), С. А. Жигарева (1896), Н. К. Шильдера (1897, 1903).

После огульной критики реакционной внешней политики самодержавия в межвоенный период, в советский период первые серьезные исследования появляются с конца 1940-х гг., в частности, статья Ольги Шпаро, посвященная роли России в борьбе Греции за независимость (1949 г.)²⁵. Первой значительной работой в послевоенной историографии была докторская монография Анатолия Всеволодовича Фадеева (1908–1965) «Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века» (1958), посвященная греческому вопросу. В 1960–1970 гг. ряд советских историков обратился к различным аспектам греческого национально-освободительного движения. А. М. Станиславская опубликовала несколько работ по внешней политике России в Средиземноморье на рубеже XVIII–XIX вв., раскрыв, в частности, участие И. А. Каподистрии в создании Республики Семи Островов (1962, 1976), а также рассмотрев политическую деятельность Ф. Ф. Ушакова на Ионических островах (1983)²⁶. Ольга Борисовна Шпаро на основе своих работ (с 1947 г.) в 1965 г. опубликовала монографию «Освобождение Греции и Россия». Историк В. И. Шеремет проанализировал обстоятельства заключения Адрианопольского мира 1829 г. и роль российской дипломатии в решении греческого вопроса (1975 г.). Им же была написана глава (1820-е гг.) в третьем разделе коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России, конец XVIII – начало XX вв.» (1978). В 1960- гг. политика России на Балканах становится объектом анализа тюрколога Арона Давыдовича Новичева (1902–1971) и Надежды Степановны Киняпиной (1920–2003), которая, пожалуй, впервые выделила Греческий вопрос из Восточного.

²³ Droulia L. Sens et portée du philhellénisme. Athènes, 2020. P. 172–181.

²⁴ Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829 гг.). М.: Мысль, 1965. С. 12–14; Янницы, Феодора. Греческий мир в конце 18 — начале 20 вв. по российским источникам: К вопросу об изучении самосознания греков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 2002; Петрунина О. Е. Национальная идея в формировании греческого государства в конце XVIII – начала XIX в. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2012.

²⁵ Шпаро О. Б. Роль России в борьбе Греции за независимость // Вопросы истории. 1949. № 8.

²⁶ Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798–1800 гг. М., 1983.

Фундаментальные работы по истории Греческой революции и роли России создал выдающийся российский эллинист Григорий Львович Арш (1925–2017). Выпускник Ленинградского университета, позднее работавший в Москве, в своих исследованиях он привлек обширные архивные источники и воссоздал комплексную картину истории региона Балкан первой половины XIX века. Он занимался историей Греческой революции (1965, 1970), написал единственную отечественную монографию целиком посвященную И. А. Каподистрии (1976, переиздание практически в неизменном виде под другим названием в 2003 г.)²⁷. Во многом итоговой работой автора стала книга очерков «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I» (2013)²⁸, в которой последовательно освещаются сюжеты, связанные с деятельностью И. А. Каподистрии, Наваринским сражением, эскадрой П. И. Рикорда в Средиземном море, установлением русско-греческих дипломатических отношений.

Известный историк английской внешней политики и международных отношений в странах балканского региона Владилен Николаевич Виноградов (1925–2017), начиная с 1991 г. опубликовал несколько монографий о дипломатической дуэли Англии и России, среди сюжетов анализировался и греческий вопрос²⁹. Участию греков Одессы в освободительном движении была посвящена кандидатская диссертация Г. М. Пятигорского (1985)³⁰. В контексте балканских исследований ряд аспектов русско-греческих связей были проанализированы в исследованиях Ирины Степановны Достян (1920–2012), посвященных биографии самого известного русского филэллина Н. А. Райко (1978)³¹ и значению русско-турецкой войны 1828–1829 гг. для Балканского вопроса (2009)³². Только к концу XX в. появилась возможность создания первого обобщающего труда по истории современной Греции, которым стало учебное пособие Артема Акоповича Улуяна, руководителя Центра балканских исследований, доктора наук (1998 г.)³³.

Елена Петровна Кудрявцева, ведущий научный сотрудник Центра внешней политики России занимается изучением сербской государственности, организации дипломатической службы России в средиземноморском бассейне, деятельности посольств и консульств, в том числе, в Турции³⁴, но несколько ее публикаций прямо касались Греции. В итоговой монографии она охарактеризовала деятельность российского Министерства иностранных дел во второй четверти XIX века³⁵. Греческому вопросу во внешней политике России была посвящена кандидатская диссертация А. А. Девтерова (2003), в которой в одном из параграфов анализировалась «Русская политика в Греческом вопросе в период Восточного кризиса первой трети XIX в.»³⁶. Греческий фактор в русско-англо-турецких отношениях рассматривался в диссертации А. В. Разгоновой (2005)³⁷. Обобщающие аналитические обзоры выделенных проблем внешней политики России, в том числе в

²⁷ Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822. М., 1976; Арш Г. Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822. СПб.: Алетейя, 2003.

²⁸ Арш Г. А. Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М.: Индрик, 2013.

²⁹ Виноградов В. Н. Двуглавый российский орел на Балканах: 1683–1914. М.: Индрик, 2010.

³⁰ Пятигорский Г. М. Движение за национальное освобождение Греции и греки Одессы (1814–1830 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

³¹ Достян И. С. Русский участник греческой революции // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 210–215.

³² Достян И. С. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе // Война, открывшая эпоху с истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.

³³ Улуян А. А. Политическая история современной Греции (Конец XVIII в. — 90-е гг. XX в.) Курс лекций. 2-е изд. М., 2004.

³⁴ Кудрявцева Е. П. Русские на Босфоре: российское посольство в Константинополе в первой половине XIX в. М., 2010.

³⁵ Кудрявцева Е. П. Министерство иностранных дел во второй четверти XIX века. Монография. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2019. — 591 с.

³⁶ Девтеров А. А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII — первой трети XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. 2003.

³⁷ Разгонова А. А. Англия и Россия на Балканах в 20-е годы XIX века: греческий фактор в отношениях к Порте. Автореф. ... дис. канд. ист. Брянск, 2005.

Восточном Средиземноморье, содержатся в первой главе коллективной монографии «Международные отношения на Балканах, 1815–1830 гг.» (Доктрина «статус кво» и политика «слабого соседа»), изданной в 1983 г., и в «Истории внешней политики Российской империи» О. Р. Айрапетова (2017)³⁸. Формирование самосознания греков на фоне исторических потрясений, становление «Греческой идеи» («Великой идеи») проанализированы в исследованиях О. Е. Петруниной (Мисюревич), опубликовавшей монографию, посвящённую греческой нации и государству (2010)³⁹, а в 2013 г. защитившей докторскую диссертацию о национальной идее в формировании греческого государства⁴⁰, а также в кандидатской диссертации директора Греческого культурного центра в Москве Феодоры Янницы (2000)⁴¹.

Подводя итоги, можем отметить, что значительная роль России в освобождении Греции наиболее полно проанализирована и раскрыта в исследованиях Г. Л. Арша (1976, 2013 и др.), статье А. Л. Нарочницкого (1980) и монографии Ольги Шпаро (1965), но фактически она отмечается всеми российскими исследователями.

Россию и Грецию по-прежнему связывают уходящие в глубь веков исторические, общекультурные и человеческие связи. До сих пор остаются актуальными и задачи сохранения исторической памяти в изучении общего прошлого наших стран.

Греция накануне Революции

После падения Византийской империи (1453 г.) османские завоевания постепенно распространились на всю территорию Греции — Афинское герцогство и Морейский деспотат (1460), острова Лесбос (1462), Эвбею, венецианские владения на Пелопоннесе (1463–1505), острова Родос (1522) и Хиос (1566), герцогство Наксос с Кикладами (1579), остров Крит (1669). На короткое время Венецианская республика отвоевала у Турции Пелопоннес (1699–1715), потеряв затем его снова, но сохранив Ионические острова и некоторые прибрежные города Западной Греции до распада своей государственности, когда на короткое время они перешли под управление Франции (1797), затем — номинально Турции, после чего находились под контролем России (1800–1807), Франции (1807–1814) и Англии (1815–1864). Под властью османов на территорию Греции была распространена военно-ленная система, а наиболее плодородные земли были поделены между ленниками-мусульманами, султаном, его родственниками и приближенными, хотя часть земель осталась у прежних владельцев, перешедших на службу к завоевателям. Население облагалось различными податями, наиболее существенными из которых были ушра (десятина), харадж (подушный налог на немусульман) и «налог кровью» (набор мальчиков с 13 лет для пополнения янычарского корпуса). Административная система Османской империи состояла из вилайетов (от араб. «область», «провинция»), бейлербейств и санджаков (от тур. «знамя», состоявших из нескольких уездов). Большая часть балканских владений Османской империи входило в вилайет Румелия (до 1590 г. бейлербейство), получивший название от Рума (Рима): современные Греция, Албания, Болгария, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, южная часть Хорватии (Далмация), запад Турции, крепости Крыма и Южной Украины. В 1661 г. из земель Румелии на Пелопоннесе был выделен вилайет Морей, а в 1670 г. — Янинский пашалык в Эпире⁴², ставший позднее с 1867 по 1913 г. вилайетом. В 1599 г. санджак Силистрия был поднят до уровня вилайета, в который вошли районы Констанцы, Варны, Добруджи, Буджака, Аккермана (современный

³⁸ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017. – 621 с. См. С. 9–14, 64–146.

³⁹ Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII — XX вв. М.: Книжный дом университет 2010. – 745 с.

⁴⁰ Петрунина О. Е. Национальная идея в формировании греческого государства в конце XVIII – XIX вв.

⁴¹ Янницы Ф. Греческий мир в конце 18 – начале 20 вв. по российским источникам: К вопросу об изучении самосознания греков. Автореф. ... канд. ист. наук. М, 2002.

⁴² Историческая область между хребтом Пинд и Ионическим морем, ныне в составе Греции (Арга) и Албании.

Белгород-Днестровский), Хаджибея (Одесса). Острова Эгейского моря в 1533 г. были выделены в особый «Эялет Архипелаг», который переименовали в 1867 г. в «Вилайет островов Эгейского моря», которым управлял капудан-паша (главнокомандующий флотом).

В годы османского господства лены постепенно превращались в частные владения, а крестьяне — в безземельных арендаторов, вынужденных от трети до половины урожая отдавать землевладельцу (чифтлик). Сопrotивлявшиеся либо уничтожались, либо обращались в рабство, часть населения эмигрировала, в том числе, в Россию. В XVIII — начале XIX вв. власть Османской империи начинает ослабевать, в том числе и в результате русско-турецких войн 1768–1874 гг. (Кючук-Кайнарджийский договор), 1787–1791 гг. (Ясский договор), 1806–1812 гг. (Бухарестский договор). По их итогам к России отошло Северное Причерноморье, Бессарабия и Буджак. Кроме того, по Кючук-Кайнарджийскому миру Российская империя приобрела право покровительствовать православной церкви в Османской империи.

В самой Греции в это время в связи с развитием капиталистических отношений росла товарность сельскохозяйственного производства. Македония и Фессалия во второй половине XVIII в. экспортировали до 40% производимого зерна, свыше половины табака и хлопка. Отдельные регионы установили связь с рынками Европы, куда отправлялись шерсть, хлопок, табак, шелк, масло, вина и фрукты. Развивалось прядильное и ткацкое производства, главным центром которых являлась Амбелакия в Фессалии (24 красильни). **Салоники** с их портом стал самым крупным городом на Балканах. Немалую роль в формировании капиталов сыграло пиратство. Традиционно сухопутную торговлю с Европой вели греческие купцы, а морская долгое время находилась в руках французов и венецианцев. Но с начала XVIII в. активно развивается греческое судостроение и судоходство, центром которых были острова Идра, Спецес и Псара. В наиболее благоприятном положении оказались греки в Янинском вилайете, фактически полунезависимом княжестве албанского феодала Али-паши Тепеленского, контролировавшего кроме Албании часть северной Греции (Эпир и Фессалия) с населением около 1,5 млн. чел. (1812 г.).

Одна из проблем, связанных с идеологической компонентой истории Греции, является понятие «**Греческой идеи**» или «**Великой идеи**», ее роли в создании и развитии греческой государственности. Современная историография относит появление этой идеи приблизительно к концу XVIII в., времени раннего греческого Просвещения, то есть еще в эпоху османского владычества. Значительное влияние на освободительное движение греков оказала Французская революция 1789 года. В 1797 г. один из первых представителей греческого Просвещения, Антониос Кириази́с, ставший известным как Ригас Фереос⁴³ опубликовал «Революционный манифест, или новый политический строй для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдовы». В нем ставилась цель создания на всем этом пространстве «Греческой республики», то есть перестройка на основе равноправия народов и религий Османской империи.

Историки считают, что накануне революции существовали два направления осуществления Греческой идеи. Одно из них было представлено **греками-фанариотами**, получившими название по кварталу Фанар в Константинополе, населённому православными греками. Греки-фанариоты составляли привилегированное сословие в Османской империи. Они были встроены в систему власти, занимали ключевые посты в

⁴³ Антониос Кириази́с, по прозвищу Ригас Фереос (ок. 1757 — 24 июня 1798 г.), основатель тайного общества, казнен турками в Белградской крепости. В ноябре 1797 г. подпольно опубликовал «Революционный манифест, или новый политический строй для народов Румелии, Малой Азии, островов Средиземного моря, Валахии и Молдовы». Отстаивая идею равноправия христиан и мусульман для нового планируемого им государства на Балканском полуострове и в Малой Азии, он предложил для него название «Греческая республика». В Манифесте был помещен «Военный гимн», который быстро распространился по всем Балканам.

управлении, дипломатии, финансах, торговле, в т. ч. должности господарей в Молдавии и Валахии, драгоманов (переводчиков) во внешнеполитическом ведомстве. Представляя системную оппозицию, они не поддерживали революционные идеи, стремясь к постепенной трансформации Османской империи в Византийскую империю.

Второе направление было представлено этеристами, членами подпольной революционной организации «**Филики Этерия**» (греч. Φιλική Εταιρεία, дословно «дружеские земляки», или «общество друзей»), похожей по своей структуре на масонов или итальянских карбонариев. Этерия имела четыре уровня секретности и стремилась превратить свое движение в общее восстание народов Балкан. Общество пополнялось первоначально греками Молдавии, Валахии и Юга России, греками-офицерами, служившими в российской армии. С 1818 года начинается массовое вступление в организацию жителей уже греческих областей Османской империи.

«Греческая идея» сыграла значительную роль в период становления независимого греческого государства в годы Греческой национально-освободительной революции 1821 г. и правления И. А. Каподистрии (1828–1831). В принципе, цель возрождения Греции для фанариотов и этеристов была одна, но методы её достижения, а также формы правления в новой Греции предполагались разные. Поражение Александра Ипсиланти подорвало позиции фанариотов, которые, тем не менее, участвовали в политической жизни в ходе Греческой революции. Революционное движение в Греции поддерживали и греческие диаспоры за рубежом, где проживали греки, обладающие значительными капиталами. В конце XVIII в. в Лондоне, Вене и Париже в разное время выходило восемь греческих газет. Интересно, как по современным опросам сами греки оценивают роль различных социальных групп и институтов в греческой революции. «Филики Этерия» (93,8%) находится на первом месте, за ней следуют филэллины (88,7%) и островные судовладельцы (85,5%), военные (81%), интеллигенция (71,5%), церковь (70,6%), фанариоты (67,2%), торговцы (54,9%) и, наконец, иерархи (21%)⁴⁴.

Начало 1820-х гг. ознаменовалось чередой революций в Испании, Португалии, Пьемонте, Неаполе (1820–1823), борьбой за независимость государств Латинской Америки. Это была вторая после конца XVIII века волна европейских революций. Греческое восстание следует рассматривать в этом общем контексте. Об этих революциях писал А. С. Пушкин в сохранившейся девятой строфе уничтоженной X главы «Евгения Онегина»:

*«Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал».*

Морея — это принятое в то время средневековое название Пелопоннеса. «**Безрукий князь**» — Александр Ипсилантис, на русской службе генерал-майор Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828), старший сын Константина Ипсиланти (1760–1816) из известного фанариотского рода, бывшего господаря княжеств Молдавии и Валахии (1799–1806). Он потерял правую руку в битве под Дрезденом в августе 1813 г. и некоторое время находился на лечении, ему симпатизировали две императрицы — вдовствующая Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна, заботившиеся о «судьбе юного инвалида». 12 декабря 1817 г. в возрасте 25 лет он был произведен в генерал-майоры и назначен командиром 1-й Гусарской дивизии (Гродненский и Елизаветинский полки). 12 апреля 1820 г. вступает в «Филики Этерию» и берет на себя верховное руководство, возглавив затем переход отряда добровольцев через Прут на территорию подвластных Турции княжеств Молдавии и Валахии⁴⁵.

⁴⁴ Πως βλέπουν οι Έλληνες την επανάσταση του 1821 // Электронный ресурс. https://kefim.org/wp-content/uploads/2020/07/Analysis_Pos-vlepoun-oi-Ellhnes-to-1821_FINAL.pdf Обращение 25.12.22.

⁴⁵ Арш Г. Л. Тайный узник Венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 125–145; Костин Б. А. История взаимоотношений российской императорской семьи Романовых с семьей греческих князей Ипсиланти // Россия и Греция: Памятные знаковые события

Греческий вопрос и Россия. И. А. Каподистрия

В первой трети XIX века возникает понятие «Греческий вопрос» как основная составляющая более общего «Восточного вопроса» в двуедином процессе национально-освободительных движений народов Османского султаната и борьбы европейских держав за усиление своих позиций в регионе Ближнего Востока, к которому в то время относились и Балканы. Греческий аспект был основным во внешней политике России по сравнению с задачами освобождения других христианских народов (славян, молдаван, армян). Именно в процессе разрешения греческого вопроса обозначились особенности дипломатической и военной борьбы держав за «турецкое наследство», в ходе которой стремились к реализации своих геополитических устремлений. Если на начальном этапе греческий вопрос рассматривался как одна из проблем взаимоотношений России с Османской империей, то после начала Греческой национально-освободительной революции 1821 г. он вступил в новый, второй, этап в качестве предмета международных отношений и международной политики. На протяжении всей истории греческого вопроса политика Российской империи была доминирующей, определяла основные направления его разрешения и позволила решить его в пользу греков⁴⁶.

Наиболее активную позицию в «Греческом вопросе» занимала Россия, стремившаяся в его решении реализовать, как национально-освободительные тенденции греков, так и свои внешнеполитические и экономические задачи. Для греков было важно, что Россия была единственной в то время православной страной, тесно связанная с греками историей и культурой. Кроме того, для России казалось выгодно развитие торгово-экономических связей с Грецией, тем более что большинство греческих кораблей ходило под русским флагом.

В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Средиземном море впервые действовала русская эскадр, после Чесменского сражения 24–26 июня (6–7 июля) 1770 г. русский флот на четыре года установил контроль над островами Архипелага. Значительную помощь оказывали греки, формируя военные отряды и участвуя в Пелопоннеском восстании (1770 г.). По Кючюк-Кайнарджийскому миру Порты⁴⁷ обещала «твердую защиту христианскому закону и церквам оногo», а над островами признавалось право на особое покровительство, освобождение на два года от налогов и возможность участвовать в торговле с Россией.

Революция во Франции и наполеоновские войны привели к изменению геополитической обстановки в Восточном Средиземноморье и Леванте (от ср.-франц. *Soleil levant* «восход солнца»). По Кампоформийскому миру 1797 г. Франции с Австрией Венецианская республика прекратила свое существование, а принадлежавшие ей протянувшиеся вдоль западного побережья Греции и частично Албании Ионические острова стали частью Франции. В планы Наполеона входило образовать полосу владений в Восточном Средиземноморье, включая Мальту и Египет для дальнейшего продвижения на Восток. Русская эскадра Ф. Ф. Ушакова в ходе второй Средиземноморской экспедиции 1798–1799 гг. вновь после Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. вернулась в греческие воды. После освобождения от французов Ионических островов в 1800 г. была образована Республика Семи Соединенных островов (Ионическая республика). Численность населения Ионических островов в конце XVIII в., по имеющимся оценкам, составляло от 100 до 200 тыс. человек, подавляющее большинство — православные греки.

национально-освободительной борьбы греков (конец XVIII – начало XIX вв.). М.: Греческий культурный центр, 2021. С. 73–93.

⁴⁶ Девтеров А. А. Греческий вопрос в политике Российской империи во второй половине XVIII — первой трети XIX вв. Дис. ... канд. ист. наук. 2003.

⁴⁷ Порты (также Оттоманская Порты, Блистательная Порты, Высокая Порты) — принятое наименование правительства (канцелярии великого визира) Османской империи. Термин от франц. *porte*, умал. *porta* — «дверь», «врата», что является калькой с тур. «высокие ворота».

Республика формально передавалась под юрисдикцию Турции, но на основаниях, в которых по отношению к Турции находилась Рагузская (Дубровинская) республика, то есть единственно с уплатой определенной дани. В то же время она находилась под протекторатом России. Этот период в английской историографии называется периодом «русско-турецкой оккупации» Ионических островов. В 1803 г. на Корфу был послан полномочный министр (посол) России, а с ним два фрегата и несколько полков, что объективно превращало его в военно-морскую базу России, а в перспективе в очаг греческой борьбы за независимость. В 1803 г. была принята умеренно-либеральная конституция, в разработке которой приняли участие греческие деятели И. Каподистрия, С. Теотокис, а также российские дипломаты: Г. Мочениго, А. Италинский, А. Чарторыйский. Хотя в 1806 г. конституция была заменена менее либеральной, также разработанной при участии Петербурга, поддержка России способствовала подъему экономики и имела позитивное значение. Побережье Эпира также должно было управляться Сенатом Ионических островов с автономией и уплатой подушной подати Турции. После Тильзитских договоров о мире и о союзе между Россией и Францией в 1807 г. Ионические острова номинально вернулись Франции, но вскоре были заняты английским флотом.

Однако во время работы Венского конгресса у греческих патриотов оставалась надежда на возможность предоставления Ионическим островам независимости. Именно эта идея овладела мыслями уроженца острова Корфу (современное название Керкира) будущим президентом (правителем) Греции графом И. А. Каподистрией.

Иоанн Антонович Каподистрия (Иоаннис Антаниосу Капо д'Истрия (1776–1831), граф, уроженец острова Корфу (современная Керкира), потомок семьи, переселившейся на Корфу в конце XIV века из городка Капо д'Истрия (современный Копер) на юго-западе Словении на полуострове Истрия на побережье залива Копер. По своим взглядам считался умеренным либералом. После окончания курса философии и медицины Падуанского университета занимал различные дипломатические должности на службе Венецианского правительства. С 1799 г. после освобождения от французов Корфу был главным врачом русского военного госпиталя, а в 1800 г. по предложению Ф. Ф. Ушакова стал секретарем законодательного совета Республики Ионических островов. Карьера на родине оборвалась в 1807 г., когда Ионические острова после Тильзитского мира вновь отошли к Франции. По предложению графа Н. П. Румянцева он 15 мая 1808 г. был приглашен на русскую службу как специалист по «восточным делам», 20 апреля 1809 г. причислен к Коллегии иностранных дел. В сентябре 1811 г. по желанию Каподистрии он был причислен сверх штата к посольству к Вене с окладом 1200 рублей. В Вене Каподистрия подготовил записку о положении Греции и Ионических областей. В 1812 г. назначен управляющим канцелярии Дунайской армии, занялся организацией управления Бессарабской областью.

В конце 1813 г. Барклай де Толли порекомендовал своего сотрудника И. А. Каподистрию Александру I, как дипломата для специальной миссии в Швейцарии. Предстояло политическое устройство этой раздираемой противоречиями страны, состоявшей из 19 кантонов. В ноябре 1813 г. Каподистрия прибыл в Цюрих, где заседал сейм Швейцарии. Накануне взятия Парижа Каподистрия был вновь вызван во Францию, где встретился с Александром I в Труа. После Парижского мира 1814 г. получил приглашение прибыть в Париж, когда судьба Ионической республики была решена. После награждения Каподистрии знаком ордена Св. Владимира 2-й степени Каподистрия снова был отправлен в Цюрих, а в октябре 1814 г. вызван в Вену. Он принял участие в Венском конгрессе и переговорах о подписании Второго Парижского мира 1815 г.

В разговорах с императором Каподистрия обсуждал вопрос о статусе Ионических островов, которые были душевной раной уроженца Корфу. Его письма, написанные во время романа с графиней Роксандрой Эдлинг, урожденной Стурдзой, раскрывают его намерения. Вспоминая о событиях 1814 г., графиня писала: «Мы переписывались о тогдашних событиях, о нашем общем желании, чтобы воскресла Греция в виде Ионической

республики...»⁴⁸. По мнению графини Эдлинг, момент был подходящий: «Ионические острова еще не были уступлены Англии. Я знала, как хотелось графу Каподистрии упрочить их независимость»⁴⁹. Она считала, что вопрос можно было бы решить за деньги, при поддержке Талейрана и Меттерниха. В книге, посвященной Каподистрии, Г. Л. Арш датировал проект Каподистрии о ревитализации («возвращения к жизни») Ионической республики 1812 годом⁵⁰. Во время Венского конгресса в Греческой церкви, где собиралась на службы греческая община Вены, состоялась неожиданная встреча Александра I и Елизаветы Алексеевны с прибывшим из Швейцарии Каподистрией, который появился вместе с Александром Ипсиланти, «молодым инвалидом», как называли его сочувствующие императрицы Мария Федоровна и Елизавета Алексеевна. По воспоминаниям Р. С. Эдлинг, она в дни Венского конгресса представила императору «записку о греческой свободе», не называя автора, своего брата, саксонского дипломата А. С. Стурдзу. После ознакомления Александр I печально сказал: «Кому бы не хотелось ускорить это освобождение, но время к тому еще не пришло»⁵¹. Ему удалось помешать передаче Ионических островов Австрии (о Турции речь уже не шла), но император был вынужден согласиться на протекторат Англии с восстановлением на островах внутреннего конституционного устройства. Император не хотел ссориться с Англией из-за Ионических островов, которые на 50 лет (до 1864 г.) отошли под управление Лондона. По договору от 5 ноября 1815 г. между Англией с одной стороны и Австрией, Пруссией и Россией с другой, было создано «свободное и независимое государство под покровительством Великобритании»⁵². Позднее в своей «Служебной записке» (воспоминаниях) И. А. Каподистрия писал: «И тот переворот, который уничтожил в колыбели Ионическую республику, не только не лишил греков мужества, но, напротив того, сосредоточил в России все их надежды»⁵³.

30 августа 1815 г. Каподистрия был назначен статс-секретарем по иностранным делам наряду с К. В. Нессельроде. Звание статс-секретаря (на самом деле, не чин и не должность) давало возможность только личного доклада императору. Именно он подписал второй Парижский мирный договор 8 (20) ноября 1815 г., сразу после этого покинув Париж⁵⁴. В январе 1816 г. Каподистрия прибыл в Петербург, получил чин тайного советника, но управляющим Министерством иностранных дел, разделяя эту должность как второе лицо с К.В. Нессельроде, стал не сразу, занимаясь в основном восточными делами. Фактически он выступал в качестве «поверенного в делах» греков при правительстве России. Он честно сказал Александру I: «... Также признаюсь Вам, что, если я столкнусь с трагической дилеммой — выбирать между интересами России и моей Родины, я останусь на стороне Греции»⁵⁵. Александр I рассматривал с Каподистрией проекты устройства Бессарабской области. Обсуждался и греческий вопрос. В 1819 году, выполняя поручения Александра I посетил Вену, Венецию, Ломбардию, Тасканию, Рим и Неаполь, прибыв на Корфу (март – апрель). Там он смог убедиться в притеснениях греков, ранее бывших на русской службе, от администрации англичан, а в соседних областях Пелопоннеса — от турок.

⁴⁸ Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы (писано в 1829 г.) Сообщ. М. А. Гагарина // РА. 1887. Кн. 1. № 3. С. 289.

⁴⁹ Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы (писано в 1829 г.) Сообщ. М. А. Гагарина // РА. 1887. Кн. 1. № 4. С. 425.

⁵⁰ Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809-1822. СПб.: Алетейя, 2003. С. 61.

⁵¹ Эдлинг Р. С. Из записок графини Эдлинг, урожденной Стурдзы. // РА. 1887.Кн. 1. № 4. С. 410.

⁵² Подробнее см.: Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX века. Политика России в Ионической республике 1798–1807 гг. М., 1976.

⁵³ [Каподистрия И.] Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности (Пер. и примеч. К. К. Злобина) // Сб. РИО. СПб., 1868. Т. III. С. 167.

⁵⁴ Долгоруков Н. В. Из записок князя Николая Васильевича Долгорукова // Русский архив. 1892. Кн. 3. № 11. С. 280.

⁵⁵ Цит. по: Гедё А. В. Деятельность И. Каподистрии в свете внешней политики Российской империи в первой четверти XIX века. С. 293.

Между прочим, И. А. Каподистрия сообщил русскому посланнику в Константинополе Г. А. Строганову в письме от 2 (14) ноября⁵⁶ 1819 г. о назревании революции на островах Эгейского моря, которая, несомненно окажет «сильное воздействие на остальную Грецию и соответственно, на европейскую Турцию [...] Между тем революция кажется неизбежной, коль скоро система, которая попирает все права и губит зачатки процветания, будет по-прежнему угнетать эти столь обездоленные края. Их обитатели были бы вынуждены пойти на любые крайности, если бы утратили почти всякую надежду на могущественную поддержку, право на которую им дают и справедливый характер отстаиваемого дела, и очевидная необходимость разрешить это дело в законных и правильных формах»⁵⁷. Для Александра I, хотя и симпатизировавшего грекам, но как инициатора создания Священного союза, основанного на принципах легитимизма, было характерно неприятие всех революционных движений против законных монархов, будь им хотя бы и турецкий султан Махмуд II (1808–1839). Перед отъездом Иоанна Каподистрии состоялась его беседа с Александром Ипсиланти. Каподистрия, как он сообщал в своей записке, предостерегал Ипсиланти и через него греков от мятежа против турок. Он дважды отвергнул предложение возглавить тайное общество «Филики Этерия», считая, что это приведет Грецию к бедствиям. По его мнению, «нравственное воспитание и образование Греции — вот чем единственно и должны заниматься греки. Всякое другое стремление тщетно, всякая другая деятельность опасна»⁵⁸. Выступая за просвещение греков, он основал в 1814 г. «Гетерию филомузов» и поддерживал греков только деньгами.

В развитии традиционных русско-греческих связей большую роль играла греческая диаспора. Часть греков еще до присоединения Украины к России вела торговлю в Нежине, не случайно в нем в 1817 г. было организовано греческое Александровское училище (просуществовавшее до 1919 г.)⁵⁹. Но основная греческая диаспора образовалась после выселения Екатериной II христианского населения из Крымского ханства в 1779 г, среди которого преобладали греки. Они были расселены по побережью Азовского моря от р. Кальмиус до Волчьей и Мокрые Ялы, в 1807 г. был даже образован Мариупольский греческий округ. В дальнейшем население пополнялось за счет переселенцев из Греции⁶⁰. В России существовали различные греческие учебные заведения. В 1775 г. в Санкт-Петербурге открылась гимназия (Корпус чужестранных единоверцев), в 1795 г. в Карасубазаре (с 1944 г. — Белогорск) — греческое народное училище, в том же 1817 г., как и в Нежине, коммерческое училище для греков в Одессе. В Мариуполе были греческие приходское и уездное училище Духовного ведомства. Многие греки находились на военной и дипломатической службе, (более ста греков сделали карьеру в российский МИД)⁶¹. Крупным центром греческой диаспоры в России стала Одесса. По первой переписи Одессы в 1795 г. в городе проживало 2349 человек, в том числе русских 1845, греков – 224, болгар – 60 (не считая греко-албанского дивизиона, сформированного в 1795 г. численностью 300 человек)⁶².

Именно здесь в 1814 г. была основана упомянута организация «Филики Этерия», ставившая своей целью освобождение Греции, центр которой в 1818 г. был переведен в

⁵⁶ В XIX веке разница между Юлианским и Григорианским календарями составляла 12 дней; впрочем, Греция также как и Россия придерживалась тогда Юлианского календаря.

⁵⁷ Шпаро О. Б. Освобождение Греции и Россия (1821–1829 гг.). С. 116.

⁵⁸ Цит. по. Там же. С. 294.

⁵⁹ Пятигорский Г. М. Александровское греческое училище в Нежине (1817 – 1919 гг.) // Греческая культура в России. М.: Толмач, 1999. С. 51–71.

⁶⁰ Накануне 1917 г. в южнорусских областях (прежде всего в Бессарабии, Херсонской, Таврической, Черниговской губерниях) греческая диаспора насчитывала около 400 тыс. человек; по переписи 2010 г. в Российской Федерации было 85, 6 тыс. греков.; на Украине в те годы — около 91 тыс.

⁶¹ Папулидис К. К. К вопросу о деятельности греков, служащих в МИД Российской империи в XVIII — XX вв. // Греческая культура в России. М.: Толмач, 1999. С. 44–50.

⁶² Авгитидис К. Г. Прогрессивная греческая эмиграция в Одессе (первая треть XX в.). Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те, 1987. С. 10.

Константинополь. Большую роль в греческом движении сыграли многие российские греки, в частности, Александр и Константин Ипсиланти. Приглашенный в 1818 г. возглавить общество глава внешнеполитического ведомства России (наряду с К. В. Нессельроде) Иоанн Каподистрия от этого предложения отказался, так же, как и отказался константинопольский патриарх Григорий V. В 1820 г. по решению Архи (высшего органа организации), общество возглавил Александр Константинович Ипсиланти⁶³. Присутствие офицеров царской армии, имеющих боевой опыт, в какой-то мере показывало заинтересованность России в восстании и тайное ее участие.

Весьма точно позиция Александра I охарактеризована в письме И. А. Каподистрии правителю горной области на юге Пелопоннеса Мани **Петро-бею (Мавромихалису)**⁶⁴ от 3 (15) января 1820 г.: «Александр I покровительствует грекам, стремясь сохранить мир на Востоке и защитить христианскую религию, но “вовсе не с целью образовать в Греции русскую партию” (здесь и далее курсивом отмечено выделение в подлиннике — Л. В.)»⁶⁵. Поэтому Александр I, императрица Елизавета Алексеевна поддерживали усилия Каподистрии по распространению знаний среди греков, чем занималось просветительское общество «Филомосос этерия» («Общество друзей муз»). В отличие от «Филики Этерии», она не являлась тайной организацией. Члены Императорской фамилии поддерживали ее финансами. В 1816–1817 гг. Александр I и Елизавета Алексеевна внесли в соответствии с суммой, на которую подписались в Вене, 600 дукатов, 100 дукатов от Марии Павловны⁶⁶. Определенную сумму пожертвовал в пользу греков и великий князь Николай Павлович. Такие личные пожертвования продолжались по 1820 г. ежегодно. По свидетельству дочери А. О. Смирновой-Россет на основе воспоминаний ее матери, великий князь Михаил Павлович с уважением говорил о Каподистрии (погибшем), а А. С. Пушкин в одном из разговоров, сказал: «Каподистрия был прежде всего патриот»⁶⁷. «И “Государственный человек, — прибавил великий князь”»⁶⁸.

Стратегической целью освобождения Эллады от османского владычества являлось усиление позиций Российской империи на Востоке с помощью обретения выхода в Средиземное море, укрепление обороны черноморских и дунайских границ. Создание независимого христианского греческого государства рассматривалось как составная часть программы политического, вероисповедного и социально-экономического развития Балканского региона Европы, что предопределяло покровительственную политику Александра I в отношении Греции и греческого населения Оттоманской Порты.

Греческая революция 1821 г. стала катализатором Восточного кризиса, в который были вовлечены ведущие европейские страны, составлявшие «концерт» европейских держав. Александр I не мог, хотя бы временно, не присоединиться к осуждению греческого восстания как составной части революционных движений в Европе в начале 1820-х гг. Однако геополитические интересы России совпадали с национальными устремлениями греков, ориентировавшихся на «державу-покровительницу», которой после победоносных русско-турецких войн при Екатерине II негласно считалась Россия. «Русская опасность», локализовавшаяся в «Греческом проекте» Екатерины II с его идеей создания большого православного государства на исторической территории Византии, с острой обеспокоенностью воспринималась в Европе⁶⁹. Но после двух русско-турецких войн, решив

⁶³ Подробнее см.: Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале 19 века и русско-греческие связи. М., 1970.

⁶⁴ Петрос Мавромихалис (1765–1848) — последний бей Мореи, вступивший в 1818 г. в «Филики Этерию», возглавивший в 1821 г. восстание в пределах Пелопоннеса.

⁶⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. вторая. Т. 3 (11). Май 1819 – февраль 1821 г. С. 220.

⁶⁶ Там же. Примечания. С. 136.

⁶⁷ Записки А.О. Россет-Смирновой, урожденной Россет с 1825 по 1845 гг. М., 1999. С.71.

⁶⁸ Там же. С.72.

⁶⁹ Тиктопуло Я. Ф. Русско-турецкие войны 1768–1774, 1787–1791 гг. и судьбы греков (Греческий проект Екатерины II). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

основные геополитические задачи, Екатерина II писала барону Ф. М. Гримму 17 сентября 1795 г.: «... О восстановлении Греческой империи не может быть и речи, так как мы с Турцией в мире, и не ищем и не желаем войны»⁷⁰. Такого рода проекты не были забыты при Павле I⁷¹, но именно при нем Россия впервые находилась в союзе с Турцией, совместно участвуя во второй антифранцузской коалиции 1798–1799 гг. При Александре I такие идеи выдвигались только некоторыми публицистами — В. Н. Каразиным, В. М. Малиновским, А. А. Самборским. Какие-то отзвуки этих проектов были и в николаевское царствование. По воспоминаниям А. Д. Блудовой, дочери известного деятеля николаевского царствования, «отец мой (Д. Н. Блудов — Л. В.) часто говорил, что было составлено *предположение*, порученное Дашкову, о конфедерации Греко-Славянской, даже с допущением магометанского малочисленного княжества; но я не знаю, на каких основаниях. Эта мысль, или даже подобная не покидала Николая Павловича»⁷². Однако, специальный комитет после окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. пришел к выводу, что сохранение целостности Османской империи более отвечает интересам России, чем ее разделение. Несмотря на привычные обвинения в адрес Николая I на западе, он до визита в Англию в 1844 г., пытаясь договориться, не разделял этих планов, а в 1833 г. во время египетского кризиса, несмотря на прошлые обиды, Россия вновь выступила союзницей Турции.

Греческая революция

Восстание в Дунайских княжествах

Первым актом Греческой революции стало упомянутое выступление Александра Ипсиланти. Момент казался благоприятным, так как скончался господарь Валахии Александр Суцу. Фанариотские роды Суцу и Ипсиланти традиционно сменяли друг друга на этом посту, но на этот раз султан назначил господарем Скарлата Каллимаха, не связанного с Валахией, который был задержан в Константинополе по обвинению в заговоре. Кроме того, ходили слухи о раскрытии планов восстания, поэтому необходимо было спешить.

22 февраля (6 марта) 1821 г. Александр Ипсиланти с отрядом этеристов (несколько сот человек) перешёл через пограничный Прут. Основную массу составляли завербованные в Молдавском княжестве греки; второй по значимости группой были выходцы из России (греки и русские), были также турецкие подданные из болгар и албанцев. Они были обмундированы, вооружены и обучены «по-европейски»⁷³. Разгромив в Галаце османский отряд, он прибыл в столицу Молдавского княжества Яссы. В Яссах Ипсиланти информировал консула России, что не намерен менять статус княжества и что, организовав армию, двинется в Грецию. Его сподвижник Георгакис Олимпиос (молдавский вариант его имени Йордаки), полковник русской армии, кавалер ордена Св. Анны 4-й степени, и уроженец Македонии Яннис Фармакис, с 1798 г. проживавший в России, получив информацию о движении Ипсиланти, начали действовать согласно плану. 4 (16) марта они с отрядом около 6000 человек (валахи, греки, сербы и болгары) вступили в столицу Валахского княжества Бухарест, покинутый консулами Австрии и России и частично администрацией. Было сформировано правление города, одним из комендантов которого стал бывший поручик российской армии, награжденный знаком ордена Св. Владимира третьей степени с мечами, член «Филики Этерии», выходец из крестьянской валахской семьи, Тудор Владимиреску (около 1780 — 28 мая 1821).

⁷⁰ [Екатерина II] Новооткрытые письма императрицы Екатерины Великой к барону Гримму // РА. 1878. Кн. 3. № 10. С. 227.

⁷¹ Мещерякова А. О. Внешняя политика Павла I и идея «Русского Константинополя» // Русско-византийский временник. 2020. № 1 (3). С. 37–47.

⁷² [Блудова А. Д.] Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // РА. 1875. Кн. 2. № 6. С. 198.

⁷³ Политические и другие происшествия // Вестник Европы. 1821. №13. С. 76.

24 февраля (8 марта) 1821 г. Александр Ипсиланти опубликовал в Яссах свое знаменитое воззвание «В бой за веру и отечество»⁷⁴. В тот же день, он обратился с письмом к Александру I, в котором просил военную помощь, призывая обрести титул «Освободителя Греции». Ипсиланти уверял своих соратников в безусловной поддержке императора. Известие о восстании греческих патриотов в Дунайских княжествах Александр I получил 25 февраля (9 марта), на конгрессе Священного союза в Лайбахе (ныне столица Словении Любляна)⁷⁵.

За три дня до перехода отрядом А. Ипсиланти Прута, 21 февраля в Галаце восстание греков возглавил уроженец острова Итаки Ионического архипелага Василис Каравиас, назначенный незадолго до этого А. Ипсиланти тысячником и одним из 9 членов Верховного совета. Было уничтожено небольшое мусульманское население города, а имущество разграблено. В Яссах, занятых А. Ипсиланти, сценарий повторился. От 40 до 50 турецких солдат из гарнизона и около 30 купеческих семей были убиты⁷⁶. 28 февраля (11 марта) Ипсиланти выдвинулся из Ясс и расположился лагерем в Фокшанах, на границе Валахии и Молдавии. Из Одессы и других городов прибыло много добровольцев, чтобы записаться в армию «Филики Этерии», которые сформировали Священный батальон в подражание Священному отряду древних фиванцев. 28 марта Ипсиланти вступил с войсками в столицу Валахии Бухарест, но установить дисциплину не удалось и через полтора месяца, 15–16 мая этеристы покинув его, направившись на север в Тырговиште. Османские войска без боя заняли Бухарест. Между А. Ипсиланти и Т. Владимиреску возникли острые противоречия, достигнутый компромисс оказался нарушенным. Владимиреску якобы пообещал туркам убить А. Ипсиланти, но был арестован его сторонниками, доставлен в Тырговиште, где был казнен.

После поражения при Драчанах А. Ипсиланти 15 июня 1821 г. с некоторыми из своих ближайших соратников, пересек австрийскую границу. Была надежда через австрийский Триест добраться до восставшей Греции. В Австрии Александр Ипсиланти был заключен в австрийский замок Паланок в Мункаче (Мукачево), где находился с 1821 по 1823 г., а в 1823 г. переведен в крепость Терезин в Чехии⁷⁷. Уже больной 22 июня 1827 г. он был освобожден по ходатайству Николая I. Через семь месяцев он скончался на руках княжны Констанции Разумовской в Вене 31 января 1828 г. Был похоронен в Вене, затем в 1903 г. перезахоронен в имении родственников в Зигхартскирхене, а в августе 1964 г. — на Марсовом поле в Афинах. Часть этеристов ушла на российскую территорию. Филиал «Филики Этерии» в Кишиневе взял на себя заботу о спасшихся на деньги из фонда Елизаветы Ипсиланти, матери пятерых братьев Ипсиланти⁷⁸. На русском берегу Прута свидетелями битвы этеристов с турками были многие кишиневские жители и даже непосредственный начальник служившего по ведомству Коллегии иностранных дел А. С. Пушкина генерал-лейтенант И. Н. Инзов, назначенный главным попечителем и Председателем Комитета о иностранных колонистах Южной России, а с 1820 г. также и полномочным наместником Бессарабской области (до 1823 г.). Именно И. Н. Инзов сыграл в дальнейшем большую роль и в устройстве греческих беженцев.

Проводив Александра Ипсиланти до австрийской границы, Георгакис во главе 350 бойцов предпринял попытку через Молдавию пробраться в русскую Бессарабию. Окружённые большими турецкими силами, повстанцы дали двенадцатидневный бой,

⁷⁴ [Ипсиланти И.] Воззвание к грекам князя Ипсиланти // Русский архив. 1868, №2. С. 294–297.

⁷⁵ Лайбахский конгресс — международный конгресс, проходивший в январе-феврале 1821 г. в Лайбахе. Он явился продолжением Тропшауского конгрессе в Тропшау (Тропаве в чешской Моравии) в октябре-декабре 1820 г. Основные участники покинули Любляну только в мае 1821 г.

⁷⁶ Карадис В. Александр Ипсиланти и восстание греков в Дунайских княжествах в 1821 г.: взгляд через 200 лет // 1821 год в истории балканских народов (К 200-летию начала Греческой национально-освободительной революции / Ответств. ред. О. Е. Петрунина. М.: Институт славяноведения, 2022. С. 74–75.

⁷⁷ Арш Г. Л. Тайный узник Венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 125–145.

⁷⁸ Карадис В. Александр Ипсиланти и восстание греков в Дунайских княжествах в 1821 г. С. 80.

обороня окруженный стенами, напоминающими крепостные, монастырь Секку (сейчас Секу в Ванитори-Немце; Румыния). Под гарантии турок и австрийца Вольфа 23 сентября повстанцы сдались, но были вырезаны. Георгакис Олимпиос и 11 бойцов забаррикадировались в колокольне монастыря, взорвав затем себя и осаждавших турок. Янис Фармакис был публично обезглавлен после пыток в Константинополе.

Конгрессе в Лайбахе

Европейские державы сразу же обвинили Россию в агрессии против Турции, в подготовке сепаратистов и организации интервенции. Западная пресса заполнилась сообщениями о русской и панславянской угрозе. В то время эскалация революционного процесса в Европе все более дестабилизировала систему европейского равновесия, скреплённую Священным Союзом, который все более с момента своего создания в 1815 г., превращался в важнейший инструмент борьбы с антимонархическими и национально-освободительными тенденциями.

Два наиболее авторитетных политика посленаполеоновской эпохи Александр I и К. Меттерних усмотрели в восстании или, как они называли, «преступном предприятии князя Ипсиланти», реализацию «грандиозного плана общеевропейского заговора революционеров». На свои просьбы к императору А. К. Ипсиланти получил отказ, был уволен с военной службы Российской империи⁷⁹. Своим письмом из Лайбаха от 2 (14) марта Александр I отмежевался от движения Ипсиланти. Вскоре, 11 (23) марта Патриарх Константинопольский Григорий V предал анафеме Греческую революцию и отлучил от церкви Александра Ипсиланти, чтобы спасти греков Фанара от расправы. Однако это не улучшило их положение: сам престарелый Григорий V был повешен в первый день Св. Пасхи 10 (22) апреля 1821 г. в полном облачении на воротах патриархии. Был казнен и весь Синод Греческой Константинопольской церкви. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов, предложил послам совместно заявить протест Порте, но, как отметил статс-секретарь Каподистрия в письме поверенному в делах в Лондоне П. А. Николаи от 22 июня (4 июля) 1821 г., это предложение не было поддержано послами, а лорд Стрэдфорт⁸⁰ «первым высказался против демарша, предложенного бароном Г. А. Строгановым после чудовищной расправы над константинопольским патриархом...»⁸¹. Тело казненного, брошенное в море, греческими моряками было вывезено в Одессу. Останки святителя покоились в Троицком греческом храме Одессы до 1871 г., после чего перенесены в Афины. В 1921 году патриарх был канонизирован Элладской православной церковью, а в 2000 г. его имя внесено в святцы Московского патриархата.

Позиция Александра I получила отражение в нескольких письмах его спутников в Лайбахе. Князь П. М. Волконский, находившийся с Александром I в Лайбахе писал князю И. В. Васильчикову 8 (20) марта 1821 г.: «... Один из ваших починенных поступил также очертя голову. Это князь Ипсиланти, который вместо того, чтобы ехать на воды, отправился в Яссы с несколькими своими друзьями и произвел возмущение в Молдавии. Он прислал сюда курьера с письмом к государю, в котором он просит отставки, дабы ехать в Грецию и стать во главе нескольких тысяч греков, которые ему прислали адрес, приглашая его прибыть для начальствования над ними и действовать против турок. Он просит помощи.

⁷⁹ Хадзопулос К. Обращение восставших греков к царю Александра I от 16 апреля 1821 г. // Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11. С. 43–52.

⁸⁰ Стрэдфорт; или Стратфорд-Каннинг (Strangford; 1786–1880), 1-й виконт Стрэдфорт де Редклиф); английский дипломат ирландского происхождения, двоюродный брат Дж. Каннинга, посол в Константинополе (1825–1828 и 1841–1857).

⁸¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. вторая. Т. 4 (12). Март 1821 г. — декабрь 1822 г. С. 195.

Государь начал с того, что исключил его из службы и совсем не хочет вмешиваться в эти дела. Что вы скажите об этом безруком?»⁸².

Через десять дней эта же позиция отражена в личном письме статс-секретаря И. А. Каподистрии А. С. Стурдзе (в России встречается также написание фамилии Стурдза), который вел переписку по Бессарабии, от 18 (30) марта 1821 г. из Лайбаха: «Император открыто осудил те средства, которые князь Ипсиланти, по-видимому, хочет употребить, дабы освободить Грецию. В ту пору, когда Европе со всех сторон грозят революционные взрывы, нельзя не усмотреть во вспыхнувшем в обоих княжествах восстании результаты тех же разрушительных принципов и тех же происков, которые обрекают один полуостров на бедствия войны и военной оккупации, а другой — на иго еще более ужасающего деспотизма демагогов»⁸³.

Через две недели, 2 (14) апреля, А.С. Стурдза писал в ответ И. А. Каподистрии, что «наше правительство заявило о своем намерении соблюдать нейтралитет в отношении событий, ареной которых станет Восток. Но даже если в политике будет соблюдаться нейтралитет, то великая и благочестивая душа императора не останется безучастной. Здесь речь идет вовсе не о греках. Речь идет о христианах, которых сразит мусульманский меч, если всевышний не даст грекам сил сломать этот меч, занесенный над их головами. [...] Однако нужно громко воззвать к свести монархов Европы. Нужно сказать им, что ни в коем случае не следует смешивать дело христиан Востока с делом французских, итальянских и испанских революционеров»⁸⁴. Но, к сожалению, именно так, как революционное движение, трактовал выступление греков Меттерних, с которым согласился Александр I. Все греки, находящиеся на российской службе, которые хотели оказать помощь своим соотечественникам, были задержаны в России.

Нет никаких оснований для подтверждения слухов или инсинуаций, что за событиями в Греции стояла Россия и ее агенты, как это пыталась представить и Порта. Греческое движение, безусловно, можно считать национальной революцией.

Восстание в Греции

Восстание под руководством А. К. Ипсиланти послужило толчком для революции в самой Греции, исходной точкой которой в греческой историографии условно считается 25 марта 1821 г., когда, как принято считать, митрополит Старых Патр Герман в монастыре Св. Лавра благословил восставших⁸⁵. Но первые боевые столкновения начались немного раньше. 17 марта 1821 г. Петро-бей захватил г. Цимов (Ареополис). 23 марта (4 апреля) восставшие вошли в самый большой город Пелопоннеса Патры (Патрас) и на площади Св. Георгия провозгласили начало революции. В тот же день Петро-бей выбил турок из г. Каламаты (Каламе) на южном побережье Пелопоннеса и вскоре возглавил «Мессенскую герузию», затем — «Пелопонесскую герузию».

Греческая революция продолжалась восемь с половиной лет, и ее можно, по мнению Г. Л. Арша, разделить на 4 этапа:

- 1) 1821–1823 гг., когда была освобождена часть территории, прежде всего Пелопоннес, и началось формирование органов власти;
- 2) 1823–1825 гг. После отражения первого натиска турок острые конфликты среди самих греков привели к тому, что Пелопоннес стал ареной двух гражданских войн. Среди их причин называют и стремление Теодороса Колокотрониса к единоличной диктатуре;
- 3) 1825–1827 гг. Борьба против турецко-египетского нашествия;

⁸² Волконский П.М. – кн. И.В. Васильчикову // Бумаги князя Иллариона Васильевича Васильчикова. II. Письма князя Волконского к [князю] Васильчикову // РА. 1875. Кн. 2. № 5. С. 85.

⁸³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. вторая. Т. 4 (12). Март 1821 г. — декабрь 1822 г. 1980. С. 73.

⁸⁴ Там же. С. 96.

⁸⁵ На самом деле, митрополита Германа в тот день в монастыре не было, но он действительно выступил одним из вдохновителей восстания (Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010. С. 154)

4) 1828–1831 г. Правление Каподистрии. Русско-турецкая война, завершение борьбы за независимость, международно-правовое оформление статуса независимости⁸⁶.

Успехи греков на первом этапе объяснялись тем, что значительная часть османских войск после восстания в Молдавии и Валахии была отправлена за Дунай; кроме того, большая часть армии с 1820 г. была занята борьбой с восставшим правителем Эпира и Фессалии **Али-пашой**⁸⁷.

Война велась со взаимным ожесточением. Просвещенная Европа уничтожения мусульман, как и евреев, не замечала. Когда 23 июля 1821 г. первая крупная турецкая крепость Монемвазия, а вскоре, 6 августа, и крепость Ньюкастро в Наварине (греч. Пилос), сдались «на капитуляцию», это не спасло значительную часть турецкое население, включая женщин и детей, от истребления. По мнению ряда находившихся в Греции европейцев, «в отношении дикости и зверства, греки немногим уступали мусульманам»⁸⁸. После этого основные усилия восставших были направлены на осаду Триполицы (Триполиса) важнейшей крепости в Морее, столицы Пелопоннеса, которая продолжалась шесть месяцев. Объединенными отрядами формально командовал Петро-бей, а фактически Теодорос Колокотронис. После неудачной вылазки гарнизона, 23 сентября (5 октября) 1821 г. греки овладели одними из ворот и ворвались в крепость. Как свидетельствовал находившийся в лагере греков французский посланник Рейбо (Rejbaud), руководителям не удалось сдержать ненависть греков к своим поработителям. Трупы валялись кучами на улице, так что «конь Колокотрониса ни разу не коснулся ногой земли от городских стен до самого дворца»⁸⁹. После этого был осажден Коринф. К осени 1821 г. восставшие овладели всем Пелопоннесом (за исключением Патраса, Навплиона, Метони и Корони), Этолией, Акарнанией, Беотией, Фессалией, Аттикой (кроме афинского Акрополя). Почти сразу к восстанию присоединились славившиеся своим флотом острова Специя и Псара, чуть позже богатый остров Идра и затем Самос.

Младший брат Александра Ипсиланти Дмитрий Ипсиланти (1793–1832) 20 июня 1821 г. добрался до Греции через австрийскую территорию под именем А. Стостопопуступулоса и объявил себя представителем брата⁹⁰. На время он стал главнокомандующим, но не смог проявить себя; в августе 1822 г. его сменил Колокотронис, ориентирующийся на Россию, позднее сторонник И. Каподистрии. В том же месяце в Грецию на своем бриге прибыл богатый фанариот и англофил Александрос Маврокордатос, которому удалось сколотить блок греческой верхушки. Назначив себя полковником, он вступил в командование одним из отрядов, в составе которого было много греческой молодежи и корпус филэллинов. В местечке Пета у крепости Киафа близ Арты 6 июля 1822 г. произошла катастрофа, войска Маврокордатоса были почти полностью уничтожены войсками Хуршид-паши.

Непросто выстраивалась административная система освобожденной территории. Первоначально были учреждены три правящие сената: первый в Морее (июнь), второй – в восточной Греции (сентябрь), третий в западной Греции (ноябрь 1821). Греческое национальное собрание, открывшееся 1 (13) января 1822 г. в Пьяду близ развалин древнего Эпидавра сформировало правительство во главе с Маврокордатосом и провозгласило вполне демократическую конституцию и полную независимость Греции (27 января). В январе 1822 г. была организована центральная власть.

⁸⁶ Арш Г. Л. Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события // Россия и Греция: История и современность. Сб. ст. М.: Толмач, 2008. С. 28.

⁸⁷ Али -паша родом из Тепелена (Албания), родился около 1741 г.; отличился на военной службе, паша Янины (Эпира) в 1788 г.; главнокомандующий в Румелии (1803); с 1814 г. стал вести себя как независимый монарх Эпира. Войска Махмуда II осадили в 1820 г. его столицу, которая сопротивлялась около года. Али-паша был казнен 5 февраля 1822 г., а его голова выставлена в Константинополе перед дворцом султана.

⁸⁸ Феоктистов Е. М. Борьба Греции за независимость. Эпизод из истории первой половины XIX века. СПб.: Тип. Е.И. Глазунова, 1863. С. 71.

⁸⁹ Там же. С. 73.

⁹⁰ Арш Г. А. Тайное общество «Филики Этерия». М., 1965. С. 102–103.

Геноцид греков

Ответом на восстание греков были массовые репрессии турок. Султан Махмуд II 31 марта 1821 г. издал хатт-и шериф (от араб. *hatt* — письмо и *scharif* — достойный); то есть приказ султана, имеющий силу закона для немедленного выполнения, призывающий вернуться к прежней воинственной жизни турок, приобрести оружие и лошадей. Турецкое население Константинополе захватило военные склады и вооружились, в Константинополе произошла резня православного населения. Некоторые из турецких документов весны 1821 г., отражающие обстановку, были приложены к документам посла Г. А. Строганова⁹¹. В 1821 г. трижды, 31 марта, 6 апреля и 4 июня, произошла резня в Смирне (Измире), 10 апреля в Адрианополе (Эдирне) был повешен предыдущий патриарх Кирилл, 30 других священников и известных жителей, 22 апреля произошел погром в Константинополе, 3 мая — резня на Кипре, 19 мая — в г. Фессалоник; 9 июля — повторная резня на Кипре, 11 июля — на острове Кос, 1 сентября было почти полностью уничтожено население острова Самотраки (Самофраки), что нашло отражение в европейской культуре. В Лувре находится картина кисти Огюста Винсона «После резни на Самотраки» (1827 г.). Это же событие упоминается в историко-приключенческом романе Жюль Верна «Архипелаг в огне» (1884).

К концу 1821 г. Турции удалось сосредоточить в Греции две армии. Первая из них под командованием румелийского сераскира Хуршид-паши к началу 1822 г. подавила восстание в Фессалии (восточной части владений Али-паши), вторая — сераскира Махмуд-паши из Драма (Дромали) в восточной Греции, на Коринфском перешейке, отделяющем Пелопоннес от материковой Греции, захватила Коринф. В горных районах продолжали действовать партизанские отряды греков. Военные действия шли с переменным успехом. С начала 1822 г. греки осаждали афинский Акрополь, полностью прервав снабжение гарнизона припасами, а потом и водой. 22 июня 1822 г. Афины капитулировали.

Активные военные действия с участием флотилий восставших островов шли на море, что вызывало раздражение Порты. 30 марта (11 апреля) 1822 г. состоялась «Хиосская резня». В то время из 120 тыс. жителей города около 115 тыс. были православными, остальные — католиками, турками, евреями. Приказ Вахита-паши гласил «даровать жизнь только молодым, согласным принять ислам, старики исключаются». Убивали детей до 3 лет, мальчиков и мужчин старше 12 лет, женщин — старше 40 лет. По неточным данным, от 23 до 25 тыс. были убиты, от 45 до 47 тыс. проданы в рабство и около 23 тыс. бежали с острова. Несколько дней улицы дымились от крови, трупы лежали кучами без погребения, заражая воздух. Оставшиеся жители были обращены в ислам. Остров потерял хозяйственное значение, численность его населения не восстановилась до сих пор. Греческое слово «сфаги» («резня») стало употребительным для этого события, отраженного на известной картине Эжена Делакруа «Резня на Хиосе» (1824 г.).

Позднее, не менее жестоко каратели расправились с островом Псара в 1824 г., так как его жители (во главе с Николисом Апостолисом) одними из первых подняли знамя восстания, превратив свои суда в боевые корабли, а остров — в военно-морскую базу. В начале 1824 г. султан Махмуд II велел принести ему карту империи и молча ногтем соскоблил точку на карте под названием Псара (рядом с Хиосом), выразив таким образом свою волю покончить со скалой, которая препятствовала его господству в Архипелаге. В июне 1824 г. произошла резня на острове Псара, которая в греческой литературе получила название «Разрушение Псара».

Наиболее последовательно в защиту православного населения выступала Россия. Уже 16 (28) июня 1821 г. Александр I послал через Г. А. Строганова ультиматум, в котором было заявлено, что уничтожение христианского народа и греческий вопрос — это

⁹¹ Российский государственный исторический архив (в дальнейшем — РГИА). Ф. 1040. Рибопьер. Оп. 1. Д. 81. Нота русского посла в Турции Григория Александровича Строганова турецкому правительству о начинающейся в Молдавии, Валахии и Греции революции, с приложением переводов указа турецкому султану министру внутренних дел от 18 мая 1821 г. и письма его великому визирю о том же. 1821. Копии. Один из документов 18 мая 1821 г. Фр. яз. — 9 л.

европейская проблема. В течение 8 дней Порты должна была принять следующие условия: 1) восстановить церкви; 2) обеспечить христианской религии полную защиту; 3) в провинциях, приведенных в смятение войной, различать среди подданных виновных и невиновных и щадить тех, которые остались покорными или которые покорятся в назначенный срок.; 4) восстановить в Дунайских княжествах предписанный трактатами режим, немедленно вывести турецкие войска. В то же время в ноте от 4 июля Александр I заявил европейским державам, что на Балканском полуострове, как и повсюду, он является решительным противником революции. В ответных секретных письмах кабинеты европейских держав указали царю, что события на Востоке «представляют собой проявление принципов организованного мятежа, систематически распространявшихся по Европе и вызывавших взрыв каждый раз, когда власть ослабевала по той, или иной причине; что революционное дело достойно уважения в Греции не больше, чем в Италии; что нужно предоставить законной власти, т. е. Порте, заботу бороться с ним; что *неистовства и безумие турок* сами собой прекратятся, как только султан не будет иметь возможности подозревать своего соседа в потворстве мятежу; что участь греков, без сомнения, является прискорбной, но ... разве к тому же греки не являются зачинщиками?»⁹².

Не дождавшись ответа на ноту от 4 июля, российский посол Г. А. Строганов покинул Константинополь, между Портой и Россией были прерваны дипломатические отношения (8 августа 1821 г.)⁹³. Должной поддержки от европейских стран в давлении на Турцию Александр I не получил.

Британский министр иностранных дел Роберт Стюарт, виконт Кэстлери (Robert Stewart, Viscount Castlereagh) 21 июля 1821 г. писал своему представителю в Санкт-Петербурге Бэготу для сообщения Александру I: «Греки образуют разветвление того организованного духа возмущения, который систематически пропагандируется в Европе и который проявляется взрывом всюду, где ослабевает по какой-либо причине рука правящей власти»⁹⁴. На следующий год премьер-министр (с августа 1822 г.) Джордж Каннинг также подчеркивал, что предполагаемое русское вмешательство противоречит союзным принципам. Да и сам российский император, имея два альтернативных выхода из создавшейся ситуации — либо помочь единоверцам и тем самым содействовать революции против «законной» власти; либо в общеевропейских интересах предоставить греков их собственной участи и таким образом стабилизировать социально-политическую обстановку на Балканах — всё же выбрал второй путь, который вполне отвечал политической идеологии Священного союза. Лондонская «Таймс» вынуждена была признать, что принципы легитимизма, скреплявшие Священный союз» долгое время удерживали Россию от военного выступления: «Потребовалось четыре года тяжелой борьбы, — писала газета в декабре 1825 г., — чтобы помешать Александру I пройти маршем от Дуная и уничтожить турецкий деспотизм»⁹⁵.

Революция в Греции и русское общество

В России внимательно наблюдали за положением в Греции и назреванием революционной ситуации. Тем более, что одним из руководителей российского МИДа наряду с Нессельроде, был статс-секретарь И.А. Каподистрия, которому император Александр I поручил «постоянно и тщательно следить за ходом этого дела»⁹⁶.

⁹² Цит. по: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). В 2 т. Т. 1. Священный союз. М.: Гос. изд-во иностранной лит., 1947. С. 194.

⁹³ Только позднее при посредничестве Англии и Франции в качестве советника по русским делам в Константинополь вернулся статский советник М. Я. Минчаки.

⁹⁴ Цит. по: история дипломатии. 2-е изд. Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семенова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М., 1959. С. 530.

⁹⁵ Цит. по: Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел в России во второй четверти XIX века. С. 453.

⁹⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. вторая. Т. 3 (11). Май 1819 – февраль 1821 г. С. 145.

Симпатии к грекам и Греции были характерны для всех слоев российского общества. Будущие декабристы П. И. Пестель, М. Ф. Орлов, В. Ф. Раевский, И. И. Пущин и другие представители русской интеллигенции были знакомы со многими членами «Филики Этерия» и симпатизировали им. Греческий вопрос и Греческая национально-освободительная революция нашли широкий отклик в русском обществе, отразившись в источниках личного происхождения (дневниках, мемуарах, письмах), периодической печати, документальных источниках, значительная часть которых опубликована. Трагические события, поражение этеристов Александра Ипсиланти у монастыря Секу в 1821 г., остро воспринимались в соседней Бессарабии. А. С. Пушкин выразил свое отношение к национально-освободительному движению в Греции на страницах дневниковых кишиневских записей 2 апреля — 6 июня 1821 г.⁹⁷ Например, 2 (14) апреля 1821 г. он записал в дневнике: «Я твердо уверен, что Греция восторжествует и 25 000 000 миллионов турок оставят цветущую страну Еллады законным наследникам Гомера и Фемистокла»⁹⁸. Позднее, в письме к князю П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. писал: «Если летом поедешь ты в Одессу, не завернешь ли по дороге в Кишинев? Я познакомлю тебя с героями Скулян и Секу, сподвижниками Иордаки, и с гречанкою, которая целовалась с Байроном»⁹⁹. Позднее А. С. Пушкин, описал эти события в повести «Кирджали» (1834)¹⁰⁰, в которой фигурирует и Георгакис Олимпиос, и упомянул в рассказе «Выстрел» (1831). Греческой революции он посвятил и стихи («Гречанке»; «Восстань, о Греция, восстань»). Борьба Греции за независимость нашла отражение в поэзии многих русских поэтов. В 1824 г. Вильгельм Кюхельбекер опубликовал стихотворение «На смерть Байрона», а Дмитрий Веневитинов работал над прологом «Смерть Байрона». К греческой теме обращались В. Н. Григорьев («Гречанка», 1824), И. И. Козлов («Пленный грек в темнице», 1822), В. В. Капнист, Н. И. Гнедич¹⁰¹. Василий Туманский, служивший в Одессе в канцелярии М. С. Воронцова, в декабрьском альманахе «Звездочка (1825 г.), издававшемся А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым, опубликовал «Греческую оду», в которой призывал греков «Во имя Бога — мщенье, мщенье» (републикована в «Русской старине»)¹⁰². Современники греческого восстания в России могли получать представление о происходящих в Греции событиях из периодики, в частности, «Санкт-Петербургских ведомостей», «Северной пчелы», где были опубликованы материалы генерального консула в Смирне Спиридона Юрьевича Дестуниса¹⁰³. В «Вестнике Европы»¹⁰⁴ в 1821 г. был помещен «Военный гимн» греческого поэта и революционера Ригаса Фереоса, публиковались обзоры текущих политических событий¹⁰⁵. Различные материалы печатались в «Московских ведомостях» и журнале «Сын Отечества».

В России также была доступна литература, издававшаяся в Европе, причем, некоторые мемуары современников-очевидцев оперативно переводились на русский язык. Так, в 1824 г. в переводе литератора Ореста Сомова были изданы мемуары французского полковника Бутье, участника штурма Триполицы в 1821 году¹⁰⁶, писавшего, что «этот город остался в моей памяти покрытым кровавым покрывалом», когда, по выражению Трикуписа, «греки в один день решили отомстить за 4 века». Среди очерков исторического характера

⁹⁷ Пушкин А. С. Из кишиневского дневника // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М., 1962. С. 303–306. Примеч. Т. Цявловской: С. 431–432.

⁹⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 12. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 302.

⁹⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 13. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 61.

¹⁰⁰ Кирджали — болг. «кърджали», тур. *kirçali* — дословно «разбойник, который действует в открытом поле». Георгий Кирджали, болгарин по национальности, сражался в отряде Ипсиланти, был арестован, бежал и разбойничал в окрестностях Ясс.

¹⁰¹ Греческая революция 1821 года в зеркале русской поэзии / Сост. и предисл. С. Ильинской. Афины: Кн. изд-во «Эстия» и И. Д. Колларос и К°, 2001. — 124 с.

¹⁰² Туманский В. И. Греческая ода // Русская старина. Т. 39. № 7. С. 76

¹⁰³ Дестунис С. Д. Известие о графе Каподистрия // Северная пчела. 1828. № 113–115.

¹⁰⁴ О видах касательно будущей судьбы греков // Вестник Европы. 1821. № 24. С. 240–347.

¹⁰⁵ Политические и другие происшествия // Вестник Европы. 1821. № 11. С. 235–240; № 13. С. 69–77.

¹⁰⁶ [Бутье]. Записки полковника Бутье о нынешней войне греков. Пер. Ореста Сомова. СПб, 1824.

особое значение имели книги французского писателя, историка и дипломата Франсуа Шарля Пукевиля (1770–1838), назначенного Наполеоном консулом в Янине при дворе Али-паши Янинского. Много путешествуя по Греции, он изучил жизнь греков, турок и албанцев. На русском языке еще в 1822–1824 гг. была опубликована в трех частях его книга о янинском паше¹⁰⁷. Это была одна из книг, из которой русский читатель черпал сведения о положении греков и Греции под османским владычеством. В 1834 г. в Париже он издал двухтомную «Историю возрождения Греции»¹⁰⁸. В 1827 г. в Париже анонимно вышли в свет путевые записки Шарля Деваля (1806–1862), без указания подлинного имени, сына драгомана при французском посольстве в Константинополе Константина Деваля. На следующий год (1828) они были опубликованы первым изданием на русском языке¹⁰⁹. С действующими лицами греческой эпопеи русская публика знакомилась и визуально по литографиям «Картина историческая и политическая новой Греции» С. Н. Глинки с «картинной галереей» Джованни Богги (1829), где с натуры были изображены герои войны и их противники, а фронтиспис украшал портрет И. А. Каподистрии¹¹⁰.

Русская дипломатия в Греческом вопросе в 1821–1825 гг.

Европейские державы и Греция

Наиболее актуально это было в период европейских революций 1820–1823 гг. Под влиянием революционного движения в Европе на конгрессе Священного союза в Лайбахе (Любляна) в циркуляре от имени России, Австрии и Пруссии содержалось порицание Греческой революции (14 декабря 1822 г.).

Василий Капнист в своем «Воззвании на помощь Греции» (1821 – 1822) обращаясь к странам Священного союза, призывал:

*А вы, могущие державы,
Поклявшись кресту служить!
Захочете ль бессмертной славы,
Себя в сей брани отчуждить?*

Откровенно о позиции европейских держав в начале восстания в Греции писал Ф. Ф. Вигель: «Когда греки восстали на турок, положение России в отношении к сему делу было самое затруднительное. Возмущение сие совпадало с другими, совершившимися на Западе, казалось, в тайной связи с ними и как бы продолжением мятежной цепи от Тага до Босфора. Стараясь усмирять одних, как можно было явно помогать другим против султана, законного владыки, в нарушение святости трактатов! Католический мир, французское правительство и особенно Австрия открыто держали сторону турок; Англия, по обыкновению, смотрела спокойно на резню народов. Нам же, с другой стороны, без всякого участия внимать воплям наших братии, наших единоверцев, наших первых наставников и учителей во святой нашей вере, было невозможно. Все народы европейские, вся Россия взывали к государю; а Турция, тайно подстрекаемая, вероятно, самими же либералами, своими дерзкими поступками сама вызывала нас на бой»¹¹¹.

Наиболее враждебно к восстанию в Греции относилась Австрия в лице Меттерниха, которая только что подавила восстания в Неаполе и Пьемонте и не была заинтересована в возникновении аналогичных движений среди своих славянских подданных, а также в

¹⁰⁷ Пукевиль Ф. Ш. Жизнь Али Паши Янинского со времени его детства до 1821 года, содержащая подробное и верное описание чрезвычайных его злодеяний и ужасного над поработченными народами Греции тиранства. 3 ч. Пер. с франц. П. Строев. М.: Типография С. Селиванского, 1822–1824 Ч. 1. М., 1822. – [VIII], 139 с.; Ч. 2. М., 1822. – XX, 207 с.; Ч. 3. М., 1824. – [4], 179 с.

¹⁰⁸ Pouquellé F.-C.-H.-L. Histoire de la Régénération de la Grèce. V. 1–2. Paris, 1834.

¹⁰⁹ [Шарль Деваль]. Два года в Константинополе и Морее (1825–1826), или исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск Ибрагима-паши, Солиман-бея и проч. Соч. К. Д. Пер. А. Очкина. СПб., 1828. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Deval_Charles/text1.htm

¹¹⁰ Глинка С. Н. Картина историческая и политическая новой Греции», изданная Сергеем Глинкою. М., 1829.

¹¹¹ Вигель Ф. Ф. Записки. München: In Werden Verlag, 2005. С. 266.

усилении влияния России на Балканах. Меттерних предлагал себя как посредника в деле «умиротворения Греции» для сдерживания России и сохранения status quo. Не входящая формально в Священный союз Англия на первом этапе также считала для себя невыгодным появление независимой Греции, что могло привести к доминированию России в регионе Восточного Средиземноморья и усилению торговой конкуренции греков в Леванте. Для контроля она старалась связать внешнеполитические инициативы России со своим курсом. Когда пришло понимание необратимости процесса и под давлением общественного мнения Лондон признал греков воюющей стороной, Англия стала оказывать помощь грекам. Но и в этом случае Англия ставила целью ограничить континентальную территорию возможного Греческого государства. Англия выступала за монархическую форму правления в Греции, вопреки желанию греков республики. Франция на первом этапе Греческой революции была озабочена подавлением революции в соседней Испании, на что она получила мандат Священного союза. Кроме того, ее связывали особые торгово-экономические отношения с Мухаммедом Али в Египте (1805–1848), формально вассалом турецкого султана Махмуда II (1805–1839).

В последние годы царствования Александра I крах императорской утопии «объединенной Европы» и кризис Священного союза обусловили изменение позиции Российской империи в вопросе о независимости Греции. Уже в 1823 г. началась дипломатическая подготовка греческого возрождения; с Лондоном, Парижем, Веней, Берлином велись переговоры о «будущей судьбе греков», суть которых заключалась в утверждении позиции России, требовавшей освобождения Греции. Как только последняя по времени испанская революция была подавлена, Александр снова активизировал идею европейского соглашения об умиротворении Греции. В октябре 1823 г. состоялись встречи Александра I с австрийским императором в Черновицах, а Нессельроде — с Меттернихом во Львове, которые, однако, оказались безрезультатными.

Удар по Священному союзу был нанесен в Испанской Америке, где победили революционные начала. Вслед за США, чтобы не потерять в торговой конкуренции, 31 марта 1823 г. Дж. Каннинг объявил, что «независимость испанских колоний представляет свершившийся факт», а в июле 1824 г. Англия заключила торговый договор с Республикой ла Платы (Аргентиной) и проявила интерес к торговле с греками. Изменились и общественные настроения: в сентябре 1823 г. в Лондоне в пользу греков был образован филэллинский комитет. При содействии Греческого комитета в Лондоне в феврале 1824 г. был впервые выделен кредит греческому правительству в размере 800 тыс. ф. ст., а в 1826 г. заключено соглашение о кредите еще на 2 млн. ф. ст.¹¹² Это было больше, чем все пожертвования, собранные филэллинскими комитетами. Кредиты открывали возможности для последующей экономической экспансии в Грецию. Англия стала на путь осторожного поощрения греков. Однако Австрия как могла противодействовала, 7 (19) октября 1823 г. в Черновицах Меттерних пытался внушить Александру I мысль о восстановлении русско-турецких отношений.

Борьба греков и борьба вокруг Греции, а также победа революционных начал в Америке привели к 1823–1824 гг. кризису внутри Священного союза с его легитимистскими принципами, изменению внешнеполитической повестки и, в конечном счете, обретению Грецией независимости.

«Мемуар» Александра I от 9 (21) января 1824 года

Подавление к 1823 г. революций в Европе, геноцид греков, потеря влияния на Балканах и общественное мнение внутри страны заставили Александра I изменить свою позицию. Это привело к появлению первого документа об автономии Греции — «Записки российского правительства правительствам Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции

¹¹² Панин С. О. Участие иностранных добровольцев в греческой революции 1821–1830-х гг. // Вестник Балтийского ун-та им. И. Канта. Сер.: гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 75.

от 9 (21) января 1824 г., так называемая «Записка об умиротворении Греции». (*Mémoire sur la pacification de la Grèce*)¹¹³.

Учитывая важность этого документа, приведем наиболее важные пункты:

«[...] Все союзные державы считают своим священным долгом способствовать сохранению всеобщего мира; однако до тех пор, пока продолжаются распри Порты с Мореей и островами Архипелага, пока там господствуют революция и безначалие, этого мира не будет ...

[...] Между тем, очевидно, что турки никогда не согласятся признать в какой бы то ни было форме политическую независимость Греции. Не менее очевидно, что греки в свою очередь никогда не согласятся вернуться в то состояние, в каком они находились по отношению к Порте до войны. Итак, решение проблемы может быть лишь промежуточным; и не подлежит сомнению, что если такое компромиссное решение будет подкреплено доказательными примерами, если оно позволит убедить турок, ... и греков... то будут обеспечены наилучшие шансы на успех. [...] Исходя из того, что в Османской империи существуют отдельные княжества, ... кабинет е. и. в-ва предложил бы образовать на материковой части Греции княжества по примеру Дунайских. Таких княжеств было бы три, что, по-видимому, оправдывается самим географическим положением Греции. Первое из них включало бы Фессалию, Беотию и Аттику, или Восточную Грецию. Второе состояло бы из бывшего Венецианского побережья, не отошедшего к Австрии, а также из Эпира, Акарнании, или западной Греции. В состав третьего вошли бы Морея, или южная Греция, и возможно даже о-в Кандия (Крит — Л. В.). Что касается островов Архипелага, то на них можно было бы ввести муниципальное управление, что по существу явилось бы лишь возобновлением и узаконением привилегий, которыми они пользуются испокон веков. [...] Порта сохранила бы за собой суверенитет над всеми перечисленными выше странами. Она не посылала бы туда ни пашей, ни губернаторов, но получала бы ежегодно дань, сумму которой можно было бы определить уже теперь, сообразуясь с размерами и ресурсами каждого княжества или острова. На все административные должности назначались бы представители коренного населения, и, в целом, Порта поддерживала бы с Грецией и Архипелагом такие же отношения, какие она поддерживает с Валахией и Молдавией. Греческие княжества пользовались бы полной свободой торговли и получили бы от Порты право иметь собственный флаг»¹¹⁴.

Далее в записке констатировались: «[...] Вот уже три года, как турки тщетно пытаются покорить Морею и Архипелаг. Они потерпели неудачу на суше и на море. Новая четвертая по счету военная кампания может решить вопрос бесповоротно, и еще неизвестно, в их ли пользу»¹¹⁵.

Заканчивалась записка утверждением о благоприятном моменте для переговоров: «Турецкие карательные экспедиции оказались безрезультатными. Греки же разобщены и испытывают нужду в деньгах и людях. Из-за зимы установилось фактическое перемирие; среди турок и среди греков чувствуется неуверенность и усталость. В чью бы сторону не склонилась чаша весов, весной переговоры станут более трудными, а успехи более проблематичными»¹¹⁶.

Таким образом, Александр I, стремившийся соединить российские и общеевропейские интересы, подчеркивал, что греческая революция может иметь два исхода: или Греция сохранит в будущем ту «своеобразную независимость», которую она уже обрела, или будет покорена силой турецкого оружия. В этой ситуации, российский император, отвергая реализацию обоих и подчеркивая необходимость установления

¹¹³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 5 (13) Январь 1823 г. – декабрь 1824 г. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1982. С. 308–314 (фр.), 314–319.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 319.

¹¹⁶ Там же.

всеобщего мира с удовлетворением интересов, как греческой, так и турецкой стороны, предлагал компромиссное решение «греческого вопроса». План Александра I предполагал разделение материковой Греции на три самоуправляющихся княжества, подобно Дунайским, при сохранении сюзеренитета Порты над греческой территорией с уплатой ей ежегодно дани. Не зависящие от Турции в своей торговой деятельности и управлении, княжества должны были находиться под защитой международного права. В разъяснительных письмах союзным дворам указывалась на настоятельную необходимость принять предложения России и признать возможными совместные «демарши, имеющие целью заставить турецкое правительство согласиться с принципами коллективного вмешательства в дела Греции», согласно секретным протоколам Веронского конгресса Священного союза от 19 ноября 1822 г.

По предложению Меттерниха, Англия, потребовала сообщить проект преобразования Греции правительству Греции, с 1823 г. находящемуся в Наполи-ди-Романии (Нафплионе). Это была западня для Александра I, тем более что, непонятно каким образом содержание секретной ноты стало достоянием общественного мнения. Проект был оглашен в июне 1824 г. и вызвал бурное недовольство греков. Справедливость требует отметить, что предполагаемая территория трех княжеств вместе взятая значительно превосходила территорию Новогреческого государства, образованного в границах 1830–1834 гг.

Греческое правительство выступило с энергичным протестом, препровожденным в августе лондонскому кабинету. Форин офис (Foreign Office) благосклонно принял греческую ноту и в ноябре ответил на неё официально. Это был, помимо прочего, факт открытых отношений с греческим правительством. В это время Джордж Каннинг сообщил в Петербург, что его родственник (племянник) известный своей русофобией Стрэдфорд-Каннинг, который должен был представлять Англию на конференции в Санкт-Петербурге и до сих пор откладывавший свой отъезд, действительно отправится в Россию. Но, сообщалось, что он не будет принимать участие в заседаниях конференции по Греческом вопросу, а ограничится переговорами по уточнению границ между российскими и английскими владениями в Северной Америке. Можно представить, как был раздражен Александр I, узнав об этом в декабре 1824 г.

Стрэдфорд-Каннинг по пути посетил в Женеве Каподистрию, пытаясь убедить его в том, что греки еще не доросли до того, чтобы существовать как свободный народ, а Греция подобно Ионическим островам могла бы стать протекторатом Англии. Каподистрия заявил в ответ: «Греция вправе ожидать большей и лучшей судьбы, нежели колониальное существование, на которое обречены Ионические острова»¹¹⁷.

Заклучив тройственный договор, каждая из сторон, старалась укрепить свои позиции, опасаясь в то же время усиления в Греции влияния двух остальных. Англия добилаь от Национального собрания в Гермione назначения двух англичан, Чэрча и Кокрэна, генералиссимусом и адмиралом. С 1824 г. Англия в наибольших масштабах субсидировала греков и контролировала греческий флот, а Франция — армию. Узнав (в декабре 1824 г.) о том, что Англия отказывает ему в содействии давления на Турцию и таким образом делает неосуществимым его планы, император Александр I объявил, что не будет более входить с лондонским двором в сношения по греческим делам, и не допускал к себе Стрэдфорда-Каннинга, прибывшего в Петербург в конце января 1825 г. Официально он прибыл для заключения конвенции о границах мореплавания в Беринговом заливе, но встретил холодный прием. В Москве встречался с П. А. Вяземским, который в записках указывает, что приезд английского дипломата рассматривался как миссия «для переговоров по греческим делам»¹¹⁸. Не случайно в записной книжке великого князя Николая Павловича оказалась очень резкая по отношению к дипломату фраза «нахальство Страффорда-

¹¹⁷ Цит. по: Виноградов В. И. Джордж Каннинг., Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 119.

¹¹⁸ Вяземский П. А. Записные книжки (1813 – 1848). М.: Изд-во АН СССР, 1063. С. 395.

Каннинга»¹¹⁹. Впоследствии, в 1832–1833 гг. император Николай I отказался принять его в России в качестве посла, что вызвало дипломатический конфликт. В результате Каннинг на некоторое время был отправлен в Мадрид в курьёзном качестве посла в Российской империи.

Совещания по выдвинутым Россией предложениям проходили в Санкт-Петербурге с февраля по апрель 1825 г. Но они были обречены на бесплодность. В случае отказа Порты от коллективного посредничества Россия предлагала принять по отношению к туркам и грекам «принудительные меры». Французский историк А. Дебидур по этому поводу пишет: «Это равнялось тому, чтобы предложить Священному союзу вмешаться *manu militari* в дела Балканского полуострова, как он в свое время поступил в Италии и Испании; только на сей раз исполнителем его предписаний явился бы без сомнения, русский император»¹²⁰. Ни одна из европейских держав этого не хотела, видя в этом угрозу со стороны России.

После переговоров в Петербурге, продолжавшихся шесть недель, 25 марта (7 апреля) был подписан лишенного всякой обязательности протокол. В силу этого протокола державы обязывались: 1) просить Порту добровольно согласиться дать своим подданным надлежащее удовлетворение; 2) в случае отказа предложить ей свое посредничество. Каждая держава к тому же должны была выступать в отдельности. Александр I, возмущенный таким разрешением вопроса, объявил циркуляром 16 апреля, что он намерен предложить непосредственно государям, своим союзникам и друзьям, то вмешательство в дела Греции, которое он так страстно желал и которое являлось необходимым, с одной стороны, по чувству человечности, а с другой — ввиду революционной опасности¹²¹.

6 (18) августа 1825 г. Нессельроде направил послам России в столицах Европы указание, что «впредь бесполезно будет вступать в новые объяснения с союзниками о турецких делах»¹²². Одновременно в депеше подчеркивалось, что «отныне Россия будет исключительно следовать своим собственным видам и руководствоваться своими собственными интересами»¹²³.

Четырехлетний внешнеполитический курс в оковах Священного союза потерпел крах.

Египетская карта султана

Естественно, предложения европейских держав были отвергнуты, тем более что в подавлении греческого восстания наметился благоприятный для Порты перелом. Он был связан с действиями в Море египетского корпуса под командованием **Ибрахима-паши**¹²⁴, сына египетского правителя **Мухаммеда Али** (также Мегмет-Али)¹²⁵. Египет под

¹¹⁹ Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М.В. Сидоровой, М.Н. Силаевой. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 96.

¹²⁰ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 245.

¹²¹ Цит. по: Там же. С. 246.

¹²² Собрание трактатов и конвенций. Т. IV. Ч. I. С. 347.

¹²³ Цит. по: Гуткина И. Г. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за национальную независимость (1823–1826 гг.) // Ученые записки Ленинградского педагогического института им А. И. Герцена. Т. 288. Л., 1966. С. 158.

¹²⁴ Ибрахим-паша (Ibrahim paşa; ок. 1789–1848), родился в Кавалле (Восточная Македония); в 1816–1841 гг. — командующий египетской армией, победитель ваххабитов в Аравии (1816–1818), после удачных кампаний в Сеннаре, Дарфуре и Кордофана послан в Грецию в качестве командующего флотом и возглавлял египетские войска в Греции (1824–1827); победитель турок в Сирии (1831–1832); губернатор Сирии; во время второго похода в Сирию победитель турок при Незибе (1839); вынужден оставить Сирию (1841); умер в Каире в 1848 г.

¹²⁵ Мухаммед Али (Мехмет Али; Mehemet Aly; 1769–1849) — по происхождению турок из Кавалы, сирота, воспитан губернатором Каваллы, на дочери которого женился; долгое время торговал табаком, ему покровительствовал марсельский купец; был офицером в албанском корпусе; в 1798 г. — начальник албанского отряда в Египте в войне против французов, с 1805 г. — паша и вали (наместник) в Египте (губернатор Каира в 1806), укрепил свою власть избиением мамлюков (1811); утвердился на этом посту победами в Аравии (1812–1818), в Нубии, Кордофана, Сеннаре; преобразователь Египта; с 1824 г. паша в

управлением Мухаммеда Али, которого называют египетским Петром I, при поддержке Франции и французских специалистов модернизировался и претендовал на роль лидера в мусульманском мире. Султан Махмуд II был вынужден обратиться к помощи своего формального вассала, обещая ему Кандию (Крит) и Пелопоннес. Венский кабинет также подталкивал султана призвать на помощь Мухаммеда Али, рассчитывая, что греки будут уничтожены и вопрос о греческой автономии сам собой отпадет.

В августе 1824 года Ибрахим-паша был поставлен во главе египетского флота, который поддерживался турецкой и тунисской эскадрами. 12 (24) февраля 1825 г. Ибрахим высадился на юге Пелопоннеса и начал продвижение на север. Тем временем, 13 (25) апреля 1825 г. 20-тысячная армия Решид-паши осадила Месолонги (Месолонгион); это была третья осада, которая продолжалась почти ровно год до ночи с 10 на 11 (22 –23) апреля 1826 г. Население умирало от голода и обстрелов города. Только 1300 человек смогли прорваться в последнюю ночь обороны, остальные были истреблены. Шесть тысяч женщин и детей было продано в рабство. Судьба этого города была связана с именем Байрона, а художник Э. Делакруа написал картину «Греция на развалинах Миссолонги». В мае предшествующего 1825 г. Ибрахим-паша, взяв Наварин, сделал его своей базой снабжения. Оставшееся население было уничтожено. Затем такая же участь постигла Триполицу. Египтяне вырубали виноградники, оливы, уничтожали деревни, вырезали население, заселяя опустошенные места мусульманами. А. Д. Блудова вспоминала об этих событиях: «Взявши разрушенный Наварин (Ибрахим – Л. В.), неистовал со своими египтянами по всему взморью: от Афин, Мисолунги, Патроса, Триполицы остались одни развалины»¹²⁶. Пленные греки продавались на невольничьих рынках.

К несчастью, в Греции после восстания в октябре 1824 г. против правительства, возглавляемое Колокотронисом, вспыхнула гражданская война, которая заливало Пелопоннес потоками крови вплоть до января 1825 г. Греция оказалась на краю гибели. В этой ситуации, опасаясь гнева Александра I, Каннинг решил вмешаться, войдя в контакт с Ибрахимом. Столица Навплия (Нафплион) была пощажена, хотя египтяне продолжали владеть почти всей Мореей. Авторитет Англии среди греков вырос, и уже в августе 1825 г. они обратились к английскому кабинету с просьбой взять их под покровительство и дать им короля, причем, первоначально корона предполагалась для принца **Леопольда Саксен-Кобургского**¹²⁷, с 1816 г. жившего в Англии и пользовавшегося там большой популярностью.

О перемене настроений греческого общества в «Записке о служебной деятельности» И. Каподистрия в декабре 1826 г. писал так: «Завидуя русскому влиянию, некоторые кабинеты старались внушить грекам, что Россия безвозвратно от них отвернулась и что им не оставалось другого спасения, как отказаться от всякой надежды на эту державу, от всяких связей с ней. Таким образом удалось им исторгнуть у греков в 1825 году июльский акт, которым они были принуждены испрашивать *исключительного* покровительство Великобритании»¹²⁸.

Тем временем, многомесячные бесплодные петербургские переговоры продемонстрировали нежелание европейских кабинетов «умиротворить» Грецию и их стремление «помочь» Турции. В результате Александр I отказался от следования интересам общеевропейской политики. В инструкции российским послам от 2 (14) августа 1825 г. объявлялось о прекращении обсуждения с правительствами «восточного вопроса» и подчеркивалось, что Россия более не станет обращаться «к совету Европы», а будет

Кандии (Крит) в награду за помощь оказанную Махмуду II против греков; в 1842 г. фактически отошел от дел; в 1847 г. сошел с ума; умер в 1849 г.

¹²⁶ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 187.

¹²⁷ Леопольд Саксен-Кобургский (1790–1865), из Саксен-Кобург-Готской династии, состоял в кратковременном браке (1816–1817) с принцессой Шарлоттой, скончавшейся при родах, дочери принца Уэльского, старшего сына короля Георга III, бывшего регентом при душевнобольном отце.

¹²⁸ [Каподистрия И. А.] Записка графа Каподистрии о его служебной деятельности. С. 288.

действовать в соответствии только с национальными интересами. Начались прямые переговоры с Портой. Разорвав узы Священного союза, Александр I всё же осознавал, что Российская империя не сможет действовать без союзника. Таким вероятным союзником оставалась Англия. С 1825 г. наметились отход императора от союза с Австрией и сближение России с Англией. Пытаясь затянуть созыв совещаний, Австрия и Англия утверждали, что им должно предшествовать возвращение русского посольства в Константинополь, хотя Порта тянула с эвакуацией княжеств, чего требовала Россия. В июне Александр объявил, что назначит посла. 28 августа он официальной нотой объявил державам о назначении послом в Турцию **А. И. Рибоьера**¹²⁹, «но, с другой стороны, верный своей нерешительности, он отложил до нового распоряжения отъезд этого дипломата»¹³⁰.

Как уже отмечалось, создатель Священного союза Александр I долгое время, исходя из принципов легитимизма, подчинял им национальные интересы России и долгие другие признавал греков «бунтовщиками» против законного монарха (пусть и султана). Эта позиция привела к утрате влияния России на Балканах. Если ранее в дипломатических документах отмечалась «чрезвычайная приверженность всей Греции к России», особенно «у несчастных жителей Мореи»¹³¹, то теперь общественное мнение о России и русских резко изменилось. По донесениям дипломатов, греки стали неприязненно относиться к России и русским. За полгода до событий под Наварином, в мае 1827 года посол в Константинополе А. И. Рибоьер секретной депешей уведомлял МИД: «Посланный мною в Грецию переводчик Тимони вернулся из поездки. Посылка этого чиновника имела целью сбор достоверных сведений о положении в этой стране, ее ресурсах и возможности, характере наиболее видных людей, занимающих там ныне руководящее положение, и о настроениях народных масс. Представленные им сведения еще больше подтверждают мое мнение, которое я взял на себя смелость высказать уже давно: все чувства и симпатии, которые некогда греки питали к России, полностью угасли. Против России высказываются уже открыто, тогда как английское влияние получило в этих краях почти исключительное преобладание, которое с каждым днем будет упрочиваться ещё больше благодаря стараниям двух английских генералов, распоряжающихся всеми ключевыми *постами*, большими суммами денег, сухопутными и морскими силами. Эта истина не подлежит сомнению»¹³².

О кончине Александра I в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Лондоне узнали 6 (18) декабря. Через несколько дней газета «The Times» (21 декабря) в статье, посвященной памяти Александра, в связи с восточным кризисом написала: «Потребовалось четыре года тяжелой борьбы ... чтобы помешать Александру пройти маршем от Дуная и уничтожить турецкий деспотизм»¹³³. При известии о кончине Александра I, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, «греки же и филэллы не скрывали своей радости: они возлагали великие

¹²⁹ Рибоьер (Ribeauipierre), Александр Иванович (1781–1865), русский дипломат швейцарского происхождения, граф (1856), действительный тайный советник, флигель-адъютант Павла I; исполнял разные дипломатические поручения (1806–1807); в 1817–1823 гг. — управляющий Государственным коммерческим банком, в 1820–1823 гг. — Главный директор Государственного коммерческого банка. После назначения министром финансов Е. Ф. Канкрин, в мае 1824 г. Александр I повелел считать Рибоьера в ведомстве Коллегии иностранных дел, а 15 августа он получил назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе. В 1826 г. был одним из уполномоченных во время русско-турецких переговорах в Аккермане и реально был в Константинополе в 1827 и 1829–1830 гг. Впоследствии посланник в Берлине и Мекленбург-Шверине (1831–1839). Продолжил службу при императорском дворе.

¹³⁰ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 242.

¹³¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Сер. вторая. Т. 3 (11). Май 1819 – февраль 1821 г. С. 405.

¹³² А. И. Рибоьер – К. В. Нессельроде, 5 (17) мая 1827 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Российское академическое изд-во «Наука», 1992. С. 104.

¹³³ Гуткина И. Г. Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за национальную независимость (1823–1826 гг.). С. 168.

надежды на Константина Павловича, потому что он в молодых годах говорил по-гречески, имел при себе Куруту [грек-генерал, любимец Константина] и покровительствовал иногда единоземцам их, находящимся в России. Сии бессмысленные не знали, что никто так не вооружался против войны с турками»¹³⁴. О взглядах и намерениях вступившего на престол Николая I современники могли только гадать.

До Наварина. Греческий вопрос в дипломатии Николая I

(1826–1827 гг.)

Петербургский протокол 23 марта (4 апреля) 1826 года

Николай Павлович до своего воцарения был знаком с многими из послов в Санкт-Петербурге, но взгляды его на греческую проблемы были для них неясны¹³⁵. Было лишь известно, что он оказывал доверие друзьям греческого дела, вроде М. М. Сперанского, а также, что он находился в дружбе с Каподистрией. Он торжественно заявил на первом приеме иностранных дипломатов, что считает себя солидарным со своим предшественником относительно Оттоманской империи и что он намерен просто «*продолжать*» политику Александра. Но он прибавил не без остроумия, что «не хочет повторять ее с самого начала»¹³⁶. Известно, что Александр I последнее время начал обнаруживать намерение добиться своего при помощи оружия, не спрашиваясь Европы.

«Брат мой, — сразу же заявил император в разговоре с австрийским послом графом Людвигом фон Лебцельтерном, — завещал мне крайне важные дела, и самое важное из всех — восточное дело. Он был готов покончить с ним, когда преждевременная смерть похитила у нас императора Александра. Я непременно должен положить конец этому делу, иначе оно станет для меня источником тяжких усложнений и ни в коем случае не должно оставаться у меня на плечах. Впрочем, не следует думать, что я примусь за его разрешение очертя голову. Я очень рад буду условиться со всеми моими союзниками в вопросе, важность коего я живо сознаю и для них, и для России. Но я не могу возвратиться к прежней системе аргументации. Все уже высказано с обеих сторон, предмет исчерпан. Если они не могут или не хотят действовать заодно со мной и сами меня к этому принудят, то мое поведение будет совсем иное, чем поведение императора Александра. Не обманывайте себя. Не с одним и не с двумя, а со всеми моими союзниками желал бы я привести его к окончанию. Я хочу мира на востоке. Мир нужен мне. В этих видах возвращение моего посланника в Константинополь должно быть действительным залогом искреннего примирения, а не сигналом ссор или войны. Повторяю, если мне изменит хотя один из моих союзников, то я буду вынужден действовать одиноко, и вы можете быть уверены, что это не затруднит меня»¹³⁷.

Николай I поддержал мнение бывшего российского посланника в Константинополе (до 1821 г.) Григория Александровича Строганова¹³⁸, который призывал проводить на

¹³⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. С. 159.

¹³⁵ Подробнее см.: Высокочков Л.В. Николай I и его время. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018.

¹³⁶ Цит. по: Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 255.

¹³⁷ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 9–10.

¹³⁸ Строганов Григорий Александрович (1770–1856), граф. Посол в Испании, Швеции, Османской империи. В 1816 году получил назначение возглавить миссию в Константинополе. В июле 1821 года покинул турецкую столицу вместе со всей российской миссией Константинополе в знак протеста против наложения Турцией эмбарго на товары, провозимые кораблями под российским флагом, и запрета греческого судоходства в проливах. Тогда же, в 1821 году произведен в действительные тайные советники. В 1822–1826 гг. в отпуске за границей. Член Государственного совета (1827). Обер-камергер и обер-шенк. О нем см.: Кудрявцева Е.П. Российский посланник в Константинополе Г. А. Строганов // Портреты российских дипломатов. М. 1991. С. 27–46.

Балканах «истинно национальную и религиозную политику»¹³⁹. Кандидатуру Г. А. Строганова Николай Павлович рассматривал даже как возможного министра иностранных дел. Ходили также слухи о возможном назначении министром иностранных дел посланника в Англии Х. А. Ливена, которого император срочно вызвал из Лондона¹⁴⁰. Но все-таки, он оставил на своем посту осторожного К. В. Нессельроде, как и других министров предшествующего царствования.

В качестве одного из вариантов Николай I был готов поддержать проект Каподистрии об образовании Дунайской конфедерации из Молдавии, Валахии и Сербии под управлением какого-нибудь немецкого князя и эгидой европейских держав. Обеспокоенный активизацией России в Восточном вопросе руководитель британской внешней политики Джордж Каннинг решил сдержать ее коллективным вмешательством в греческие дела, а также предложил выступить посредником в русско-турецких спорах по поводу невыполнения Османской империей Бухарестского договора 1812 г. Эти предложения Англии должен был пролоббировать чрезвычайный посол, посланный в Россию для поздравления со вступлением на престол нового императора герцог Веллингтон (Артур Уэлсли), знаковый символ российско-британского союза в годы Наполеоновских войн, знакомый Николаю I по его юношескому путешествию по Англии в 1816–1817 гг. и носивший также звание российского фельдмаршала.

А. У. Веллингтону не удалось переиграть Николая Павловича. Император разделил русско-турецкие отношения и греческий вопрос. Он заявил: «Вы знаете, милорд, что я решил идти по следам моего покойного брата. Император Александр незадолго до кончины принял твердое намерение получить оружием те права, которых он тщетно требовал дипломатическим путем. Россия еще не в войне с Портою, но приятельные отношения между обоими государствами прекратились, и, повторяю, не я сделаю шаг назад, когда дело коснется моей Родины»¹⁴¹. Он также заявил лорду А. У. Веллингтону: «Император Александр I перед смертью принял решение: с оружием в руках заставить Порту уважать права России, признанные трактатами. И я скажу вам: если дело дойдет до чести моей короны, то не сделаю первый шаг к отступлению»¹⁴².

Прошло несколько месяцев и Николай Павлович, выступая пред иностранными послами, мог изложить свою точку зрения по греческому вопросу более конкретно: «Умиротворение Греции [нужно проводить] посредством уступок и гарантий, которых мы требуем от Дивана, и которые с другой стороны, советуем грекам принять. Уступки касаются местного и муниципального управления частью территории и жителей в качестве средства прекращения войны. В случае такой договоренности Порты полностью сохранила бы свой суверенитет и избежала бы окончательного расчленения, а для греков означала бы конец обрушившихся на них бед»¹⁴³.

23 марта (4 апреля) 1826 г. был заключен Петербургский протокол или Протокол 4 апреля между Россией и Англией, подписанный А. У. Веллингтоном, К. В. Нессельроде и Х. А. Ливеном об «умиротворении Греции».

Позднее, в записке управляющего министерством иностранных дел К. В. Нессельроде, представленной Николаю I 20 декабря 1827 г. (1 января 1828 г.), была дана следующая оценка этого соглашения: «[...] Находясь в начале переговоров с герцогом Веллингтоном в невыгодной позиции в отношении греческих дел, российский кабинет постоянно стремился доказать лондонскому двору, что он тем не менее не может оставить эти дела на произвол судьбы, что он должен отстоять в Греции свои важные политические

¹³⁹ Цит. по: Така, Виктор. Россия на Дунае: Империя, элиты и политика реформ в Молдавии и Валахии, 1812 – 1834. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

¹⁴⁰ Дивов П. Г. Петербург в 1825–1826 гг. (Из дневника П. Г. Дивова // РС. 1897. Т. 89. № 3. С. 477.

¹⁴¹ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 10.

¹⁴² Гребенщикова Г. А. Морское сражение под Наварином. Причины и следствия. Флот, война, политика. СПб.: Остров, 2017. С. 62.

¹⁴³ Цит. по: Там же. С. 62.

и торговые интересы, а потому считает вопрос о будущем греческих земель делом европейским и не допустит истребления обитающих там христиан. Герцог Веллингтон согласился с этим; невзирая на разъяснения России и на придаваемый ею греческим делам европейский характер, он счел, что возможно ей удастся разрешить их самостоятельно, и подписал протокол от 23 марта (4 апреля). В этом договорном акте было постановлено, что обе державы будут добиваться умиротворения Греции сообща или в отдельности, но на взаимно согласованной между ними основе»¹⁴⁴. Далее отмечалось, что Россия допустит посредничество Англии и что обе державы потребуют для Греции автономии, с условием выплаты султану дани, но Греция сама будет выбирать главу правительства, впрочем, утверждаемого Портой. «Соглашение, — говорилось в документе, — будет сохранять силу, каковы бы ни были отношения России к Оттоманской империи» и предусматривался «заранее отказ от преимуществ в будущем, какие не будут объявлены для всех европейских государств»¹⁴⁵.

Значение Петербургского протокола от 23 марта (4 апреля) 1826 г. заключалось в том, что это был первый подписанный европейский акт в отношении событий в Греции, которые отныне ставились под контроль двух держав. Австрия оказалась изолированной, Меттерних, узнав о Лондонском протоколе, воскликнул: «Какая глупость!». И. А. Каподистрия суммировал взгляды австрийского канцлера просто: «Умиротворение Греции путем истребления греков»¹⁴⁶.

Параллельно с принятием этого акта Николай I решил привести в порядок запутанные двухсторонние российско-турецкие отношения, отказавшись от посредничества Англии. 5 (17) марта 1826 г. Порте был предъявлен ультиматум, который содержал три условия:

1) княжества Молдавия и Валахия должны быть восстановлены в политическом, военном и гражданском отношении; 2) сербские депутаты должны быть отпущены на свободу, а их страна должна учреждения, обещанные ей по Бухарестскому договору; 3) турецкие депутаты должны быть присланы на русскую границу для переговоров с представителями царя по вопросам, касающимся этого договора и являющимся предметом спора между обеими империями.

На ответ был дан шестинедельный срок. Российский демарш совпал по времени с осложнением положения и в самой Греции, где Ибрахим и Мехмед Решид-паша окружили Месолонги (Мессолонгион), который пал в ночь с 10 на 11 (22–23) апреля. Учитывая эти обстоятельства, Каннинг, поручил своему двоюродному брату Стрэдфорту-Каннингу отправиться на Восток и предложить Порте и греческому правительству в Навплии (Нафплион) план примирения. Эта программа соответствовала старой политике тори, одновременно боявшихся ослабления Оттоманской империи и создания нового большого морского государства на Средиземном море. Согласно подходу Англии, Греция, ограниченная приблизительно пределами Мореи и островов, должна была стать автономным государством, но связанным с Турцией узами вассальных отношений. На этом этапе греческое правительство было вынуждено согласиться с предложением о посредничестве (январь 1826) и действительно обратилось к Лондону официально за посредничеством в апреле 1826 г.¹⁴⁷

Тем временем, шесть отведенных Турции недель прошли, и реис-эффенди (министр иностранных дел) известил М. Я. Минчаки, исполняющего после отъезда Г. Строганова обязанности посланника в Константинополе, что Порта принимает основные пункты соглашения (12 мая 1826 г.).

¹⁴⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Цит. по: Виноградов В. И. Джордж Каннинг, Россия и освобождение Греции. С. 128.

¹⁴⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. С. 255.

1 августа начались переговоры в Аккермане (Белгороде-Днестровском). Переговоры вели поверенных в делах в Константинополе М. Я. Минчаки и назначенный послом в Константинополь (но пока не выехавший) А. И. Рибопьер. 25 сентября (7 октября) была заключена Аккерманская конвенция между Россией и Турцией, удовлетворившая ряд русских претензий к Турции по границам, соблюдения статуса Придунайских княжеств, торговле. Позднее А. Д. Блудова (дочь Д. Н. Блудова, в прошлом поверенного в делах в Лондоне, потом министра внутренних дел) вспоминала со слов отца: «Батюшка не раз говорил мне, как сожалел государь о готовности турок согласится на старые условия, как сожалел он, что подписал Аккерманский трактат. Требования наши относились только к Придунайскими княжествам, которые установлены Бухарестским трактатом, а об греках еще не было речи»¹⁴⁸. Европейским державам пришлось одобрить решения конвенции, как «счастливое избавление» от угрозы войны на Балканах. Возможно, ко времени переговоров в Аккермане относится составленная А. И. Рибопьером и датированная октябрём 1826 г. «Записка о современном состоянии торговых сношений России и Турции»¹⁴⁹. Но в Османской империи Аккерманская конвенция рассматривалась Портой как временная уступка в связи бедственным состоянием армии. Летом 1826 г. был уничтожен корпус янычар, а новую армию на европейский лад предстояло создать. 8 (20) декабря 1826 г. султан Махмуд II объявил об аннулировании конвенции и это стало одним из поводов к русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Её основные положения вошли позднее в Адрианопольский договор 1829 г.

Расширение масштабов карательной акции в Греции со стороны египтян и связанный с ней геноцид греческого населения не могли не волновать Петербург. 5 июня 1827 г. египетские и турецкие войска взяли Афины, на следующий день пал Акрополь, который сопротивлялся с августа 1826 г. Большая часть Мореи была потеряна. Те, кто не был убит, продавались в рабство, в частности, в Египет. Это был кризис восстания в Греции. В этих условиях 17 (29) сентября 1826 г. Россия предложила Лондону организовать совместную военно-морскую блокаду Мореи, чтобы изолировать армию Ибрахима-паши. Занять более активную позицию на тот момент Россия не могла, так как продолжалась война с Персией в связи с нападением персиян на Закавказье (1826–1828).

30 января (11 февраля) 1827 г., проделав трудный путь через Балканский хребет, в Константинополь прибыл посланник А. И. Рибопьер (назначенный еще в 1824 г.). В пути он сделал остановку в Бухаресте, дожидаясь А. О. Дюгамеля, назначенного вторым секретарем при военном отделении русского посольства в Константинополе, которое возглавлял штабс-капитан Тучков (членами его были также подпоручик Веригин и граф Ливен). В связи с раскисшими дорогами путь был труден и небезопасен. В Константинополе дипломаты отправились в Буюк-дере, так как русский дворец в Пере не был отстроен после пожара. Сразу после прибытия Рибопьер отправился с визитом к визирю, а затем — к султану. Дипломатический корпус в Константинополе был в это время представлен посланниками Англии (Стрэдфорд-Каннинг), Франции (граф Гильемино), Австрии (барон Оттенфельс), Испании (Кастильо), Сардинии (Гропалло)¹⁵⁰.

Тогда, в начале 1827 г., Россия предложила новый российский проект основных положений договора о Греции, который в основном повторял положения Петербургского протокола 1826 г. Он был передан управляющим министерством иностранных дел К. В. Нессельроде послу в Лондоне Х. А. Ливену. 9 (21) января 1827 г. Россия согласилась с французским предложением превратить Петербургский протокол от 23 марта (4 апреля) 1826 г. в трехсторонний англо-русско-французский протокол, но при обязательном условии, что в нем будут предусмотрены конкретные и более решительные меры воздействия на Порту на тот случай, если уже согласованные шаги — отзыв союзными

¹⁴⁸ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 186.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 104. Записка о современном состоянии торговых сношений России и Турции. 1826.

¹⁵⁰ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. Кн. 1. №2. С. 188–191.

державами своих дипломатических представителей из Константинополя и их сближение с греческими повстанцами — не заставят османское правительство пойти на урегулирование. Излагалась также суть расхождений во взглядах между российским и французским правительствами в связи с французским предложением о заключении договора о Греции. Для России неприемлемо предложение Франции о совместной гарантии державами *status quo* Османской империи; российское правительство не заинтересовано в крушении этой империи, но намерено сохранить свое влияние в Константинополе и не допустит вмешательства держав в собственно русско-турецкие отношения¹⁵¹.

На совместную ноту европейских держав (России, Англии, Франции и Пруссии) с предложением мер по умиротворению Греции от 28 мая (9 июня) 1827 г. Порты ответила отказом. Началась подготовка новой египетской эскадры для отправки в Морею (всего 89 вымпелов). Атака, совершенная против нее греческой флотилией на рейде Александрии во главе с лордом Т. Кохрейном (16 вымпелов и 8 брандеров) закончилась неудачей¹⁵².

Средиземноморская эскадра Л. П. Гейдена

Предполагая отрицательный ответ Порты на ноту от 28 мая (9 июня) 1827 г., Россия готовит свою эскадру для действий в Средиземном море под командованием адмирала **Д. Н. Сенявина**¹⁵³, незадолго перед этим возвращенного Николаем I на службу.

29 мая (10 июня) 1827 г. Николай I с семьей в сопровождении И. И. Дибича, А. С. Меншикова, начальника Морского штаба А. В. фон Моллера посетил 74-пушечный флагманский корабль «Азов», на котором подняли императорский штандарт. С крепости и судов прогремел салют, а расставленные по вантам матросы прокричали семь раз «Ура!». После молебна император произнес: «Надеюсь, что в случае каких-либо военных действий, поступлено будет с неприятелем по-русски!»¹⁵⁴. Этот смотр эскадры запечатлен на рисунке С. П. Шифляра и акварели по его рисунку П. С. Ивановым. На следующий день было высочайше утверждено высочайшее наставление адмиралу Д. Н. Сенявину о передислокации Балтийской эскадры из Кронштадта в Портсмут и эскадра взяла курс на Англию. Через десять дней, 9 (21) июня, русская эскадра, провожаемая Николаем I, вышла в море. Эскадра состояла из 20 вымпелов (9 линейных кораблей, 8 фрегатов, 2 корвета и 1 бриг). В Портсмуте из ее состава был выделен отряд под командованием контр-адмирала **графа Логина (Логгина) Петровича Гейдена**¹⁵⁵, которому уже приходилось бывать в греческих водах в 1799–1800 гг.

¹⁵¹ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 15, 25.

¹⁵² Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 65.

¹⁵³ Сенявин Дмитрий Николаевич (1763–1831), из дворянского рода, известного своей службой на флоте, контр-адмирал (1804), вице-адмирал (1805), адмирал (1826); участник Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., архипелагской экспедиции Ф. Ф. Ушакова в 1799–1800 гг., начальник Средиземноморской эскадры 1805–1806 гг., Русско-турецкой войны 1806–1812 гг., возглавлял русскую эскадру во время интернирования ее англичанами в Портсмуте в 1808–1809 гг., командовал Ревельской эскадрой в 1812 г. неся патрульную службу у берегов Англии, с 1813 г. в отставке с половинной пенсией, возвращен на службу Николаем I на должность командующего Балтийским флотом.

¹⁵⁴ Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. СПб., 2014. С. 141.

¹⁵⁵ Логин (Логгин) Петрович Гейден (1773–1850), граф; контр-адмирал (1817), вице-адмирал (9.11.1827), адмирал (6 декабря 1833), из старинного вестфальского рода, начал морскую службу в голландском флоте, с 1795 г. — на русской службе. В 1799 г. с эскадрой С. А. Пустошкина доставил войска для гарнизона Корфу, в 1800 г. высадил десант в Неаполитанском королевстве. В 1803 г. переведен на Балтийский флот, 20 мая 1816 года назначен военным губернатором и главным командиром Свеаборгского порта. В 1823 году по анонимному доносу отдан под суд, в 1826 году полностью оправдан, определен состоять при Адмиралтействе в Петербурге. В июне 1827 г. назначен командовать эскадрой в Третьей Средиземноморской экспедиции русского флота. С 1830 г. начальник первой дивизии Балтийского флота в Кронштадте, главный командир Ревельского порта (1833) и военный губернатор в Ревеле (Таллинне) с 1834 г. Имел шестерых детей, старший сын (с 1861 г. адмирал) также как и отец командовал Ревельским портом, сын Федор генерал, участник Кавказской войны и Финляндский генерал-губернатор. В Афинах именем Л. П. Гейдена названа улица.

В эскадре Л. П. Гейдена было 9 вымпелов. Линейные корабли (обычно они назывались просто «кораблями») «Азов», «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский», фрегаты «Константин», «Проворный», «Елена», «Кастор» и корвет «Гремящий». На борту эскадры имелось 1066 орудий. Эскадре первоначально предписывалось охрана торгового мореплавания в связи с активизацией пиратства. 31 июля приказом Л. П. Гейдена командующий кораблем «Азов» капитан I ранга **М. П. Лазарев**¹⁵⁶ был назначен начальником штаба. Военное столкновение еще не планировалось, но сведения о военно-морских силах Османской империи собирались. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал А. С. Грейг предложил Николаю I разрешить сбор этой информации. Получив согласие, 2 (14) июня 1827 г. он направил в российское посольство в Константинополе запрос о сборе этих сведений. Эта инициатива совпала с отъездом в Константинополь семьи посланника А. И. Рибопьера, для чего был выделен фрегат «Флора». Вскоре, 31 июля, А. С. Грейг благодарил Рибопьера за полученные сведения. Записка под названием «Некоторые сведения о морских военных силах Турецкой империи. 1827 год» сохранилась в фонде Рибопьера в РГИА и опубликована Г. А. Гребенщиковой¹⁵⁷. Суммарная численность турецкого флота на рейде Константинополя составляла в это время 67 вымпелов (без египетских судов)¹⁵⁸.

Лондонская конвенция 24 июня (6 июля) 1827 года

24 июня (6 июля) 1827 г. была заключена Лондонская конвенция России, Англии и Франции по греческому вопросу. Эта конвенция, как отмечал французский историк А. Дебидур, «явилась результатом совместной работы трех правительств, объединившихся в свое время совсем с другой целью. ... Если некоторые сторонники Священного союза еще не считали его окончательно мёртвым, то во всяком случае конвенция 1827 г. нанесла ему удар, который был для него роковым»¹⁵⁹. Заключение Лондонской конвенции 1827 г. привело к изоляции Австрии, которая всеми силами пыталась не допустить военного поражения Турции в грядущем конфликте. Последовательно выступая против независимости балканских народов, она поддерживала Турцию и, по данным русского посла Татищева, даже отправила ей на купеческом судне около 6 тысяч ружей¹⁶⁰. После подписания Лондонской конвенции от 24 июня (6 июля) 1827 г. военному отделу русской миссии пришлось покинуть Константинополь, в Бухаресте Дюгамель узнал о Наварине. В предвидение грядущей войны Дюгамель составил обстоятельную записку о пути через Балканы¹⁶¹.

В дальнейшем Лондонская конвенция предопределила совместные действия России, Англии и Франции к «принуждению» Турции к миру. В докладе министра иностранных дел К. В. Нессельроде Николаю I от 11 (23) сентября 1827 г., в частности, сообщалось: «В договоре от 6 июля предусмотрена возможность того, что турки отвергнут предложения трех дворов, и на этот случай прилагаемые к нему протоколы устанавливают, что меры принуждения, которые надлежит принять, будут заключаться в том, чтобы для начала отдать приказ эскадрам договаривающихся держав пресекать любые поставки туркам или египтянам оружия, боевых и съестных припасов, отправку ими людей или кораблей.

¹⁵⁶ Лазарев Михаил Петрович (1788–1851), контр-адмирал 91827), вице-адмирал (1833), адмирал (1843), участник Русско-шведской войны 1788–1790 и Отечественной войны 1812 г., наряду с Фаддеем Беллинсгаузеном возглавлял экспедицию 1819–1823 гг., открывшей Антарктиду, с 1826 г. служил на Черноморском флоте, начальник штаба Черноморского флота (1832), возглавлял Босфорскую экспедицию 1833 г., главный командир Черноморского флота и портов.

¹⁵⁷ РГИА. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 89; Гребенщикова Г. А. Морское сражение под Наварином. С. 94–96.

¹⁵⁸ Гребенщикова Г. А. Морское сражение под Наварином. С. 98.

¹⁵⁹ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. С. 261.

¹⁶⁰ Киняпина Н. С. Русско-австрийские противоречия накануне и во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов // Ученые записки МГУ. 1952. Вып. 156. С. 204.

¹⁶¹ [Дюгамель А. О.] Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 192.

Операции соединенных эскадр могут принести грекам большую пользу, поскольку они помешают прибытию в Морею новой египетской экспедиции»¹⁶².

Решения Лондонской конференции 24 июня (6 июля) 1827 г. получили продолжение 23 августа (4 сентября) 1827 г., когда состоялось 5-е заседание конференции дипломатических представителей Англии, России, Франции в Константинополе. На нем шла речь об установлении фактического перемирия на море, которое обеспечивалось объединенными союзными эскадрами в соответствии с инструкциями, данными их командующим. Предусматривалась блокада континентальной Греции и прилегающих островов Архипелага. Конференция постановила, что блокада будет распространяться на побережье континентальной Греции от залива Волосского (Пагатитского) залива до устья реки Аспропотамос¹⁶³, а также охватывать острова Эвбея, Саламин, Эгина, Порос, Идра, исключая острова Кандия (Крит) и Самос¹⁶⁴. Позднее район блокады, объявленный Константинопольской конференцией, был использован как прецедент для решения вопроса о границах будущего греческого государства, хотя, под давлением Англии, границы были еще более сужены. Аналогичные вопросы, связанные с территорией, подконтрольной грекам, обсуждались и ранее, о чем свидетельствует черновой проект из фонда Дашковых¹⁶⁵.

Наваринское сражение 8 (20) ноября 1827 года

Тем временем, после заготовки провизии и воды эскадра Л. П. Гейдена покинула Портсмут 8 (20) августа. К этому времени был решен вопрос о блокаде и косвенной помощи греческим повстанцам. Во второй половине сентября эскадра стояла на рейде Палермо. Тогда же были решены вопросы её финансового и почтового обеспечения «посредством нарочных курьеров» при консульских службах в Константинополе, Неаполе, Венеции и Триесте¹⁶⁶. 11 сентября английская эскадра пришла под Наварин, но одна не могла противодействовать османскому флоту. Эскадрам союзником предстояло соединиться, но пока Кодрингтон¹⁶⁷ вынужденно бездействовал, получая призывы из Лондона воздействовать на египтян только словесно. В письме к жене от 13 сентября Кодрингтон с горечью писал, как островные греки Архипелага кричали ему: «Предательство! Предательство!»¹⁶⁸. 22 сентября к Наварину подошла французская эскадра. 25 сентября их командующие встретились с Ибрахимом-пашой, который сослался на отсутствие инструкций. 10 октября к союзникам присоединилась русская эскадра Л. П. Гейдена.

Не получив ответа от Порты, послы трех держав в Константинополе обратились к командующим эскадр, курсировавшим в Архипелаге. Общее командование было у старшего по чину вице-адмирала **Эдварда Кодрингтона**, французской эскадрой

¹⁶² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 217.

¹⁶³ Аспропотамос, современное название Ахелоос, — река в западной Греции, впадающая в Артский (Абракийский) залив, которая в античные времена служила рубежом между Этолией и Акаранией.

¹⁶⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 688.

¹⁶⁵ РГИА. Ф. 1630 (Дашковы) Оп. 1. Д. 144. Дашков Д.В. Проект (черновой) облегчения быта греческого народа, находящегося под гнетом владычества Турции, а также об урегулировании русско-турецких отношений. Приложение: проект демаркационной линии между областями, заселенными греками и остальной Турцией. На фр. яз. 1822 – [1825]. – 15 л.

¹⁶⁶ Гребенщикова Г.А. Морское сражение под Наварином. С. 148.

¹⁶⁷ Кодрингтон (Codrington) Эдвард (1770–1851), участник сражения при Трафальгаре в 1805 г.; контр-адмирал (1814); вице-адмирал синего флага (1821), вице-адмирал белого флага (1830), адмирал синего флага (1837); главнокомандующий английскими морскими силами в Средиземном море; после Наварина временно отстранен от командования и отозван из Греции торийским министерством в 1828 г.; восстановлен на всех постах; член парламента, где он поддержал либеральную партию, с 1834 по 1840 г.

¹⁶⁸ Цит. по : Там же. С. 150.

командовал контр-адмирал **де А. Риньи**¹⁶⁹, русской — контр-адмирал **Логин Петрович Гейден**. Им была поставлена задача препятствовать перевозке войск и каким-либо действиям этих войск на побережье. С другой стороны, обязательства возлагались и на греков. Все греческие войска должны были быть удалены из всех местностей, находившихся вне обусловленной линии разграничения. Командующий египетскими войсками **Ибрахим-паша**, уведомленный об этом решении в конце сентября, согласился до получения инструкций из Константинополя на двадцатидневное перемирие. В связи с тем, что греки активизировали действия в Коринфском заливе, **Ибрахим-паша** попытался покинуть **Наваринскую бухту**, но **Эдвард Кодрингтон** заставил его вернуться. Активных действий не было. За два дня до сражения, 4 (16) октября, русский посланник в Константинополе **А. И. Рибопьер** писал контр-адмиралу **Л. П. Гейдену** о вялости действий англо-французской эскадры: «Итак действие, или скорее появление союзных эскадр не произвело еще ни одного из тех благ, которых мы были вправе ожидать; но более всего достойно сожаления то, что недействительность их мер оправдали равнодушные Порты к этой мере и ее беспечность в тот момент, когда союзные морские силы собраны в Архипелаге»¹⁷⁰.

Командующие эскадрами обратились к командующему объединенными морскими и сухопутными силами **Ибрахиму-паше**, чтобы вступить в переговоры. **Ибрахима-пашу** «не смогли найти» и это манкирование обошлось ему дорого¹⁷¹. Атака османского флота не предполагалась, и **Кодрингтон** решил продемонстрировать силу, войти в бухту и стать на якорь напротив кораблей египтян и турок. За пять дней до сражения **де А. Риньи** обратился к французам, служившим на египетских судах, призывая в случае столкновения не сражаться с соотечественниками. Почти все из них на австрийском судне отплыли в Венецию. На корабле **Ибрахима** остался капитан **Летелье**, от которого потом стали известны подробности сражения со стороны османского флота. Египетским флотом командовал **Мухарем-бей**, турецким — **Тагир-паша**. Обстоятельства и ход **Наваринского сражения** 8 (20) октября 1827 г. подробно проанализированы в ряде работ, в том числе, — в монографии **Г. А. Гребенщикова** «Российский флот при Николае I (СПб., 2014)¹⁷².

Османский флот находился в традиционном построении в виде полумесяца между крепостью в **Наварине** и островом **Сфактирия** в три линии, повторяя очертания бухты. Они стояли на шпрингах (дополнительных выносных якорях), что давало возможность поворачиваться и вести огонь в нужном направлении. Доподлинно общая численность боевых судов египетско-турецкого флота (было также три тунисских фрегата) неизвестна. На подробном литографированном плане за подписью **Л. П. Гейдена** из фонда **А. И. Рибопьера** в **Наваринской бухте** показано расположение 165 судов, включая транспорты¹⁷³. Общее количество судов противника разнится. Точно известно, что было три 74-пушечных линейных корабля. Других судов было: 18 фрегатов, в том числе больших (64, 56 48 и 44-х пушечных), 39 корветов, 19 бригов, свыше 30 транспортов с пятитысячным десантом¹⁷⁴. Опасность представляли 7 брандеров (называются и другие цифры), предназначенных для поджога кораблей противника. Суда были поставлены в три линии, первую из которых составляли корабли и фрегаты, вторую и третью — корветы и бриги.

¹⁶⁹ Де Риньи (Анри-Готье, граф) родился в городе Тулузе в 1782 г.; пятнадцати лет поступил на морскую службу; лейтенант (1809), капитан (1816); начальник французской эскадры в Леванте (1822); контр-адмирал в 1825 г.; вице-адмирал после **Наваринского сражения**; морской министр (1831–1834); министр иностранных дел (1834) и снова морской министр 9в том же году); посол в Неаполе; умер в Париже в 1835 г.

¹⁷⁰ Цит. по: Палеолог Г. [Н.] Сивинис М. [С.] Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. Т. 2. Приложение. С. 61).

¹⁷¹ Русские и советские моряки на Средиземном море. М.: Воениздат, 1976. С. 103–104.

¹⁷² Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 145–163.

¹⁷³ РГИА. Ф. 1040. Рибопьер. Оп. 1. Д.85. План сражения в **Наваринской губе** 8 окт. 1827 г. (1820-е гг.) Литография. Подлинный план подписал контр-адмирал граф **Гейден**. – 1 л.

¹⁷⁴ Подробнее см.: Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 150.

Общее количество пушек эскадры по разным источникам составляло от 2,1 до 2,6 тысяч. Вход в залив и оба фланга были защищены береговыми батареями (до 125 орудий).

На плане из фондов РГИА показано у союзников 28 вымпелов, из них 10 линейных кораблей, включая 4 русских: «Азов» (в центре) и справа налево: «Гангут», «Иезекииль», «Александр Невский», а также 9 фрегатов, из которых 4 русских: «Константин»¹⁷⁵, «Святая Елена», «Проворный», «Кастор». Планы с дислокацией кораблей союзной эскадры и османского флота были составлены также английской (П. Николя) и французской сторонами¹⁷⁶. Оно нашло также отражение в многочисленных литографиях и картинах, в том числе, созданной позднее картине И. К Айвазовского (1888 г.). На судах союзной эскадры находилось, по разным данным, от 1298 до 1676 орудий, их экипажи составляли 11 тыс. человек.

6 (18) октября 1827 г., когда задул свежий ветер, союзные суда в количестве 26 вымпелов начали продвижение в бухту с целью блокировать османский флот. Первыми входили в бухту английские и французские корабли (последние по диспозиции занимали места против тех египетских судов, где служили французские офицеры). Казалось, Кодрингтон предпринял все, чтобы избежать боевого столкновения. Но не все рядовые турки и египтяне разбирались в хитросплетениях зарубежных интересов. Парламентер, посланный Кодрингтоном, был случайно убит. Второй парламентёр был убит у египетского флагмана. Подожженные брандеры в виде пылающих костров были направлены на суда союзной эскадры, причем, один из французских кораблей загорелся. Союзники были вынуждены отвечать. Под огнем турецких береговых батарей последними в Наваринскую бухту входили русские корабли эскадры Л. П. Гейдена. Они последними в самых неблагоприятных условиях флангового огня береговых батарей вступили в сражение и разгромили центр и фланг противника. Флагманом русской эскадры «Азов», где держал флаг Л. П. Гейден, командовал капитан I ранга М. П. Лазарев. На этом корабле служили будущие адмиралы, герои Севастопольской обороны в Крымскую войну, лейтенант В. А. Корнилов, мичман (тогда офицерское звание) П. С. Нахимов и гардемарин В. И. Истомин.

Из всей союзной эскадры «Азов» особенно отличился в бою, потопив два фрегата, один корвет, он также поджег 60-ти пушечный фрегат под флагом Тахир-паши, заставил выброситься на мель 80-ти пушечный корабль, а затем вместе с англичанами уничтожил турецкий флагман Мухарем-бея. Сражение продолжалось почти четыре часа. Во всеподданнейшем рапорте Л. Г. Гейдена было сказано: «Взорвано и пущено ко дну 70 военных судов и 8 транспортов». Потери противника составили от 6 тыс. до 8 тыс. человек убитыми и утонувшими¹⁷⁷. Один из турецких фрегатов спустил флаг перед одним из кораблей русской эскадры. Поскольку Россия не находилась в состоянии войны, Николай I предписал вернуть его Турции, или, если это — египетский корабль, отправить его в Александрию¹⁷⁸. Союзники не потеряли ни одного корабля. Потери личного состава составили: на английской эскадре — 79 убитых и 284 раненых, на российской — 62 убитых и 139 раненых, на французской — 43 убитых и 141 раненых. Чтобы спасти после Наварина три уцелевших судна, Ибрахим-паша должен был принять на себя обязательство не использовать их против греков, после чего отправил на них в Александрию свой гарем и ненужный груз, а сам остался в Морее, имея 18 тыс. чел пехоты и 2 тыс. всадников¹⁷⁹. Блокированный союзным флотом и французским экспедиционным корпусом, Ибрахим-

¹⁷⁵ 44-пушечный фрегат «Константин», который не следует путать 74-пушечным линейным кораблем «Царь Константин» в эскадре П. И. Рикорда.

¹⁷⁶ Наваринское сражение. 200 лет начала Греческой войны за независимость. Каталог выставки. СПб.: ЦВММ, 2021. С. 38–39.

¹⁷⁷ Цит.: Соболев В. С. «Главная цель отправления эскадры в Средиземное море заключает в себе военные действия противу врага». Из истории действий русского флота в Средиземном море в период национально-освободительной революции в Греции (по документам РГА ВМФ) // Военно-исторический журнал. — 2017. № 1. С. 81–83.

¹⁷⁸ Гребенщикова Г. А. Морское сражение под Наварином. С. 193.

¹⁷⁹ Там же.

паша продержался десять месяцев, грабя и притесняя население Мореи. Но 14 (26) сентября 1828 г. ему пришлось подписать с союзными адмиралами протокол об эвакуации и 22 сентября (3 октября) Морею покинули оставшиеся египетские и турецкие части. Их эвакуацию обеспечили французские транспортные суда.

Русские корабли оставались в Наварине до 13 (25) октября, приводя все в порядок, а затем выполняли различные задания в Средиземноморье, в том числе по защите греческого населения, базируясь на Мальте. Там же русские моряки получили известия, что в отличие от широкой общественности, в высших эшелонах власти Англии победой в Наварине недовольны. Герцог А. У Веллингтон, чья подпись стояла под протоколом 4 апреля, назвал Наваринское сражение «an untoward event» (неприятным событием)¹⁸⁰. Король Георг IV, узнав о Наварине, произнес: «Какое скверное событие!» Австрийский император Франц I употребил выражение «Наваринский погром». Супруга русского посла в Лондоне Дарья Христофоровна Ливен (сестра А. Х. Бенкендорфа) сообщала в письме своему брату: «Для Англии безумие сражаться из-за чувств: что нам греки? Турки всегда были нашими верными союзниками»¹⁸¹. Король Георг IV вынужден был дать Кодрингтону награду, что кабинет не одобрял. В связи с этим, премьер-министр Ф. Дж. Годрич подал в отставку. Король поручил сформировать кабинет Веллингтону. Тем временем, по настоянию Веллингтона, Кодрингтон был отозван¹⁸². В письме от 16 (28) февраля 1828 г. Д. Х. Ливен писала А. Х. Бенкендорфу: «Англия трусит; она боится идти с нами, боится быть против нас и считает самым безопасным держаться золотой середины, положение благородное — для нас оно безвредно, что главное»¹⁸³.

Николай I, наоборот, поблагодарил Эдварда Кодрингтона за блестящую победу и 8 (20) ноября наградил его знаком ордена Св. Георгия 2-го класса при собственноручном рескрипте со словами: «Ваше имя отныне принадлежит потомству»¹⁸⁴. Контр-адмирал де А. Риньи был награжден знаком ордена Св. Александра Невского 1-й степени. «Да здравствует Наварино! — писала Ливен 4 (16) ноября 1827 г. — Мы в восторге, английское правительство несколько напугано, французское — подавлено. Что касается Австрии, то само собою разумеется, она взбешена и взволнована»¹⁸⁵. Австрийский император назвал командующих эскадрами убийцами и сожалел, что не может послать 100 тысяч солдат для умирения Мореи. Впрочем, по мнению Николая I, к разгрому в Наварине привела и политика Австрии. В письме к великому князю цесаревичу Константину Павловичу от 12 (24) ноября 1827 г. он писал: «Я не удивлен этим событием, так как, по моему мнению, оно естественно вытекает из статей договора, ставивших наши эскадры в неизбежную необходимость к подобным крайностям, коль скоро турки продолжали поддаваться австрийским проискам»¹⁸⁶. «Я помню, — писала А. Д. Блудова, — какой я чувствовала восторг, с какой горячностью и нетерпением я ожидала. Я призывала всю душу войну с турками, великодушную, смелую, блистательную, которая покрыла бы славой имя русское, как во времена Екатерины!»¹⁸⁷. Общественность Франции приветствовала это событие. Как отметила А. Д. Блудова, «французы придумали новый модный цвет красновато-серый и назвали его «fumée de Navarin» (Наваринский дым)»¹⁸⁸. Он был популярен и в России. Главный герой «Мертвых душ» Н. В. Гоголя (1835 г.) Чичиков имел костюм из сукна цвета «наваринского дыма с пламенем».

¹⁸⁰ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 189.

¹⁸¹ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. 1903. № 5. С. 428. Д. Х. Ливен А. Х. Бенкендорфу. 4 (16) ноября 1827 г.

¹⁸² Там же. С. 430.

¹⁸³ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 432.

¹⁸⁴ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 75.

¹⁸⁵ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами. Там же.

¹⁸⁶ Николай I — цесаревичу Константину, 12 (24) ноября 1827 г. // Сборник Русского исторического общества. 1910. Т. 131. С. 193.

¹⁸⁷ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. Там же.

¹⁸⁸ Там же.

Наступающий новый 1829 год русская эскадра встретила на Мальте. 17 января 1828 г. из Неаполя на бриге «Ахиллес» прибыл капитан Киреевский «с Высочайшими наградами». На корабле «Азов» «капитан I ранга Лазарев 2-й» (М. П. Лазарев) был произведен в контр-адмиралы¹⁸⁹. Георгиевские награды получили многие офицеры. Через два месяца, 19 марта, из Неаполя на корвете «Гремящий» прибыл курьер с новым рескриптом Николая I о пожаловании на «Азов» Георгиевского кормового флага. Кроме того, повелевалось флаг с захваченного кораблем «Александр Невский» турецкого фрегата «Кейвен Бахри» поместить в зале морского кадетского корпуса, дабы «желание подражать храбрым деяниям на том же поприще совершенных ... от сих юных сынов любезного Отечества нашего при будущем их служении»¹⁹⁰. 25 марта на корабле «Азов» состоялись спуск бывшего флага и торжественное поднятие Георгиевского кормового флага, причем, как русские, так и английские корабли салютовали 21 выстрелом¹⁹¹.

Тем временем, изменилась внешняя политика Франции, которая оставила свои колебания. После прихода к власти в январе 1828 г. кабинета виконта Ж. Б. Г. де Мартиньяка король Карл X в июле того же года согласился послать экспедиционный корпус в Морею (14 000 пехоты и 1 500 всадников)¹⁹². Впрочем, он в основном находился на территориях, занятых греками. Усилившиеся противоречия между союзниками попыталась использовать Порта, активно использующая тезис, что, якобы, именно Россия организовала в 1821 г. восстание греков. Желание отстранить Россию от решения греческого вопроса у европейских кабинетов только усилилось: «Англия, Франция и Турция выказывают одно и то же мнение, — докладывал Нессельроде императору в декабре 1828 г. — отстранить нас от греческих дел, учредить арбитраж в виде посредничества, дабы восстановить мир и продиктовать нам его условия»¹⁹³.

После Наварина. Внешнеполитические итоги 1827 года

Дуэль дипломатий

После Наварина соотношение сил в Эгейском море резко изменилось в пользу греков, которые активизировали наступательные операции. Под начальством француза Шарля Николая Фавье они двинулись к острову Хиос (ноябрь 1827 г.), а немного спустя возобновили усилия, пытаясь захватить Крит. В то же самое время на суше под руководством англичанина Чэрча было предпринято наступление, чтобы снова овладеть Акарнанией и Этолией. Наваринское сражение привело к эскалации напряженности. Султан Махмуд II менее, чем когда-либо желал примирения. Раис-эфенди представил послам ноту с требованием возместить ущерб за уничтоженный флот, дать удовлетворение за нарушение нейтралитета, воздержаться в будущем от вмешательства в греческие дела. Послы Франции, Англии и России, ответив отказом, 10 ноября потребовали обратно верительные грамоты и покинули Константинополь 26 ноября (8 декабря), но при этом послы Англии и Франции заверили Порту, что их отъезд не означает объявления войны. А. И. Рибопьер с посольством также 5 декабря отбыл из Константинополя в сторону Дарданелл (путь в Черное море был заказан), чтобы далее следовать на Корфу. Встречный ветер задержал его на сутки. 8 (20) декабря 1827 г. был издан хатт-и-шериф султана, возлагающий на Россию ответственность за начало восстания и призывающий к джихаду, прежде всего, против русских. Через десять дней Махмуд II созвал также в Константинополе «айанов» (начальников округов), обратившись к ним с воззванием,

¹⁸⁹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (в дальнейшем – РГА ВМФ). Ф. 315. Оп. 2. Д. 65. Исторический журнал 1828 года, веденный капитан-лейтенантом [И. И.] Кадыном. 1828. Л. 4–5 об.

¹⁹⁰ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁹¹ Там же. Л. 29–30 об.

¹⁹² Феоктистов Е. М. Борьба Греции за независимость. С. 178.

¹⁹³ Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Том 8 (16). Октябрь 1828 г. – июль 1830 г. / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Международные отношения, 2005. С. 66 (Доклад К. В. Нессельроде Николаю I 10 (22) декабря 1828 г.).

обвиняющим Россию. Одновременно Порты убедила персидского шаха отказаться от ратификации подготовленного договора и возобновить военные действия в Закавказье.

Все шло к войне. Но после упразднения корпуса янычар по указу Махмуда II от 14 июня 1826 г. и последовавшего вскоре их физического истребления, в Османской империи происходил трудный и длительный процесс создания регулярной армии. Россия, в свою очередь, была втянута в Русско-персидскую войну 1826–1828 гг. Все это отсрочило военное столкновение. Тем более еще оставались надежды на мирное урегулирование в Греческом вопросе. Пока же после Наварина Россия потребовала, чтобы союзники выполнили Лондонскую конвенцию. Было заявлено, что в противном она будет действовать самостоятельно, что допустить Англия и Франция не могли. Несмотря на все противоречия, союзные державы не отказались от совместных действий. Лондонский договор был подтвержден и возобновлен 12 декабря 1827 г.¹⁹⁴

Анализируя уходящий год, К. В. Нессельроде в записке, представленной Николаю I 20 декабря 1827 г. (1 января 1828 г.), предполагал начало военных действий с Турцией. Глава МИДа подробно излагал цели и перспективы предстоящей войны. Предполагалось, что до перехода границы русской армии «три державы в последний раз обратятся к Оттоманской Порте с совместным предупреждением». Подчеркивалось, что «*При любых обстоятельствах* Россия вновь сделает своим союзникам торжественное заявление, которым подтвердит свое бескорыстие и принятое ею решение соблюдать со своей стороны и обеспечить соблюдение с другими державами принципа Лондонского договора, воспрепятствующего договаривающимся сторонам проводить политику завоеваний и односторонних выгод. [...] Прежде всего, очевидно, что Россия не нуждается в завоеваниях в Европе. Поскольку территориальные приобретения, которых она бы там добилась, расширили бы ее владения, но ослабили бы ее могущество. Такие приобретения, впрочем, не могут быть равноценны тем, которые неизбежно достанутся Англии в том случае, если Россия пожелает расширить свои владения. [...] Англия завладела бы Пелопоннесом и островами Архипелага, т. е. краями, которые должны и могут без труда завести активный морской флот и которые, вновь обретя свободу, соединятся с нами вследствие очевидной схожести интересов; благодаря этому объем нашей черноморской торговли станет расти с каждым днем, в то время, как при английском владычестве они не смогут ни поддерживать с нашими южными провинциями взаимовыгодные торговые связи, ни служить другим целям, кроме увеличения и без того значительной морской мощи Великобритании и закрепления ею через господство над Гибралтаром, Мальтой и Ионическими островами преобладания на Средиземном море, к чему она столь честолюбиво стремится. Коль скоро Россия заинтересована в том, чтобы Греция превратилась в процветающее торговое государство..., она по той же причине в не в меньшей степени хотела бы сохранить в Константинополе свое неизменно сильное влияние, равно как и оказывать таковое на любое правительство, которому принадлежат Босфор и Дарданеллы, и это влияние она не может разделить ни с одним из европейских дворов. [...] В этом отношении было бы, по-видимому, безошибочным утверждать, что у России не может быть более удобных соседей, чем турки. Таким образом, цель войны, которую Россия намерена вскоре объявить Порте, должна состоять не в сокрушении Оттоманской империи, а всего лишь в выполнении Лондонского договора и сохранении важных преимуществ, обеспечиваемых ею Аккерманской конвенцией»¹⁹⁵.

Тем не менее, локальное, но важное территориальное приобретение все-таки планировалось: «[...] ... несмотря на справедливость общего замечания относительно того, что завоевания противны ее интересам, Россия испытывает реальную необходимость владеть Анапой и пунктами, разъединяющими ныне владения на азиатском побережье Черного моря. Императорский кабинет уже поведал эту истину во время миссии герцога

¹⁹⁴ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 274.

¹⁹⁵ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Том седьмой (пятнадцатый). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 338–339.

Веллингтона. [...] ... такое территориальное приобретение за пределами Европы не нарушит ее равновесия, но является, в конечном счете, условием *sine qua non* прочного мира между Россией и Османской империей [...] Наконец она будет следовать политике чисто русской, т. е. бесхитростной и благородной¹⁹⁶». Далее в записке К. В. Нессельроде излагались принципы скорейшего переустройства Греции: «[...] В этой связи избрание графа Каподистрии главой исполнительной власти в указанной стране, бесспорно, вселяет в них обоснованные надежды. Но без союзных держав граф Каподистрия не сможет выполнить миссию, которую он взял на себя со столь благородной самоотверженностью [...] Далее новый порядок не воцарится до тех пор, пока Ибрахим-паша будет опустошать Морею. [...] С этой целью трем дворам надлежит незамедлительно согласовать между собой и с греческим правительством будущие границы Греции (ее пределы, намечены Константинопольской конференцией в протоколе от 23 августа (4 сентября) (№ 184), и соображения, высказанные на сей счет российским кабинетом в 1825 г., облегчат эту работу)»¹⁹⁷. Дополнительно ставилась задача оказания и финансовой помощи. В заключении записки подчеркивалось, что «Россия, если только она не объявит широких завоевательных планов, — отнюдь не должна опасаться войны с Великобританией и Францией. Но совершенно очевидно, что и Австрия не сможет объявить ей войну, действуя без Великобритании и Франции»¹⁹⁸.

Основные тезисы записки были приняты Николаем I, и в письме к послу в Лондоне Х. А. Ливену и послу в Париже К. О. Поццо-ди-Борго от 25 декабря 1827 г. (6 января 1828 г.) ставилась задача обосновать необходимость территориальных приобретений на Кавказе: «На всем протяжении своих границ России совершенно не нужны какие-либо приобретения в Европе и на рубежах, отделяющие ее азиатские владения от турецких, ей необходимы лишь два пункта, которые не имеют особого значения для других держав, но существенно важны для России. Эти два пункта суть крепости Анапа и Поти с прилегающими к ним территориями. Обе они были возвращены Порте в 1812 г. во исполнение Бухарестского договора. Анапа, расположенная почти напротив полуострова Тамань, на побережье Абхазии, служит складом оружия воинственным племенам, населяющим берега Кубани. [...] То же самое относится и к Поти. Эта крепость расположена в устье Фазиса (Рионе – Л. В.), который принадлежит нам вдоль всего его русла, и со всех сторон окружена нашими владениями, ... лишает нас доступа к берегам Фазиса (Риони)»¹⁹⁹. Таким образом обосновывалось присоединение Черноморского побережья Кавказа, что позднее произошло по Адрианопольскому миру 1829 года.

Одновременно Николай I предложил Англии и Франции в ноте от 6 января 1828 г.: 1) Занять Молдавию и Валахию; 2) воспользоваться союзным флотом для блокады Константинополя и Александрии, а также для освобождения и защиты Мореи; 3) поручить послам трех держав, прежде аккредитованным в Константинополе, собраться на Корфу и открыть там переговоры с целью облегчить заключение мира²⁰⁰.

Избрание И. А. Каподистрии кивернитисом

Весной 1827 г. остро встал вопрос об избрании президента (правителя) Греции. Наиболее перспективной фигурой среди греков считался граф Каподистрия, который вновь оказался в центре политической жизни Греции. 2 (14) апреля 1827 г. Третья национальная ассамблея Греции, заседавшая в Тризене, избрала на семилетний срок Каподистирию на пост кивернитиса (дословно «кормчего»), то есть, правителя, политического главы Греции. Официальный документ об избрании был вручен Каподистрии в июне 1827 г. в Петербурге. Это слово было переведено в рескрипте императора Николая I графу контр-адмиралу Л.П.

¹⁹⁶ Там же. С. 340.

¹⁹⁷ Там же. С. 341–342.

¹⁹⁸ Там же. С. 342.

¹⁹⁹ Там же. С. 351.

²⁰⁰ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 274.

Гейдену как «председатель греческого правительства». Несмотря на неточность перевода, в отношении Каподистрии в русской литературе утвердился титул «президент».

До прибытия Каподистрии верховную власть в Греции взял на себя Правительственный совет, в котором сторонникам английской партии удалось добиться назначения генерала Чёрча и Кохрейна главнокомандующими армией и флотом. Генерал Чёрч (во время наполеоновских войн командовал отрядами из Ионических греков) приехал лишь в марте 1827 г. и был назначен генералиссимусом. Вслед за ним прибыл и лорд Кохрейн²⁰¹. Руководство военными действиями на суше и на море оказалось в руках англичан, французское влияние уменьшилось. Тем временем, в ходе неудачного штурма позиций турок под Афинами 24 апреля (6 мая) 1827 г. погибла лучшая часть греческой армии, а гарнизон Акрополя 25 мая (6 июня) 1827 г. капитулировал. В результате вся Греция к северу от Коринфского перешейка оказалась в руках турок.

Еще до этих трагических событий Николай I пригласил Каподистирию в Санкт-Петербург, что совпадало и с намерениями графа. Он прибыл в столицу 12 (24) мая 1826 г. и первым делом в той же дорожной карете направился в Петропавловскую крепость поклониться праху покойного Александра I. 17 мая он посетил знакомого ему чиновника МИДа П. Г. Дивова, который записал в своем дневнике, что «похвалил императора Николая, сказав, что он выказал характер в делах с Портою, но граф как будто не разделяет моего восторга»²⁰². Встречи Каподистрии с Николаем I, вернувшегося с маневров в Вязме через восемь дней, 20 мая, были впереди. Позднее, 9 (21) июля 1827 г., К. В. Нессельроде сообщал послу в Лондоне Х. А. Ливену и послу в Париже К. О. Поццо-ди-Борго об обстоятельствах его избрания: «12 (24) мая г-н граф Каподистрия прибыл в С.-Петербург с намерением, которое было заранее одобрено императором, обсудить с е. и. в-вом то положение, в котором он находился начиная с 1822 г. За несколько дней до его приезда мы получили из Константинополя первое известие о том, что он избран на пост президента Греции, но, когда мы имели удовольствие снова увидеть его здесь, он еще не знал о состоявшемся избрании. Император в то время отсутствовал, находясь на маневрах в Вязме. Сразу же по возвращении е. в-во принял графа Каподистирию со всей той благосклонностью, какую он заслужил»²⁰³.

Находясь в Петербурге, 22 июня (4 июля) 1827 г. Каподистрия по поручению императора (формально еще на службе в российском МИДе) представил «Записку о восточных делах». В Записке указывалось, что переговоры как средство примирения с Портою полностью исчерпаны. Вспоминая встречи своего отца с графом, совместные прогулки, А. Д. Блудова позднее писала: «Государь и императрица приняли его с лаской и уважением; в долгих искренних беседах вспоминались прошедшая слава и ошибки, и для Каподистрии невыносимо-тяжелое настоящее состояние Греции»²⁰⁴. И далее об известном факте, отказе Каподистрии от должности статс-секретаря, *на которой* он формально продолжал находиться, отбыв на лечение в Европу, а также от пенсии (60 тыс. руб.), чтобы не выглядеть зависимым от русского Двора²⁰⁵. Его беседы с Николаем I, а также переписка, свидетельствовали о понимании благожелательной позиции России и той дипломатической игры, которую вели в отношении Греции другие европейские державы. Каподистрия убеждал Николая не направлять его в Грецию, как специального представителя России, а дать возможность занять пост, на который он избран. Он отдавал себе отчет о тех превратностях и опасностях, которые его ожидают и писал И. Гавриилу: «Я не могу сейчас

²⁰¹ Виноградов В. И. Джордж Каннинг., Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 1981. № 6. С. 126.

²⁰² Дивов П. Г. Петербург в 1827 голу (Из дневника Дивова) // РС. 1898. Т. 93. № 1 (январь). С. 104.

²⁰³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Том седьмой (пятнадцатый). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Российское академическое изд-во «Наука», 1992. С. 177.

²⁰⁴ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 186.

²⁰⁵ Там же. С. 187.

изменить многое. Я продолжу выполнять всегда свой долг, не заботясь о себе, и будь, что будет»²⁰⁶.

1 (13) июля 1827 г. Каподистрия получил официальную отставку, а 3 (15) июля 1827 г., за несколько дней до отъезда, Каподистрия подал рапорт на высочайшее имя²⁰⁷. Он снова предупреждал, что примет власть только в случае предоставления ему широких полномочий, в другом случае выражал готовность жить частным человеком, ограничиваясь благотворительностью в пользу греков: «Как старый и верный слуга, я надеюсь, — писал он Николаю I, — что бы ни случилось, найти пристанище в России и кончить свои дни на ее христианской и гостеприимной земле»²⁰⁸.

Тем не менее, Николай Павлович поддерживал своего протеже, так как избрание Каподистрии укрепляло позиции России в политических структурах Греции несмотря на подчеркнутую демонстрацию равноудаленности руководителя Греции от всех европейских кабинетов. 1 (13) июля 1827 г. Николай I отдал распоряжение Л. П. Гейдену предоставить в его распоряжение бриг «Ахиллес». В рескрипте на имя контр-адмирала Л. П. Гейдена император предписывал оказывать ему любую помощь: «Из отношения министра иностранных дел Вы усмотрите точные мои намерения по случаю избрания графа Каподистрия в звание председателя греческого правительства. Он имеет от меня особые полномочия касательно пособий, кои могут быть немедленно доставлены грекам в настоящем стесненном их положении. Буде по прибытии на место Каподистрия признает нужным просить содействия Вашего к доставлению сих пособий по принадлежности, то Вы не оставите удовлетворить требования его по сему предмету»²⁰⁹.

Оживленные совещания по делам Греции продолжались с 1 по 12 июля. О содержании итогового разговора Каподистрии с императором частично известно из дневника П. Г. Дивова, который 12 июля заехал проститься Каподистрией: «Перейдя затем к текущим событиям, граф пересказал мне свой разговор с ним. Он сказал его величеству, что в его положении было немисливо ответить отказом на сделанное ему предложение руководить делами отечества, что он мог бы еще служить России, если бы она была в состоянии действовать одна без союзников, но так как она находится в зависимости от них, то он не может быть ей полезен, так как лично он не будет иметь влияния ни на своих соотечественников, ни союзников, зато его собственное влияние, его собственная сила сослужат большую службу в предстоящих ему трудах.

— В чем же заключается ваша сила? — спросил его император.

— В покровительстве вашего величества, в вашем добром мнении обо мне и в уважении, которое оказывают мне кабинеты ваших союзников. Это дает мне средство примирить страсти, раздирающие мое первое отечество. Ваше величество понимает конечно, что если бы у меня было 50 линейных кораблей, то я бы обошелся без помощи Англии, но так как я их не имею, то я вынужден оставить вашу службу и занять место, на которое меня призывают мои соотечественники.

Император подал ему руку, обнял его и сказал, что он вполне одобряет его поведение и что граф заслужил этим его полнейшее уважение.

Я спросил его, располагает ли граф ехать прямо в Лондон.

— Да, — отвечал он, — надобно выведать мысли англичан. ... Впрочем, — пробормотал он сквозь зубы, — я ведь оказал им услугу.

— Ай, ай, ай, любезный граф, — подумал я, — уж не идет ли речь об уступке Ионических островов»²¹⁰.

²⁰⁶ Цит. по: Гедё А. В. Деятельность И. Каподистрии в свете внешней политики Российской империи в первой четверти XIX века. С. 298.

²⁰⁷ Теплов В. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб., 1893. С. 664.

²⁰⁸ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики России. С. 70.

²⁰⁹ Цит. по: Там же. С. 69.

²¹⁰ Дивов П. Г. Петербург в 1827 году (Из дневника Дивова) // РС. 1898. Т. 93. № 1. С. 105.

В заключение разговора с П. Г. Дивовым речь зашла об англичанах: «Капо-д'Истрия сказал мне, что во время его пребывания в Швейцарии некоторые знатные англичане уговаривали его порвать все отношения с русским императором, на что он отвечал: «Господа, то, что вы мне предлагаете унизило бы меня в моих собственных и ваших глазах»²¹¹. Разговор с П. Г. Дивовым коснулся и Франции, которая имела особые экономические интересы в Египте, вкладывала капиталы в египетскую экономику, а французские офицеры служили на египетских судах. В разговоре с императором Каподистрия «объявил о необходимости воздействовать на Францию, в том смысле, чтобы она приказала египетскому бею, что ему велено не допускать экспедиции в Морею»²¹².

С тяжелым настроением, как вспоминала А. Д. Блудова, Каподистрия уезжал «из России, где государь приласкал и ободрил его, где столько старых друзей с искренностью и даже с восторгом разделяли его чувства и сообщали ему свои надежды. Он отправился в Лондон и Париж, на терновый путь *политического просителя* о земле страждущей, о земле бедной, на которую смотрели свысока, как на нищую»²¹³.

Особое внимание российская дипломатия уделяла борьбе за наиболее благоприятные для Греции государственные границы, взяв за основу разграничение, которое было намечено Константинопольской конференцией 23 августа (4 сентября) 1827 г.: «Мы предлагаем установить границы Греции так, как указано в настоящей депеше, поскольку такое разграничение было намечено Константинопольской конференцией, и думаем, что оно обеспечивает Греции необходимое ей расширение ее территорий, включающей в себя все области, принимавшие активное участие в борьбе; наконец, согласно полученной нами информации, такое разграничение отвечало бы чаяниям самых авторитетных греческих деятелей»²¹⁴.

В задачи английской дипломатии входило, чтобы новое православное государство не должно иметь слишком большой территории, и максимум, чего удалось добиться российской дипломатии — это установления границы по линии от Артского (Амбракийского) залива в Ионическом море до Волосского (Пагатитского) залива. В первоначальном постановлении она даже частью южнее, чтобы территория Греции не приблизилась к Ионическим островам, которые Англия контролировала с 1815 г. (по 1864), а из островов в состав нового государства предлагалось включить только прилегающий Кикладский архипелаг. Это было значительно меньше освобожденной греками территории (примерно ¼ современной Греции). Борьба за воссоединение с другими регионами, населенными греками, продолжалась затем многие годы.

В Лондоне 2 июля возобновились совещания трех союзных дворов, причем Веллингтон согласился продолжить их на острове Корфу, где переговоры начались 9 августа. Для укрепления позиций в Греции английское правительство пыталось договориться с Ибрахимом-пашой и Мохаммедом-али, намереваясь мирным путем добиться возвращения Пелопоннеса грекам. Но оно опоздало. Французский генерал Мезон²¹⁵ уже отбыл с войсками из Тулона. Французские войска высадились в Морею и почти без выстрела заняли полуостров. Переговоры, начатые на Корфу (Ионические острова), были продолжены на острове Порос (у восточного берега Пелопоннеса), который являлся первой военно-морской базой греческого флота. С октября 1828 г. в трехсторонних переговорах (Англия, Россия, Франция) с участием Каподистрии присутствовал и дипломат А. И. Рибопьер. В своих записках А. И. Рибопьер назвал эти переговоры, продолжавшиеся

²¹¹ Там же. С. 106.

²¹² Там же.

²¹³ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 187.

²¹⁴ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Том седьмой (пятнадцатый). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 370.

²¹⁵ Мезон, Никола Жозеф (177–1840), бригадный и дивизионный генерал при Наполеоне, получил титул маркиза от Людовика XVIII, маршал Франции (1817), после экспедиции в Морею (1828); министр иностранных дел (1830); затем посол в Вене, в СПб. (1833); военный министр (1835).

шесть месяцев, «плавающим конгрессом»²¹⁶. Вероятно, к этому времени относятся неточно датированные в описи копия записки И. А. Каподистрии об устройстве Греции²¹⁷, записка неустановленного лица о греческих островах Кандия (Крит) и Самос и необходимости их объединения с Грецией²¹⁸), о земельной собственности в Греции, вероятно, с рассмотрением вопроса о компенсации туркам²¹⁹ и о податях султану²²⁰.

Россия помогает Греции и грекам

Финансовая помощь

Покидая Санкт-Петербург Каподистрия в разговоре с П. Г. Дивовым, заметил, что «его чрезвычайно беспокоит одно обстоятельство, а именно — жалкое состояние финансов Греции, и ежели ему удастся собрать один миллион франков, то это удовлетворит государственные нужды на один месяц. Эту сумму надеялись реализовать, сделав заем на Ионических островах, но вряд ли это удастся; видя такой недостаток в деньгах, он сам пожертвовал 50 тысяч франков и обратился письменно о помощи к крупнейшим капиталистам-грекам в Триесте и других портах Средиземного моря, а также в Одессе. Со временем думает обратиться к русским, но не иначе, как с согласия его величества и ежели на это последует высочайшее разрешение, то он надеется собрать значительную сумму денег»²²¹. «Сам Каподистрия, — отметила А. Д. Блудова, — под видом займа, отдал все свое состояние, около 800 000 франков»²²².

В неудачное для себя время, в половине августа 1827 г., Каподистрия, возвращаясь из России, приехал в Лондон. Незадолго до этого, 27 июля, не стало Каннинга, и король вверил кабинет Годричу. Каподистрию встретили холодно, так как Англия не хотела войны, кроме того, «Грей дал понять, что Англия не желает поддерживать русское влияние в Греции»²²³. После посещения Англии Каподистрия отправился в Анкону, куда английское правительство обещало выслать фрегат для его переезда в Грецию.

С финансовой помощью грекам Англия не торопилась. «Что сделала Англия для Греции? Или лучше, что она сделала во вред Греции? — писала Д. Х. Ливен брату А. Х. Бенкендорфу 10 (22) августа 1828 г. — В конце концов могущественная и богатая Англия не даст ни одного шиллинга, ни одного человека, и будет вынуждена предоставить всю честь другим»²²⁴. Позднее, А. Д. Блудова так писала об исканиях финансовых средств Каподистрии в Европе, критикуя кабинет Англии: «Обещания денежной помощи посредством займа, защиты посредством угрожающего появления эскадры около берегов Мореи — больше этого дипломатическая рутина нового министерства дать не могла ему в Англии, и, когда впоследствии решено было согласиться на заем от трех держав Греции, Франция и Россия на первое время дали по 3 ½ миллионов каждая франков, а Англия, богатая Англия, 500 тысяч франков только»²²⁵.

Россия в лице Николая I оказала финансовую помощь Каподистрии сразу и безвозмездно, когда общей договоренности с Англией и Францией еще не было. Так, 15 (27) июля 1827 г. управляющий министерством иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил по секрету послу в Лондоне Х. А. Ливену: «Князь, в приложении к сему Вы найдете два письма г-на министра финансов; одно из них адресовано лично вашей

²¹⁶ Рибопьер А.И. Записки графа Александра Ивановича Рибопьера. С примечаниями и предисл. А. А. Васильчикова // Русский архив. 1877. Кн. 1. № 4. № 5. С. 28.

²¹⁷ РГИА. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 90. ...

²¹⁸ РГИА. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 95.

²¹⁹ РГИА. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 96.

²²⁰ РГИА. Ф. 1040. Оп. 1. Д. 97.

²²¹ Дивов П. Г. Петербург в 1827 голу (Из дневника Дивова) // РС. 1898. Т. 93. № 1. С. 106.

²²² Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 188.

²²³ [Ливен Д. Х.] Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами. С. 427.

²²⁴ Там же. С. 428.

²²⁵ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. С. 188.

светлости, другое – г. Харман и К°. Г-н генерал-лейтенант Канкрин извещает этих банкиров о том, что на Ваше имя в их банке открыт кредит на сумму в 1 млн руб. банковскими ассигнациями. Император предоставляет эту сумму в полное распоряжение г-на графа Каподистрии, который употребит ее, смотря по обстоятельствам и так, как сочтет наиболее подходящим и сообразным с намерением е.и. в-ва. Поэтому соблаговолите, князь, использовать Ваш кредит в банке Харман для всех выплат, о которых попросит Вас граф Каподистрия, в пределах 1 млн. руб. и улаживать с ним все вопросы, связанные с требованиями подобного рода, с коими он станет к Вам обращаться. Крайне важно, чтобы истинное назначение этой суммы и ее использование, на которое уполномочен г-н граф Каподистрия, хранились в полной тайне. Ваше светлость примите поэтому все надлежащие меры предосторожности, дабы гг. Харман сами были твердо убеждены и убеждали других, что кредит, открытый Вам в их банке, имеет единственной целью покрыть часть расходов, связанных с отправкой нашей эскадры в воды Архипелага. Такое объяснение столь просто и правдоподобно, что не сможет возбудить никаких подозрений. Осмелюсь, кроме того, просить Вас сохранить настоящее письмо у себя и не сдавать его в архив канцелярии посольства»²²⁶. Это письмо было получено Ливеном 4 (16) августа.

В записке, представленной Николаю I 20 декабря 1827 г. (1 января 1828 г.) К. В. Нессельроде, анализируя уходящий год, реалистично полагал, что без финансовой помощи Греции не обойтись: «[...] Однако этот прядок не воцарится там без денежной помощи. Такова истина, не требующая доказательств. Итак: 1) Россия должна решительнее, чем когда либо, настаивать перед союзниками на немедленном заключении соглашения о предоставлении займа на сумму в 2 млн. ф. ст.; предложение на сей счет было сделано графом Каподистрией ...»²²⁷.

Во время Наваринского сражения И. А. Каподистрия еще находился в своем европейском турне по пути Грецию. 4 (16) января 1828 г., находясь на Мальте, он обратился к союзными державам с меморандумом, подчеркивая значимость для Греции победы при Наварине. 5 (17) января 1828 г. И. А. Каподистрия на борту английского корабля «Warspite» отправился в Навплион и через шесть дней, 11 (23) января, на том же корабле в сопровождении фрегата «Святая Елена» и брига «Ревель» переправился в Эгину, где принял присягу президента. Вопрос о субсидиях продолжал оставаться острым. Сент-джеймский и тюильрийский кабинеты задерживали выдачу согласованных кредитов, что стало определенным препятствием для использования средств, выделенных Россией. Это отразилось в письме К. В. Нессельроде на имя И. А. Каподистрии от 7 (19) января 1828 г.: «Может ли это явиться причиной того, что Греция будет обречена на гибель из-за обрушившихся на нее бедствий, распрей, вынуждающих ее истекать кровью, и крайностей, порочащих ее флот, — только ради соблюдения принципа, последствием которого будет неопределенно длящееся ожидание, а тем временем зло может зайти столь далеко, что

²²⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 181–182.

²²⁷ Внешняя политика XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. С. 341. Несколько ранее, 9 (21) сентября 1827 г., И. А. Каподистрия направил из Лондона доклад Николаю I, депешу на имя Нессельроде, а также записку, датированную 31 августа (12 сентября) 1827 г. и предназначенную для правительств России, Англии и Франции. В докладе Николаю I Каподистрия сообщал, что пока не добился согласия лондонского и парижского кабинетов на предоставление Греции финансовой помощи, и просил дать указание Х.А. Ливену принять участие в обсуждении этого вопроса с уполномоченными Англии и Франции. Если и это не приведет к успеху, то Каподистрия предлагал, чтобы правительство России заявило о предоставлении помощи Греции в одностороннем порядке. В депеше на имя Нессельроде Каподистрия писал, что, по его мнению, Сент-джеймский кабинет просто хочет «заставить его ждать как можно дольше какого-либо решения» и «оттянуть его прибытие в Грецию». В записке уполномоченным трех держав в Лондоне Каподистрия также обосновывал необходимость срочной финансовой помощи Греции и выдвигал различные варианты такой помощи // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 7 (15). Январь 1827 г. – октябрь 1828 г. Примечания. С. 684–685.

окажется непоправимым?»²²⁸. В отличие от России в Лондоне и Париже тогда сочли выделение денег И. А. Каподистрии нецелесообразным.

В письме от 17 (29) апреля вице-канцлер К. В. Нессельроде сообщал послу в Лондоне Х. Ф. Ливену: «Посему император посылает ему сумму в 1 500 000, которая удовлетворит в течение трех месяцев потребность правительства в Эгине»²²⁹. Конкретно векселя на сумму в 1 500 000 руб., составляющие субсидию, передавались через посредничество вице-адмирала, о чем он был уведомлен 18 (30) апреля 1828 г.: «Господин граф. При сем в. в-ву препровождаются векселя на сумму в 1 500 000 руб., составляющие субсидию, которую император, наш августейший государь, соизволил предоставить главе греческого правительства»²³⁰. В ответ на выделение кредита Россией вице-адмирал Л. П. Гейден с борта корабля «Азов» у берегов Пороса сообщал 21 мая (2 июня) 1828 г.: «Каподистрия в свою очередь признает и не устает мне повторять, что без вовек благословенной щедрости императора, без материальной и моральной поддержки, которое присутствие его эскадры оказывает образованию нынешнего правления Греции, все усилия были бы тщетны и послужили бы, возможно, лишь осуществлению замыслов, которые явились бы плодом своекорыстной и завистливой политики»²³¹.

В феврале 1829 г. Николай I поддержал обращение И. А. Каподистрии о займе, обратившегося к кабинетам Лондона и Парижа. Русский дипломатический агент в Греции М. Н. Булгари сообщал президенту Греции 10 (22) февраля: «Я испытываю истинное удовольствие от того, что могу информировать Ваше превосходительство о том, что император, мой августейший повелитель, желая вновь засвидетельствовать Вам свое высочайшее благоволение, поспешил поддержать перед кабинетами Парижа и Лондона просьбу о займе, с которой Ваше превосходительство обратился ранее к трем союзным дворам через своих полномочных представителей. [...] Доводя до Вашего сведения, г-н граф, это благосклонное намерение императора, я отнюдь не сомневаюсь, что оно будет встречено греческим правительством как новое свидетельство горячего и искреннего сочувствия, которое вызывает у его императорского величества благополучие и судьба Греции»²³².

После успеха займа, полученным И. А. Каподистрией в Амстердаме, К. В. Нессельроде 31 марта 1829 г сообщал М. Н. Булгари о выделении 1 млн. рублей (судя по всему, не кредита), кроме того, «движимый великодушной заботой о благосостоянии Греции», дал указания послам в Париже и Лондоне добиваться выделения кредита для Греции в размере 60 млн. под общей гарантией²³³. Не дожидаясь предоставления займов союзниками, по распоряжению Николая I, на французском корвете «Элле» было доставлено в Наполи-ди-Романию (Нафплион)²³⁴ и передано 30 июля 1830 г. на корабль «Александр Невский» 500 000 франков присланных «в зачет займа, который должен состояться под ручательством союзных держав»²³⁵.

Кроме того, постоянные вспомоществования оказывались греческому населению в течение всех лет войны и после нее русскими дипломатическими и консульскими агентами, в том числе из тех сумм, которые передавались им по распоряжению Николая I. Так, о

²²⁸ Там же. С. 367.

²²⁹ Там же. С. 500.

²³⁰ Там же. С. 507.

²³¹ Там же. С. 552.

²³² О помощи России в создании независимого греческого государства (1829–1831 гг.) / Текст О. В. Василенко // Новая и новейшая история. 1959. № 3. С.149–150.

²³³ Там же. С. 151.

²³⁴ Современный Нафплион (также Анапли и под венецианским названием Наполи-ди-Романос) на побережье залива Арголикос Эгейского моря на восточном «пальце» полуострова Пелопоннес в 94 км. к юго-западу от Афин; построена венецианцами в 1687 г., отбита греками у турок 30 ноября 1822 г.; с 1823 по 1833 г. включительно — столица Греции.

²³⁵ Отношение русского резидента в Греции Г.В. Панина командующему эскадрой в Средиземном море контр-адмиралу П. И. Рикорду // РГА ВМФ. Ф.195. Оп. 1. Д. 59. 1830, 30 июля. Л. 2.

получении 8 векселей на 77 178 рубля сообщал И. А. Каподистрия агенту В. Н. Панину в письме от 22 апреля (4 мая) 1830 г.²³⁶.

По данным О. В. Василенко, автора вступительной статьи к публикации документов о финансовой помощи России Греции в период с 1827 по 1830 г., общая материальная помощь России составила 3,5 млн. франков²³⁷. Можно предположить, примерно по вексельному курсу того времени, это составляло более 12 млн. руб. серебром. Но это не считая сумм, предоставленных русской православной церковью и общественных сборов²³⁸. Еще 200 тыс. рублей было пожертвовано императрицей Александрой Федоровной²³⁹. Не вся помощь отражалась в документах. Так, в Бессарабии три тайных организации собирали деньги, заготавливали оружие, вербовали добровольцев²⁴⁰.

Флот оказывал помощь и военными припасами. В осаждённую Навплию весной 1828 г. прибыл транспорт «Пример» с грузом пороха и продовольствия. В инструкциях адмиралу Л. П. Гейдену, в связи со скорой войной с Турцией, К. В. Нессельроде предписывал вооружать греков как «естественных союзников» России²⁴¹. После того, как эскадрой Л. П. Гейдена был захвачен 20-ти пушечный корвет «Восточная звезда», 1 июня 1828 г., в «Историческом журнале» появилась запись: «Из числа вещей, найденных на корвете Его Сиятельство приказал по просьбе г. Президента Греции отпустить пороху 180 пуд, меди для делания денег 1902 пуда, ружей 237, пуль ружейных 10 пуд и 23 сабли, остальные раздать на Эскадру»²⁴². Судя по всему, это был не единичный случай. Но финансовая помощь России еще до официальных денежных переводов греческому правительству была обращена непосредственно на самих греков, как для выкупа из рабства, так и на беженцев в России. В начале XIX в. поток переселенцев и беженцев в Россию (особенно болгар и греков) увеличился, их благоустройство было вменено в обязанность учрежденной в 1800 г. Конторе опекунов Новороссийского края. Наиболее благоприятный режим был до русско-турецкой войны 1806–1812 гг. После этого переселенцы уже не могли пользоваться двойным гражданством. У них осталось право получения земельных участков, но были отменены денежные субсидии.

С началом восстания в Греции России в больших масштабах пришлось заниматься оказанием помощи и поселением беженцев на Юге России, а также выкупом пленных. Еще в 1821 г. на выкуп пленных греков российское правительство выделило 520 тыс. рублей²⁴³. В июле 1821 г. был официально объявлен сбор пожертвований в пользу греческих беженцев. В 1823 г. в России была объявлена подписка на сбор средств для выкупа пленных повстанцев. В Одессе действовала специальная комиссия по оказанию помощи²⁴⁴. Сбор денежных средств не прекращался и все последующие годы. Эта политика была продолжена и при Николае I. В 1826 г. по его распоряжению были выделены 10 тыс. рублей ассигнациями на выкуп пленных греков из разорённого города Миссолунги, которые продавались «за самую низкую цену» на рынках городов Превезы²⁴⁵ и Арты²⁴⁶. Деньги были

²³⁶ О помощи России в создании независимого греческого государства (1829–1831 гг.). С. 155.

²³⁷ Там же. С. 149.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Айрапетов О. Р. История внешней политики. С. 76.

²⁴⁰ Иовва И. Ф. Из истории русско-греко-молдавских революционных связей // История СССР. 1971. № 3. С. 122.

²⁴¹ Кудрявцева Е.П. Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе. С. 41.

²⁴² РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 65. Исторический журнал 1828 года, веденный капитан-лейтенантом [И. И.] Кадьяном. 1828. Л. 190.

²⁴³ Кудрявцева Е.П. Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе. С. 31–47.

²⁴⁴ Пятигорский Г. М. Деятельность Одесской греческой комиссии в 1821 – 1831 гг. // Балканские исследования. Вып.8 : Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. М., 1982. С. 137 – 138.

²⁴⁵ Превезы — город на западном побережье Греции на берегу Амвракийского залива, который по итогам войны за независимость стал опорным пунктом разграничения между Грецией и Османской империей.

²⁴⁶ Арта — город у входа в залив Амвракикос, перешел к Греции только по решению Берлинского конгресса в 1881 г.

переведены консульствам, находившимся вблизи территориальной Греции – российским консулам в Венеции Наранци и на Ионических островах (о. Корфу) Папандопуло²⁴⁷.

Как свидетельствуют документы РГИА, по всем ведомствам собирались деньги в пользу греков и выкупа их из рабства, а также для оказания материальной помощи греческим беженцам, в значительном количестве появившимся в южных губерниях России. В докладе управляющего министерством иностранных дел К. В. Нессельроде Николаю I от 31 декабря 1827 г. (12 января 1828 г.) содержалось ходатайство об ассигновании новых денежных средств кассам, учрежденным в Одессе и Кишиневе для оказания помощи греческим беженцам. Ранее, в 1821 и 1822 гг. на эти цели было ассигновано 150 тыс. рублей из Государственной казны и еще 360 тыс. благодаря подписке. В конце 1824 г. еще 250 тыс. рублей через М. С. Воронцова Александр I предназначил для выкупа греческих пленников с Хиоса. Греческим беженцам оказывалась помощь по административной линии, в частности казенные палаты южных губерний (из общих губернских доходов)²⁴⁸. Кроме того, по всем ведомствам²⁴⁹ и губерниям²⁵⁰ собирались пожертвования, в чем принимали участие даже крестьяне.

Рескриптом Николая I управляющему Новороссийскими губерниями и Бессарабской областью Ф. П. Палену от 31 декабря 1827 г. (12 января 1828 г.) предписывалось: «Повелеваю Вам заимствовать из общих доходов Бессарабской области 70 000 ассигнациями на содержание тех выходцев в течение 1828 г. и передать сию сумму в распоряжение вышеупомянутой Вспомогательной комиссии... На подлинном подписано собственноручною е. и. в-ва рукою: Николай»²⁵¹. Более сложно в России обстояло с подпиской непосредственно на помощь самой Греции. Чиновник МИД П. Г. Дивов записал в дневнике в 1826 г., после приезда в Санкт-Петербург герцога Веллингтона: «С другой стороны, ходят слухи о войне с Турцией. – Довольно странно, что после проезда герцога Веллингтона через Берлин тамошний двор открыл подписку для оказания помощи грекам»²⁵². Но, судя по всему, желающие перевести деньги в Грецию, такие способы находили.

Крупнейшим российским предпринимателем и меценатом греческого происхождения был Иван Андреевич Варваций (по уточненным данным, 1753 – декабрь 1825), уроженец острова Псаро, которого на родине звали Иоаннис Леонтидис по прозвищу Варвакис. В молодости он стал участником Чесменского сражения, за что получил чин поручика, а в 1777 г. при помощи Григория Потемкина попал в Россию. Вскоре он стал крупнейшим купцом в Астрахани и Таганроге, где при его участии была сооружена Греческая церковь. Кроме того, он пожертвовал крупную сумму денег в «Греческое купеческое общество филантропов и любителей муз» (легальный филиал «Филики Этерии»). Когда в апреле 1823 г. в Таганроге была объявлена подписка на выкуп греков, взятых в плен на острове Хиос с марта по ноябрь, было собрано 162 тыс. руб., из них 100 тысяч внес Варваций (среди погибших на Хиосе была первая жена Варвация, монахиня Мария). Он также закупил в Туле и отправил восставшим большую партию оружия. После освобождения остров Псаро Варваций послал землякам 100 тысяч рублей и отправил несколько судов, нагруженных пшеницей. К этому времени он продал свое обширное имение в Астрахани с промыслами, рыбными ловлями и крестьянами. По данным исследователя Е. Карновича, Варваций пожертвовал в общественную пользу в России до 3,

²⁴⁷ Кудрявцева Е. П. Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе. С. 40.

²⁴⁸ РГИА. Ф. 565 (Департамент государственного казначейства). Оп. 13. Раздел: Пенсионное. Д. 2061. Департамент государственного казначейства Министерства. О производстве пособий греческим эмигрантам, находящимся в Южном крае России. По Херсонской. 1821–1867. – 227 об.

²⁴⁹ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода). Оп. 2. Д. 6631. О пожертвованиях на выкуп греков по учебным заведениям. 1822, 29 декабря – 30 июня 1823. – 117 л.

²⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 6422. Уведомления от губернаторов об отправлении ими денежных приношений в пользу греков, в Одессу и Бессарабию. 15 сентября 1822 г. – 111 л.

²⁵¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

²⁵² Дивов П. Г. Из дневника П. Г. Дивова // РС. 1897. Т. 89. № 3. С. 480.

5 миллиона рублей и до 1,5 миллиона — в пользу Греции (сумма, сопоставимая с первым денежным траншем для Каподистрии от российского правительства!). Покидая почти тайно Таганрог, он передал Приказу общественного призрения свое загородное имение. В мае 1824 г. Варваций уже находился в Нафплионе, где пожертвовал 25 тысяч на строительство греческого училища. Затем он прибыл к Модонской крепости, где шли бои и сформировал вооруженный отряд повстанцев, но вскоре умер на острове Занте. Перед смертью он завещал Греции весь свой оставшийся капитал 1 млн. 400 тыс. рублей. Варваций был похоронен 12 января 1825 г. Позднее, в Афинах ему был открыт памятник, выполненный скульптором Леонидом Дросси из белого мрамора²⁵³.

Русские моряки продолжали оказывать помощь грекам и после убийства Иоанна Каподистрии. Греческий Сенат, единственный легитимный орган, создавая разные комиссии, пытался создать что-то похожее на управление в стране. Но казна была пуста. В счет будущих субсидий греки обратились с просьбой предоставить до их получения заем к резидентам и адмиралам европейских держав. Откликнулся только П. И. Рикорд, выделивший из средств эскадры 10 тыс. испанских талеров²⁵⁴.

Филэллинское движение и русские волонтеры

В это время в Европе и Северной Америке широкое распространение получило филэллинское движение, начинавшееся как мода на античность, увлечение древнегреческой культурой, путешествиям к античным памятникам Греции. Идеи филэллинства культивировались и среди образованной части греков в Европе. После начала восстания в Греции филэллинское движение оказывало поддержку грекам. Общественное мнение разных стран далеко не всегда совпадало с позицией правительств, но как правило все же зависело от этого²⁵⁵. Среди наиболее известных своими симпатиями к грекам — филэллины Байрон, Вильгельм Мюллер, король Людовик I Баварский. Филэллинские союзы собирали денежные пожертвования и снаряжали добровольцев для отправки на театр военных действий. Как показывают исследования, их участие в военных действиях было ограничено, тогда как вклад в пропаганду в пользу греков, в побуждении общественного мнения к заступничеству за греков, сбор пожертвований, был значителен. Открытию филэллинских комитетов правительства европейских стран долго препятствовали. В Англии только в марте 1823 г. была разрешена деятельность Комитета помощи Греции для сбора пожертвований.

Известным агентом Комитета стал полковник Стэнхоп, посланный в Месолонги (Месолонгион). На первом месте по числу добровольцев из Западной Европы в 1821–1822 гг. были немцы, в 1823–1825 гг. — англичане, а на заключительном этапе в 1826–1830 гг. лидировали французы²⁵⁶. Самый известный из англичан, национальный герой Греции, лорд Джордж Гордон Байрон, чей портрет висел у А. С. Пушкина в Михайловском. Байрон получил разрешение английских властей жить на острове Корфу (июль 1823 г.). На собственные средства он купил бриг, припасы, оружие и снарядил полтысячи солдат. В конце декабря 1823 года он прибыл в Месолонгион и заболел лихорадкой. 7 (19) апреля 1824 г. на 37-м году жизни, Джордж Гордон Байрон скончался²⁵⁷. Самый известный после Байрона англичанин-филэллин капитан Фрэнк Гастингс (1794–1828) командовал парусно-паровым судном «Картерия», первым паровым судном, принимавшим участие в боевых действиях. После ранения Гастингс скончался на о. Закинфе, перезахоронен на о. Порос. Там же был похоронен в 1828 г. баварский офицер филэллин Антуан Шильхер. Во Франции выделялся «неутомимый Эйнар, который связался дружбой с Каподистрией»²⁵⁸.

²⁵³ Марков А. С. Варвакис. Документальное повествование. Астрахань: Волга, 2000.

²⁵⁴ Арш Г. Л. Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы). С. 92–107.

²⁵⁵ St. Clair W. That war of Greece Might Still Be Free. The Philhellenes in the War of Independence. Cambridge, 2008.

²⁵⁶ Панин С.О. Участие иностранных добровольцев в Греческой революции 1821–1830 годов. С. 76.

²⁵⁷ Байрон Дж. Дневники и письма. М., 1863.

²⁵⁸ Блудова А. Д. Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // РА. 1875. Кн. 2. № 6. С. 188.

Общее количество добровольцев из Европы подсчитать невозможно. Было много греков-эмигрантов и греков с Ионических островов. Английский исследователь У. Сент-Клэр приводит цифру в 940 волонтеров-филэллинов из Европы: 342 немца, 196 французов, 137 итальянцев, 99 британцев, 35 швейцарцев, 30 поляков²⁵⁹. Известно об участии в битве при Пете (1822 г.) 13 польских добровольцев²⁶⁰. Были небольшие группы голландцев, бельгийцев, испанцев, португальцев, шведов, датчан, венгров, американцев и др. В основном это были военные и студенты. Из них 313 погибли или умерли от ран и болезней²⁶¹. Но в это число не вошли добровольцы из России и с Балкан. Наиболее широко были представлены балканские волонтеры: болгары, сербы, черногорцы, валахи, молдаване надеялись, что это приблизит и их час освобождения. На первом месте среди вообще всех волонтеров, были болгары. Болгарской академией наук опубликованы подробные списки болгар — участников освободительной войны на территории Греции (536 человек) и болгар, участвовавших в движении «Филики Этерии» на территории Валахского и Молдавского господарств (168 человек)²⁶². Только при осаде Триполицы на стороне греков сражалось около 200 болгар-перебежчиков из турецкой армии²⁶³.

В начале революции в Дунайских княжествах в отряде Александра Ипсиланти (не превышавшем 6 тыс. чел.) были русские подданные из числа греков и русских, а также немного болгар и албанцев из числа турецких подданных. В 1821 г. в Греческом восстании различное участие приняла часть монахов афонских монастырей, которые пользовались материальной поддержкой Святейшего Синода, входя в Палестинский список²⁶⁴. Среди монахов были и русские, среди них распространялись письма якобы от имени Александра I, будто бы на подмогу святогорцам высланы русский флот и войско. Из числа молодых монахов был сформирован отряд, вооруженный саблями и пистолетами, а монахи из казаков и беглых солдат обучали восставших стрельбе. После подавления восстания турки отрубили русским монахам головы. Оставшиеся в живых монахи обратились к временно поверенному России в Константинополе М. Я. Минчаки с просьбой «дозволить возвратиться в Отечество». В списке было 48 имен монахов из скита Св. Пророка Илии и Зографского монастыря. Турки заняли Афонские монастыри, и новые насельники смогли вернуться в обители только через 10 лет²⁶⁵.

Известные факты о русских волонтерах на территории самой Греции немногочисленны. Возможно, это было связано с неодобрением официальных властей этой инициативы, что могло быть воспринято как вмешательство России во внутренние дела Турции, что и так было постоянным поводом обвинения России со стороны Порты. Кроме того, это воспринималось как проявление своеволия и приверженности революционным настроениям. Да и добраться до Греции было сложно. В одной из статей Г. Л. Арша на основе архивных документов приводятся имена русских филэллинов-добровольцев, сражавшихся в армии Ипсиланти в Дунайских княжествах: штабс-капитан Архип Куликовский, поручик Василий Султанов, штабс-капитан Анфилой Костин. В самой Греции мастер по строительству брандеров Иван Афанасьев изготовил пять таких судов для поджога кораблей противника. Он лично участвовал во время боя у острова Лесбос 7 (19) июля 1821 г. в уничтожении 74-пушечного турецкого корабля. Алексей Протопопов

²⁵⁹ Панин С.О. Участие иностранных добровольцев в Греческой революции 1821–1830 годов. С. 76.

²⁶⁰ Арш Г. Л. Восстание 1821 года в освещении греческого историка. Там же.

²⁶¹ Панин С.О. Участие иностранных добровольцев в Греческой революции 1821–1830 годов. С. 76.

²⁶² Годоров Н. Трайков В. Българи участници в борбите за освобождението на Гърция. София: Българската академия на науките, 1971. С.971-981, с. 982-984.

²⁶³ Арш Г. Л. Восстание 1821 года в освещении греческого историка. 167.

²⁶⁴ Дашков Д.В. Афонская Гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году. СПб., 1825.

²⁶⁵ Кудрявцева Е.П. Греческая революция 1821 г. и политика России в Восточном вопросе // Вестник МГИИМО-ун-та, 2021. № 14 (1). С. 38.

служил в чине лейтенанта в кавалерии и принимал активное участие в боях на Хиосе в конце 1827 — начале 1828 гг.²⁶⁶

Список русских филэллинов в Греции постепенно пополняется, но наиболее известным и успешным участников революции в Греции остается Николай Алексеевич Райко (1794 — 12 января 1854) — внебрачный сын Алексея Григорьевича Бобринского, который, в свою очередь, был внебрачным сыном Екатерины II и Григория Орлова. То есть Райко был их внуком, а Александру I приходился двоюродным братом! Поэтому не случайно упоминание А. Г. Бобринского в деле III отделения, в письме И. И. Дибича шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу в октябре 1828 г., которым начинается секретное дело III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии: «Дошло до сведения государя императора, что русский дворянин Николай Райко, бывший пред сим в военной наше службе, ныне находится в службе греческого правительства, а именно комендантом крепости Паламида, и что он имеет сношения с графами Бобринскими, кои помогают ему и деньгами»²⁶⁷. Свое образование он получил в Италии, в частности, в Падуанском университете. В 1812 г. пытался через Швейцарию пробраться в Россию, чтобы принять участие в борьбе против Наполеона; был задержан и возвращён во Флоренцию. После наполеоновских войн в 1815 г. поступил на военную службу в России. По военной специальности артиллерист. Вышел в отставку в чине поручика Л.-Гв. Драгунского полка 9 января 1826 г. (меньше, чем через месяц после поражения декабристов). В начале 1827 г. тайно выехал в Грецию. В объяснительной записке, которую ему пришлось впоследствии написать А. Х. Бенкендорфу, он так объяснял свои незаконные с точки зрения правительства поступки «чувством народной чести»: «Мне хотелось избавить мою родину от нареканий, что ни один из сынов ее не явился по доброй воле на помощь к своим собратьям»²⁶⁸.

Он вступил в греческую армию. Известно, что в ноябре 1827 г. он принял участие в экспедиции Шарля Николая Фавье на остров Хиос. В январе 1828 г. способного офицера из России заметил Иоанн Каподистрия. Н. А. Райко был назначен комендантом крепости Паламиды в Нафплионе, а затем — комендантом только что сдавшейся крепости Патры (Патроса, 1828–1830) в крупнейшем порту на Пелопоннесе, третьем по величине одноименном городе Греции. После окончания военных действий Н. А. Райко в августе 1831 г. по поручению И. Каподистрии был назначен третьим по счету директором «Военной школы Греции» для подготовки греческих офицеров (ныне Военное училище эвэлпидов или, как оно также называется, Греческая военная академия). Училище основано указом Иоанна Каподистрии и открылось 1 июля 1828 г. Название «эвэлпидес» заимствовано из Фукидида и дословно переводится, как «носители больших надежд», как афиняне называли коринфян. Так Каподистрия назвал первых выпускников училища. В 1831 г. Н. А. Райко оказался ближайшим свидетелем убийства своего покровителя И. Каподистрии. В апреле 1832 г. он подал в отставку. Передав дела немецкому филэллину Эдуарду фон Райнеку. Во время пребывания в Греции Райко переписывался с Каподистрией. Райко стал свидетелем убийства Каподистрии у входа в церковь Св. Спиридона в 1831 г., о чем написал в своих воспоминаниях. После убийства И. К. Каподистрии Н. А. Райко добивался права возвращения в Россию. За него ходатайствовал П. И. Рикорд в письме к К. В. Нессельроде от 8 (20) октября 1831 г.: «Г-н Райко, русский дворянин, бывший поручик гвардейского драгунского полка, а в настоящее время подпоручик греческой службы, главный начальник артиллерии и директор Центральной военной школы в Навплии, просит разрешения вернуться в Россию. Г-н Райко пользовался безграничным доверием и большим уважением

²⁶⁶ См.: Арш Г. Л. Греческая революция 1821–1829 гг.: люди и события // Россия и Греция: история и современность. М.: Толмач, 2008. С. 34.

²⁶⁷ Цит. по: Достян И. С. Русский участник греческой революции // ВИ. 1978. № 4. С. 210; См. также: Маркевич Б. М. Н. А. Райко. Биографический очерк // РА. 1868. СПб. 297–308.

²⁶⁸ Цит. по: Достян И. С. Русский участник греческой революции. С. 212.

Президента и больше того, осмелюсь это сказать, его особой дружбой»²⁶⁹. Заступился за Райко и поверенный в делах России в Греции Г. Катакази. Первоначально в ноябре 1831 г. Николай I не дал разрешение, хотя Н. А. Райко соглашался продолжить службу нижним чином, но после дополнительного обращения Н. А. Райко непосредственно на имя императора, он разрешение все-таки получил.

В итоге Николай I разрешил Райко вернуться в Россию, и он прибыл в Одессу в середине 1832 г.²⁷⁰. Ему разрешили вернуться на военную службу в «прежнем чине» поручика в Нижегородском драгунском полку, дислоцировавшемся в урочище Карагач в Грузии, хотя по-прежнему смотрели на него как на революционера-«карбонария». В 1834 г. он вышел в отставку и поселился в Одессе. Там занялся шелководством, много сделал для развития этой отрасли в Новороссии. Но в Греции о нем не забыли, в 1841 г., в связи с 20-тилетием Греческой революции, он был награжден греческим орденом «За заслуги, оказанные им службою во время войны за независимость». В последние годы жизни он опубликовал ряд статей в «Записках Общества сельского хозяйства Южной России», в частности, «Очерк шелководного промысла в Закавказье» (1854). Был почитаем греческой общиной Одессы. Умер от инсульта в годы Крымской войны (1854 г.). Посмертно в журнале «Русский архив» в 1869 г. была опубликована его «Записка об убиении Каподистрии».

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский трактат

Россия объявляет войну. Отправка второй эскадры П. И. Рикорда

Через два месяца после окончания войны с Персией, 14 (26) апреля 1828 г. Николай подписал высочайший манифест «Об открытии войны с Оттоманскою Портою», в котором, в частности, говорилось: «Порта вызывает Россию на брань». Одновременно была издана «Декларация о причинах войны с Оттоманскою Портою и обстоятельствах ей предшествующих». Беспокоила позиция Австрии, от которой исходила главная опасность, но Франц I заверил о своем нейтралитете, прибавив: «Но не спрашивайте меня, признаю ли я эту войну справедливою. По совести, я не могу оправдать Наваринского погрома, которым вызвана настоящая война»²⁷¹. Спустя 11 дней после подписания манифеста о войне 25 апреля (7 мая) 95-тысячная 2-я армия под командованием ветерана войны 1812 г., вскоре получившего чин генерал-фельдмаршала, П. Х. Витгенштейна начала движение. Её действия поддерживала Черноморская эскадра. Продолжала оставаться в Архипелаге и эскадра Гейдена. А в мае 1828 г. на небольшом острове Порос (в документах также Поро) у берегов Пелопоннеса была учреждена стоянка русских судов. На следующий год было завершено большое строительство с долговременными постройками: пристань, главный магазин (склад), хлебный двор, кузница, баня. Позднее все это было передано греческому правительству.

В то же время, из Балтики в Средиземноморье в июне 1828 года была отправлена вторая русская эскадра под командованием контр-адмирала **Петра Ивановича Рикорда**²⁷².

²⁶⁹ Цит. по: Там же.

²⁷⁰ Достян И. С. Русский участник греческой революции // ВИ. 1978. № 4. С. 214.

²⁷¹ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики... С. 85.

²⁷² Петр Иванович Рикорд (1776–1855), контр-адмирал (6 декабря 1827 г.), адмирал (1843). Родился в Торопце Псковской губернии, где его отец, уроженец г. Ниццы (тогда в составе Сардинского королевства), служил премьер-майором Ингерманландского полка, был крещен по православному обряду. В 1806–1809 гг. вместе с Василием Головиным на шлюпе «Диана» участвовал в полукругосветном путешествии на Камчатку; в 1810 г. посетил берега Русской Америки. В 1811 г. вместе с Головиным занимался описанием Южно-Курильских островов, а после захвата Головина в плен японцами, командовал отрядом, трижды ходил к берега Японии, добившись его освобождения. В 1816 г. женился на троюродной сестре своего друга Г. Я. Коростовцева, поэтессе Людмиле Ивановне Коростовцевой (Короставцевой). Произведенный в чин капитана I-го ранга, вместе с ней в 1817 г. вернулся на Дальний Восток начальником Камчатской области, где пробыл пять лет, превратив Петропавловск-Камчатский в настоящий морской порт. Звездным часом П. И. Рикорда было пятилетнее командование Средиземноморской эскадрой «в греческих водах». В июне 1832 г. Рикорд, получил повеление о возвращении эскадры через Дарданеллы в Черное море и в июне все русские военные суда за

Выход из Кронштадта был намечен 1 июня 1828 г., но из-за шторма состоялся только 15 июня. В его составе были корабли: «Фер-Шампенуаз» (84 пушки), «Царь Константин» (74 пушки), «Князь Владимир» (74 пушки), «Эммануил» (64 пушки) и три фрегата: «Мария» (44 пушки), «Ольга» (44 пушки), «Александра» (44 пушки). Общая численность экипажей составляла 3 462 человека²⁷³. 25 сентября все суда эскадры соединились в порту Ла-Валетте на Мальте²⁷⁴. П. И. Рикорду предстояло выделить в октябре несколько кораблей для блокады Дарданелл, чтобы воспрепятствовать подвозу продовольствия в Константинополь. Решение о блокаде было объявлено 18 (30) сентября 1828 г. на конференции трех держав в Лондоне и вызвало сильнейшее раздражение английского кабинета, посчитавшего, что это наносит удар по свободе торговли и может подорвать торговлю в Средиземноморье. 6 (18) октября Л. П. Гейден объявил об этом командующим английской и французской эскадрами.

Л. П. Гейден выделил для блокады четыре судна, включая два корабля (линейные суда) 84-пушечный «Фергампенауз» и 64-пушечный «Эммануил» и два 44-пушечных фрегата — «Мария» и «Ольга». В инструкции Нессельроде предписывалось не пропускать «провиант», в дальнейшем было уточнено: пшеницу, муку, сухари, рис, а также дополнительно подкрепления и материалы для турецко-египетских войск. 11 (23) октября эскадра Рикорда покинула Мальту и 2 (14) ноября и расположилась на якоре между островом Тенедос (Бозджаада) и берегом Анатолии. Через месяц с небольшим Рикорд отправил корабль «Фер-Шампенуаз» обратно к Гейдену и остался для зимней блокады только с тремя судами. Днем и ночью не прекращались опросы торговых судов и проверка их на шлюпках. Полторы сотни египетских судов с хлебом были вынуждены оставаться в Смирне (Измире).

В ходе блокады линейный корабль «Царь Константин» под командованием капитана I-го ранга Ивана Николаевича Бутакова (1876–1865), одного из многих представителей морской династии Бутаковых, 28 января 1829 г. захватил 26-пушечный египетский корвет «Львица» и бриг «Кандия», вооруженный 24 карронадами 6-ти фунтового калибра (то есть, стреляющие ядрами около 26 кг., от завода «Каррон» в Шотландии; короткие относительно калибра и более легкие с лучшей скорострельностью пушки, эффективные для боя на небольших расстояниях). Они следовали в Константинополь с грузом пшеницы и оружия. Командование «корветом «Львицей» Гейден поручил своему сыну лейтенанту Л. Л. Гейдену, предварительно отправив его на Мальту за припасами для корвета. За захват судов капитан И. Н. Бутаков был награжден знаком ордена Св. Владимира 3-й степени, а 7 августа получил чин контр-адмирала. Позднее корвет «Львица» был передан И. А. Каподистрии. В феврале 1829 г. эскадра Рикорда получила подкрепление и в марте блокада была распространена на Энос (Энез) на берегу Эгейского моря и устье р. Марицы (ныне Адрианопольский вилайет в Турции), то есть той части Европейской Турции, которая называлась тогда Румелией и включала в себя северную Грецию²⁷⁵. Аналогичная блокада производилась и в Черном море в отношении Босфора.

исключением двух, оставленных в Греции, прибыли в Севастополь. В годы Крымской войны, в апреле 1854 г., Рикорд был вновь призван на действительную службу, получив начальство над первой и второй флотскими дивизиями Балтийского флота, которые у Кронштадта должны были действовать против блокировавшего его англо-французского флота. Член Адмиралтейств-совета, член-корреспондент Петербургской Академии наук по специальности «мореплавание, география».

²⁷³ Гребенщикова Г. А. Морское сражение под Наварином. С. 242–243.

²⁷⁴ После окончания Русско-турецкой войны присутствие русской военно-морской силы в Средиземноморье продолжилось, хотя часть судов в январе 1830 г. под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева в составе 11 кораблей разных рангов отправилась в Россию. В июне 1832 г. на острове Поро Л. П. Гейден передал командование Средиземноморской эскадрой контр-адмиралу П. И. Рикорду, который помогал И. Каподистрии бороться с мятежниками с острова Идру, выступившими против Греческого правительства.

²⁷⁵ Блокирование Константинополя эскадрой под начальством г-на контр-адмирала Рикорда // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского Величества. 1830. Ч. VI.; Мосолов К. Обзорение действий эскадры под начальством контр-адмирала Рикорда в Средиземном море // Морской сборник. 1855. Т. XIX. № 11. Мельников В. Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники. СПб., 1896.

Военные действия на Балканском театре

В первую кампанию 1828 г. на Балканском театре были взяты крепости Варна и Браилов (Брэйла), а на Кавказе — Карс и Ахалцих. Однако кампания 1828 г. не привела к перелому в войне, тем более что последовали неудачи под Шумлой и Силистрией, что ободрило турок и с удовлетворением было воспринято в Вене, опасавшейся усиления российского влияния среди славян. Д. Х. Ливен откровенно писала князю Меттерниху: «Осень 1828 г., прежде чем сдалась Варна, австрийский кабинет, преувеличивая — как ему угодно было назвать, наши бедствия, обратился к английскому правительству с предложением войти в соглашение с Францией, с целью принудить Россию заключить мир»²⁷⁶. Предлагала Австрия и свое посредничество. Но Россия готовилась продолжать борьбу, так как ей требовалась решительная победа. В ходе обсуждения новой кампании на 1829 год на заседании комитета 19 ноября (1 декабря) под председательством Николая I было принято решение, основанное на мнении генерал-лейтенанта И. В. Васильчикова, который подверг критике пассивный план. Было решено нанести болезненный для Турции удар, который принудил бы ее к миру и к уступкам в Греческом вопросе. Таким ударом мог быть только Забалканский поход. Был рассмотрен вопрос о возможности содействовать восстанию сербов движением войск вверх по долине Дуная, но эта мысль была отклонена. Во-первых, это потребовало бы выделения дополнительно 15 тыс. чел., во-вторых, вызвало бы недовольство Австрии. Новый план требовал и другого командующего, 9 (21) февраля 1829 г. вместо П. Х. Витгенштейна с правами «командующего большой действующей армией» был назначен его начальник штаба И. И. Дибич. Начались активные действия на суше и на море.

В упорном сражении под Кулевчей 30 мая (11 июня) Турецкая армия (40 тыс. чел.) была разбита, ее остатки разбежались. Это был перелом в войне. В первой половине июля армия И. И. Дибича преодолела Балканский хребет. Болгарское и греческое население встречало единомышленников с распростертыми объятиями, а турецкое — бежало в горы. 8 (20) августа был взят Адрианополь (греческое название г. Эдирне) в европейской части Турции, древняя резиденция султанов²⁷⁷. В Константинополе был раскрыт заговор против султана и начались казни. Махмуд II ставил задачу, используя все возможности, избежать наступления И. И. Дибича на Константинополь. Но именно этого больше всего опасался и сам Николай I. В письме к И. И. Дибичу от 12 сентября он называл взятие Константинополя «случайностью, осуществления которой молил Бога не допускать»²⁷⁸. К. В. Нессельроде был не менее категоричен: «Мы не хотим Константинополя»²⁷⁹.

Адрианопольский трактат и Греция

В Адрианополе официально переговоры начались 21 августа (2 сентября). Для того, чтобы заставить турок подписать мир, потребовались новые усилия. И. И. Дибич действовал в соответствии с инструкциями императора: «... Настаиваю, чтобы в том случае, если переговоры прервутся, вы направили отряд войск к Дарданеллам, дабы быть уверенными, что незваные гости не явились там для вмешательства делам нашим»²⁸⁰.

Когда турецкая делегация отказалась идти на уступки, И. И. Дибич предписал войскам выступить к Константинополю; 2-й корпус занял на Черноморском побережье Мидию (современный городок Кыйыккёй), 6-й корпус — Люле-Бургас, 7-й корпус 26 августа — Энос (Энез) на берегу Эгейского моря к юго-востоку от впадения в него р. Марицы. Установилась непосредственная связь с находившейся в Архипелаге эскадрой

²⁷⁶ [Ливен Д. Х.] Княгиня Д. Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. 1903. Т. 114. № 5. С. 440.

²⁷⁷ С 1365 по 1453 год город, получивший название Эдирне, был столицей Османского государства.

²⁷⁸ Цит. по: Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории восточного вопроса. М., 1975. С. 62.

²⁷⁹ Там же. С. 295.

²⁸⁰ Цит. по: Тальберг Н. «Человек вполне русский». С. 297; см. также: Шильдер Н. К. Адрианопольский мир 1829 г. Из переписки графа Дибича. СПб., 1879.

Л. П. Гейдена. В тот же день один из отрядов достиг берега Мраморного моря в районе Чорлу (Текирдага). Примерно половина пути до Константинополя была пройдена.

Успехи русского оружия в войне сыграли решающую роль в обретении в конечном счете признания сначала автономии, а потом и независимости Греции. Этот факт признавал даже известный своей русофобией, но разбирающийся в военном деле Фридрих Энгельс. В статье, опубликованной в апреле 1853 г. в Нью-Йорке, он писал: «А кто решил исход борьбы во время греческого восстания? Не янинский паша Али со всеми его заговорами и мятежами, не битва при Наварине, не французская армия в Морее, не лондонские конференции и протоколы, а русская армия Дибича, перешедшая Балканы и вступившая в долину Марицы»²⁸¹.

Утром 2 (14) сентября 1829 г. в султанском дворце Эски-Сарае в Адрианополе был заключен **Адрианопольский трактат**. Текст состоял из 16 статей основной части и трех Дополнительных актов о Сербии, Дунайских княжествах и выплата контрибуции. Впрочем, его ратификация задержалась, так как по традиции текст договора должен был быть, как отметил Дюгамель, написан на пергаменте золотыми буквами²⁸². На самом деле, власти Турции тянули, ожидая известий из Анатолии. Военные действия в Малой Азии продолжались. Только 27 сентября (9 октября), через 25 дней после заключения мира, И. Ф. Паскевич разбил отряды турок, курдов и лазов под Байбуртом (Бейбурт). Это был заключительный аккорд войны. Турецкий текст договора был ратифицирован султанской печатью в 20-х числах октября. Обмен ратификационными грамотами был произведен И. И. Дибичем и главным хранителем финансов султана Мехмедом Садык-эфенди 28 октября 1829 г. После этого главная квартира русской армии была переведена из Адрианополя в Бургас в юго-восточной Болгарии.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была тяжелым бременем для России, хотя основные потери были не боевые, а от болезней и эпидемий, сначала в 1828 г. холеры, потом, с весны 1829 г. — чумы. Практически каждый солдат дважды побывал в лазарете. В целом только на Балканском театре военных действий армия потеряла около 22 тыс. чел. из 113 тыс., то есть, около 19 %²⁸³. Были потери и на Кавказском театре. В целом потери России оцениваются в 80 тыс. чел., а потери турок — от 138 тыс. до 174 тыс. чел.²⁸⁴. Война обошлась России в 120 млн. рублей.

По мнению французского историка А. Дебидура, Адрианопольский договор «был самой блестящей победой, какую только могла одержать Россия в то время на Востоке»²⁸⁵, наряду с последующим Ункяр-Искелесийским договором о союзе с Турцией 1833 г. В сущности, это был апогей влияния России в Восточном вопросе. Как и предполагалось, территориальные приобретения были сравнительно небольшими, но важными в геополитическом отношении: вся дельта Дуная с ее островами, часть территории в Закавказье (Ахалцих, Ацхур и Ахалкалаки) и Черноморское побережье Кавказа от устья р. Кубани до поста Св. Николая на границе с Аджарией (Анапа, районы современных Геленджика, Лазаревского, Сочи, Адлера, Поти), что так и не было признано Англией. Турция признавала состоявшееся ранее де-факто присоединения к России от Турции и Персии всего Закавказья. На Балканах Россия достигла поставленных целей. Были подтверждены привилегии Молдавии и Валахии, а с давних пор обещанная Сербии автономия была, в соответствии с договором, дарована хатт-и шерифом 29 ноября 1829 г. «Османская империя более не существует», — заявил министр иностранных дел Великобритании Дж. Абердин российскому послу в Лондоне Х. А. Ливену²⁸⁶.

²⁸¹ Энгельс Ф. Что будет с европейской Турцией? // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1957. С. 32.

²⁸² [Дюгамель А. О.] Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. С. 212.

²⁸³ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 106.

²⁸⁴ Там же. С. 135.

²⁸⁵ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 289.

²⁸⁶ Шермет В.И. Турция и Адрианопольский мир. С. 157.

Греция в договоре формально не упоминалась. Греческий вопрос был упрятан в статью X, где речь шла о признании Портой Лондонского протокола от 24 июня (6 июля) 1827 г., который, в свою очередь, содержал это положение.

Впрочем, современники все хорошо понимали. Стихотворение «Восстань, о Греция, восстань», посвященное Адрианопольскому миру, А. С. Пушкин закончил словами:

*Страна героев и богов,
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.*

А в рецензии на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие к Св. местам» (1832) писал: «В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целых 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира. Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность»²⁸⁷.

Порта безоговорочно присоединилась к договору и дополнительному протоколу от 22 марта относительно автономии Греции под верховенством Османской империи. Это было сделано не случайно, чтобы еще более не злить союзников, прежде всего, Англию, терявшей преобладающее влияние в Турции в результате победоносного завершения войны Россией. Аналогичной, хотя и более спокойной, была реакция Австрии, опасавшейся, что условия мира могли бы низвести Австрию «на положение государства второго разряда»²⁸⁸. Только позже, на очередной Лондонской конференции Англии удалось перехватить инициативу, предложив в январе следующего года новый статус Греции как независимого государства, что стало возможным благодаря Адрианопольскому договору. Но этому предшествовала длительная дипломатическая дуэль.

Борьба за признание и границы Греции

Дипломатическая дуэль во время русско-турецкой войны на прекращалась и даже в армии находились дипломатические представители европейских держав. Продолжалось обсуждение и планов нового политического устройства Балканского полуострова. Один из них был предложен И.А. Каподистрией еще в начале войны, 18 (30) марта 1828 г. Его предложения были самые кардинальные. На месте владений Турции на балканском полуострове И.А. Каподистрия предлагал образовать пять королевств: 1) Дакия (Молдавия и Валахия); 2) Сербия (собственно княжество Сербия, Босния и Герцеговина); 3) Македония (Македония, Фракия, часть островов в Эгейском море); 4) Эпир (Эпир и Албания); 5) Эллада (континентальная Греция, включая Фессалию и острова Архипелага). Константинополь предлагалось обратить в вольный город и центр конгрессов пяти государств²⁸⁹. Этот план обсуждался в Особом комитете, но решение было отложено. В начале 1829 г. Комитет единодушно пришел к выводу, что выгоды от сохранения Османской империи в Европе преобладают над планами её расчленения. Был взят курс на сохранение основных турецких владений на Балканах.

В контексте этого решения рассматривался и греческий вопрос. Санкт-Петербургский кабинет не отказывался присоединиться к протоколу 16 ноября, о возвращении в Константинополь французского и английского послов, но требовал, чтобы ранее Лондонская конференция окончательно выработала программу умиротворения. Был принят новый протокол от 22 марта 1829 г., в большей степени отвечавший русским предложениям и явившийся инструкцией для дипломатов, отправлявшихся на Восток. Основные его статьи были подробно рассмотрены в ходе переговоров на островах Корфу и Поросе. Их обсуждали представители трех держав и Каподистрия. В соответствии с достигнутыми договоренностями греческое государство должно было включать в себя

²⁸⁷ Пушкин А.С. Рецензия на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие к Св. местам» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 217.

²⁸⁸ Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 359.

²⁸⁹ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 128.

Морею, Киклады и континентальную Грецию вплоть до линии от Артского (Амбракийского) залива в Ионическом море до Волосского (Пагатитского) залива в Эгейском.

Англия и Австрия неохотно шли на согласие образовать новое государство. «Мысль об образовании Греческого королевства неприятна Веллингтону и Меттерниху. — писала Д. Х. Ливен. — Последний считал распад Османской империи преждевременным»²⁹⁰.

Согласились с тем, что Греция должна была стать конституционной монархией и управляться христианским монархом, не находящимся в родстве с правящими дворами Англии, России и Франции. На первый раз глава этого государств назначался с согласия Порты тремя союзными державами; Греция обязывалась платить султану ежегодную дань в размере полутора миллионов пиастров и вознаградить турецких собственников за их недвижимое имущество, причем сами они должны были покинуть ее территорию. Правда Англия внесла в протокол оговорку, которая делала получение согласия греческого правительства весьма проблемным. В соответствии с ней до окончательного решения греческого вопроса греческие войска должны были занимать только гарантированные им ранее Морею и острова. Каподистрия заявил протест (май 1829 г.) против такого требования, так как он знал, что оно не будет поддержано ни Францией, ни Россией. Реально греческие войска не только не очистили ни одного пункта, но даже продвинулись дальше к северу, чтобы увеличить, если возможно, территорию государства. Что касается Порты, то она приняла в июне послов Англии и Франции, но не согласилась на посредничество и не торопилась выполнять предложенные условия. Русский посол А. И. Рибопьер смог вернуться в Константинополь в посольство России в Буюк-дере только после окончания русско-турецкой войны в 1829 г. Заключение Адрианопольского договора в сентябре 1829 г. создало новую ткань международных отношений. Турция была повержена, Адрианопольский договор тактично обходил прямое упоминание Греции. Он ничем не противоречил международным обязательствам России. Недовольство европейских держав вызывала не буква договора, а, как писала Д. Х. Ливен «сам факт [его – Л. В.] заключения Россией самостоятельно»²⁹¹.

Лондонская конференция, снова открывшая свои заседания в октябре 1829 г., рассматривала изменение статуса Греции (вместо автономии — независимость). Русский кабинет даже высказал желание, чтобы территория Греции была увеличена, но Великобритания не согласилась на это. Она опасалась, что это ещё более ослабит Турцию и создаст затруднения для Англии, боявшейся потерять Ионические острова. В конечном счете было решено, что Греция будет состоять только из полуострова Мореи, Кикладских островов и земель, расположенных между устьями рек Сперхия и Аспропотамоса (Акарнания, таким образом, не вошла в состав Греции). За пределами Греции остались не только самые крупные острова (Крит, Кипр и Самос), но и Этолия и Фессалия. Английская сторона добилась даже изменений ранее согласованной границы по линии Арта — Воло за счет исключения ряда плодородных земель на материке.

Все эти постановления вошли в протоколы, подписанные державами 22 января (3 февраля) 1830 года. Протоколов было три: в первом из них Греция объявлялась независимым государством и устанавливались ее границы. Изменение позиций Англии и Франции по вопросу о независимости Греции объяснялись новыми обстоятельствами. Греки, фактически получившие полную свободу, не соглашались уже больше на вассальную зависимость. Кроме того, Лондонский кабинет в новых условиях посчитал для себя более выгодным независимость Греции, чем ее вассальное положение под эгидой Порты при преобладающем влиянии там России. Англия рассчитывала экономически укрепить свое влияние в Греции (что и произошло в дальнейшем). Кроме того, изменилась позиция Франции, ранее поддерживающей Англию. Париж, нацеливаясь в это время на подвассальный Турции Алжир, не хотел ссориться с Петербургом.

²⁹⁰ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. 1903. Т. 114. № 6. С. 673.

²⁹¹ [Ливен Д. Х.] Княгиня Д.Х. Ливен и ее переписка с разными лицами // РС. 1903. Т. 114. № 6. С. 682.

России пришлось пойти на уступки, признав английский вариант границ, исключив Акарнанию, которая по протоколу от 10 (22) марта входила в состав Греции. Английская дипломатия старалась максимально ослабить влияние России на Балканах.

По второму протоколу принцу Леопольду Кобургскому²⁹² предлагался трон; в последнем третьем протоколе объявлялась, по требованию Франции, свобода вероисповеданий и, в частности, католической религии. Оставалось добиться согласия на независимость Греции со стороны Порты, а пока в январе 1830 г. командующим русской эскадрой в Средиземном море был назначен Рикорд, который подчинялся начальнику Главного морского штаба князю А. С. Меншикову, но посылал также донесения вице-канцлеру К. В. Нессельроде и получал от него предписания. Инструкция от 4 (16) января 1830 г. предписывала оказывать самое усердное содействие главе греческого государства И. А. Каподистрии.

Разгром Османской империи, заключение Адрианопольского договора и тяжесть контрибуции заставили Порту быть более сговорчивой в предоставлении Греции автономии. Порта проявила некоторое упорство (да и то в очень робкой форме) лишь по вопросу об уплате военной контрибуции. Статьи VIII и IX Адрианопольского договора касались военной контрибуции, торговой индемнизации, а также возмещения убытков частных лиц. Общая сумма выплат составляла 11,5 млн. голландских дукатов (137 млн. франков). Она была названа в приложении, особо оговаривалось, что по мере ее выплаты русские войска будут покидать территорию Болгарии и Дунайских княжеств. Это должно было занять несколько лет. Для России это было выгодно, потому что позволяло на законном основании продолжать держать войска в стратегически важном районе (они были выведены только в 1834 г.). Но борьба за финансы продолжалась.

Реализация мирного договора во многом зависела от деятельности турецкого посольства Халиль-паши в Петербурге и графа А.Ф. Орлова, который в качестве чрезвычайного и полномочного посланника прибыл в Константинополь в помощь вернувшемуся туда же и А. И. Рибопьеру. Русский посол устраивал роскошные балы и приемы, на которых бывал и сам султан Махмуд II, съезд гостей в посольстве Российской империи достигал 400 человек. Между прочим, в это время А. И. Рибопьер присмотрел и купил за 60 тыс. франков двух сфинксов из Фив, которые ныне украшают набережную Невы перед Академией художеств²⁹³. В немалой степени он способствовал подготовке будущего соглашения с Турцией.

Приезд турецкого посольства несколько задержался. В Одессе ждали известия о выздоровлении после тяжелой болезни Николая I. В начале января 1830 г. в Петербург приехал чрезвычайный посол Оттоманской Порты **Халиль-паша Рифат**²⁹⁴ (или в транскрипции того времени Галиль-паша), «один из любимцев султана», как характеризовала его Долли Фикельмон. Чиновник МИД П. Г. Дивов зафиксировал присутствие турецких посланников со свитой из 8 человек на большом обеде с музыкой,

²⁹² Принц Леопольд Кобургский после раздумий 9 (21) мая отказался от предложения, тем более что Каподистрия в самых мрачных тонах описал положение разорённой войной страны. Кроме того, ему не удалось добиться согласия на расширение территории Греции. Под именем Леопольда I (1831 по 1865 гг.) он стал первым королем Бельгии («Королем бельгийцев»). В мае 1832 г. на греческий престол вступил баварский принц под именем Оттона I.

²⁹³ В 1829–1830 гг. молодой чиновник коллегии иностранных дел Андрей Муравьев посетил страны Востока (издал книгу «Путешествие по Святым местам», 1830). Он увидел в Александрии одного из двух сфинксов, найденных в районе древних Фив и предложил Александру Рибопьеру купить двух сфинксов за 100 тыс. франков. После расторжения сделки с Францией (революция 1830 г.). Удалось купить за 64 тыс. франков. Было зафрахтовано итальянское грузовое судно «Буэна Сперанса» («Добрая надежда»). Во время погрузки поврежден платок на голове одного из сфинксов. В мае 1832 г. сфинксы были доставлены в Петербург. В апреле 1834 г. они заняли свои места на постаментах у Академии художеств.

²⁹⁴ Халил-Паша Рифат (в России его имя произносили Галиль-паша), абхаз по национальности, известный мушир (титул паши 1-го класса, соответствующий званию фельдмаршала), видный турецкий военачальник и государственный деятель, командующий регулярными войсками, член совещательного Дивана при султанах Махмуде II, с 1808 г. зять султана, позднее посол в Афинах, Париже, Вене.

который в присутствии членов Государственного совета устраивал Нессельроде 7 января 1830 г.: «У графа Нессельроде был большой обед в честь турецких посланников, на котором присутствовали они со всею свитою, состоящей из 8 человек. Обед был роскошный и сопровождался музыкой. На этот обед были приглашены только члены Государственного совета и несколько важнейших сановников. Дипломатический корпус не был приглашен, потому что граф хотел оказать почет туркам, а это было бы невозможно согласовать с этикетом»²⁹⁵.

Наиболее точно этот прием описан в дневнике П. Г. Дивова за 28 января: «Турецкие посланники Гагиль-паша и его товарищ были приняты императором в торжественной аудиенции. Все залы дворца, начиная с комнаты покойной вдовствующей императрицы, вплоть до Георгиевской залы были заняты кавалергардами и конногвардейцами. Император принял турецких посланников, стоя на второй ступени трона, имея по правую руку императрицу, а по левого великого князя Михаила Павловича. Вручая его величеству верительные грамоты, послы произнесли речь. Им отвечали по установившемуся обычаю; затем их провели в эрмитаж, где император беседовал с ними, между тем как императрица проследовала в тронное зало, где ей представлялись послы. Вечером во дворце был бал на 1000 человек. Турки явились в своих новых мундирах, совершенно отличных от прежних, имея на голове вместо чалмы, что-то вроде казацкой шапки без меха»²⁹⁶.

Официально посольство прибыло для обмена ратификационными грамотами о мире, а также для негласных переговоров о смягчении условий Адрианопольского договора. Об этом визите среди прочих оставил воспоминания А. Х. Бенкендорф: «Халил-паша, высадившись на берег в Одессе, где ему как послу были оказаны все почести. Точно также произошло и в Петербурге, где ему была приготовлена прекрасная резиденция и большое количество домов. Все его расходы были оплачены нашим правительством. В Георгиевском зале во всем блеске двора император дал ему публичную аудиенцию. [...] Только его наряд всех шокировал. По капризу султана вместо живописной национальной одежды на нем был длинный и нескладный плащ, вместо красивого азиатского тюрбана у него на голове был темно-красный колпак с неуклюжей кисточкой. Он казался смущенным и пристыженным этим переодеванием, которое было весьма мало популярно в Турции. [...] Он был тронут добротой императора, для его государя были переданы великолепные подарки разных видов. Он сам и члены его свиты также получили знаки императорского благоволения»²⁹⁷.

Впрочем, турки тоже не поскупились на подарки. Долли Фикельмон писала: «В Эрмитаже мы рассматривали привезенные ими подарки: гребень с крупными бриллиантами, вставленными в разноцветную эмаль; красивое жемчужное ожерелье с изумительным розовым бриллиантом; сабля, изукрашенная бриллиантами на фоне лиловой эмали, – все эти вещи великолепны и сделаны с исключительным вкусом!»²⁹⁸ Посетители Галереи драгоценностей в Государственном Эрмитаже и ныне обращают внимание на конский убор, привезенный турецкой делегацией. А также и на другой конский убор из 11 предметов упряжи и чепрака; весь комплект убора был декорирован 8000 бриллиантами. Этот конский убор был подарком Махмуда II Николаю I в связи с заключением союзного Ункяр-Искелесийского договора в 1833 году. Интересно, что переводчиком при турецкой делегации был капитан-лейтенант (будущий адмирал), армянин по национальности

²⁹⁵ Дивов П. Г. Петербург в 1830 г. (по дневнику П. Г. Дивова) // РС. Т. 99. № 9. С. 655.

²⁹⁶ Там же. С. 656. Первый парад турецких войск, одетых в униформу европейского образца, состоялся в Константинополе 2 (14) сентября 1830 г. На них была приглашена и супруга адмирала П. И. Рикорда, Людмила Ивановна, направляющаяся к мужу в Грецию (Рикорд Л. И. Воспоминания // РС. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 361).

²⁹⁷ Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. Публикация М. В. Сидоровой, А. А. Ливина. Пер. с франц. О.В. Марининой. М.: Российский фонд культуры, 2012. С. 442–443.

²⁹⁸ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. Весь Пушкинский Петербург. Публ. и коммент. С. Мрочковской-Балашовой. М., 2009. С. 94.

Л. М. Серебряков. Он также получил в подарок дорогую табакерку. Документы, связанные с приемом турецкого посольства, отложились в фонде Придворной конторы²⁹⁹.

Более подробно о первой торжественной аудиенции, данной турецкому послу, состоявшейся утром 28 января 1830 г. рассказала Долли Фикельмон: «Она прошла так же, как и та, что давали Хозрев-Мирзе. [...] Он приверженец султана и ревностный новатор. Халил и его свита одеты не по-турецки, не по-ориентальски, а скорее по-венгерски – широкая красная накидка с золотым шитьем, на голове феска, довольно безобразная. Его поведение во время аудиенции и произнесение речи выдавало *смирение* и еще нечто весьма мучительное. Нетрудно заметить, как он страдал от этого. Они приехали просить об уменьшении контрибуции, определенной мирным соглашением. Рассчитывают на щедрость императора. Его физиономия, всегда импозантная и величественная, приобретает вид завоевателя, как только появляются турки. Император Александр улыбался бы милее и приветливее! Но молодость и победы Николая заставляют нас прощать эту сиюминутную гордость, которая, в конечном счете, свойственна любому человеческому сердцу»³⁰⁰. В ответной речи Николай I, между прочим, заметил: «Пусть же султан убедится, что его друзья находятся в Петербурге, а не где-либо в другом месте, и что один из этих друзей, и самый верный, это — я. [...] Я хочу, чтобы Оттоманская империя была сильна и спокойна...»³⁰¹. От этой миссии во многом зависела реализация мирного Адрианопольского договора.

Безусловно, турецкая сторона пыталась добиться смягчения договора, тем более, что с деньгами для выплаты контрибуции у султанского правительства были большие проблемы. Переговоры о снижении контрибуции в случае признания султаном полной независимости Греции вел в Константинополе русский посланник А. И. Рибопьер. Дипломатическая деятельность А. И. Рибопьера в этот его второй период пребывания в Константинополе нашел отражение в нескольких делах из его фонда³⁰². Не случайно 30 апреля 1830 г. А. И. Рибопьер «во внимание к неусыпным трудам и к отличному благоразумию, с каковым содействовал он счастливому окончанию переговоров с министерством турецким о независимости Греции» был произведен Николаем I в действительные тайные советники. Предварительные переговоры в Константинополе предшествовали официальным переговорам в Санкт-Петербурге турецкого посольства Халила-паши Рифата (январь–май 1830 г.) и заключению тайного соглашения в Петербурге.

В сущности, все было предварительно решено в конце 1829 г. Оставалось официально оформить конкретные соглашения и договориться о суммах, что окончательно было согласовано во время второго приема Халиля-паши 9 февраля 1830 г. О том, что в принципе все было решено до приезда турецкого посольства, свидетельствует одна из записей А. О. Россет-Смирновой, которая пишет, что Халиль-паша приехал благодарить: «Я помню, как возили турецкое золото на Монетный двор; но государь простил им несколько миллионов, потому что издержки войск были уплачены. Благодарить приехал Халиль-паша; его приняли в Тронной зале. Император стоял перед троном, и Халиль коленопреклоненно вручил ему письмо Махмуда»³⁰³.

Николай I развил свою основную мысль о необходимости сохранения целостности Османской империи как одной из задач его внешней политики. В заключении встречи император сказал: «Сейчас султан занят важными реформами в своей державе. Нужен мир и нужно время, чтобы укрепить и завершить начатое дело. Новый разрыв погубил бы все начинания. Я постараюсь избежать такого разрыва»³⁰⁴. В начале апреля Николай Павлович

²⁹⁹ РГИА. Ф. 469. Оп. 10. Д. 83. О приеме турецких полномочных послов Галила-паши и Нефжиба Сулеймана-эффенди. 1830. 66 л.

³⁰⁰ Фикельмон Д. Дневник 1829–1837. С. 93.

³⁰¹ Цит. по: Тальберг Н. «Человек вполне русский» // Николай Первый и его время. Т. 1. С. 300.

³⁰² РГИА. Ф.1040. Оп. 1. Д. 100, 109, 110, 111, 112.

³⁰³ Смирнова-Россет А. О. Альбомный вариант // Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 215.

³⁰⁴ Шермет В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г.: Из истории восточного вопроса. М., 1975. С. 174.

согласился снизить контрибуцию на 2 млн. дукатов, а находившийся в Константинополе А. Ф. Орлов намекнул о возможности дальнейшего снижения контрибуции еще на 1 млн. дукатов в случае предоставления Греции полной независимости. Султан согласился, и по поводу этого миллиона был подписан отдельный акт, не подлежащий оглашению. В счет контрибуции могли приниматься и товары³⁰⁵. Была снижена и сумма компенсации за потери русской торговли на 300 тыс. дукатов. Оккупация Дунайских княжеств сохранялась³⁰⁶ до выплаты контрибуции, но из Болгарии русские войска выводились.

12 (24) апреля 1830 г. Порты, прежде столь несговорчивая, «с величайшей покорностью присоединилась к решениям конференции»³⁰⁷. Имеются в виду отмеченные ранее протоколы Лондонской конференции о полной независимости Греции, подписанные державами 22 января (3 февраля) 1830 года, менее чем за три месяца до этого. Именно в Санкт-Петербурге была поставлена точка в признании Турцией независимости Новогреческого государства. 27 апреля (9 мая) 1830 г. на прощальной аудиенции по случаю ратификации Адрианопольского договора Николай I заявил турецкому послу: «Скажите от меня вашему повелителю, что он всегда может рассчитывать на мою помощь, если ему угодно будет всегда помнить, что часть его подданных — христиане и что я покровитель церкви христианской»³⁰⁸.

Соглашения по Греции не могли удовлетворить самих христианских подданных султана, особенно на островах Архипелага и тех территориях, который возвращались султану. В их числе были самые большие населенные греками острова Крит и Самос. В соответствии с решением Лондонской конференции островитяне имели право эмиграции в Грецию, но египтяне препятствовали этому. Инструкции Рикорду требовали выделения русских брига для охраны судов с переселявшимися греками. Кроме того, Рикорд провел подписку среди офицеров эскадры для помощи беженцам с Крита. Им было послано 500 испанских талеров³⁰⁹. Трудно решался вопрос с передачей Греции большого острова Негропонта (Эвбеи). Присутствие русского брига «Улисс» заставило турок воздержаться от притеснений в отношении местного населения.

Эскадра П. И. Рикорда в греческих водах в 1830–1832 гг.

18 (30) июня 1830 г. состоялась официальная передача командования Средиземноморской эскадрой в греческих водах. Л. П. Гейден отдал приказ: «Сего числа (июня 18-го) в ночи, имею я спустить на «Фер-Шампенуазе» свой флаг и поднять таковой на корабле «Князь Владимир»; как равно и контр-адмирал Петр Иванович Рикорд, имеет спустить на последнем, а поднять на первом свой флаг: а сим вместе, слагая с себя начальство над судами отряда в греческих водах, оставшегося к управлению хозяйственной части; я прошу г. командиров, с завтрашнего дня обо всем относится к помянутому г. контр-адмиралу, причем искренне благодарю за продолжаемое хорошее содержание порученных им судов и экипажей наших, в особенности изъявляю признательность начальнику штаба г. капитану I-го ранга фон Платеру 1-му, управляющему хозяйственной частью г. Бровцыну, за точное исполнение немалолежащей за каждым обязанности»³¹⁰.

³⁰⁵ Поскольку с 1831 г. султанское правительство начало борьбу с египетским Мухаммедом Али, контрибуция перестала выплачиваться, но Россия особенно не возражала. Реально Турция передала России около 5 млн. дукатов, из которых большая часть пошла на выплаты войскам, участвующим в войне, часть денег (меньшая) — на выплаты в качестве компенсации русским купцам, а также на подавление польского восстания.

³⁰⁶ Войска были выведены в апреле 1834 г. в соответствии с решением Петербургской конвенции от 17 (29) января 1834 г., а принятый органический устав положил основу новой государственности Дунайских княжеств (Валахии и Молдавии).

³⁰⁷ Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1. С. 292.

³⁰⁸ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 142–143.

³⁰⁹ Испанский талер в Греции равнялся тогда примерно 5 рублям ассигнациями.

³¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 66. Исторический журнал 1829 и 1830 годов, веденный капитаном-лейтенантом [И. И.] Кадьяном. Л. 197 об.

В бухте Наполи-ди-Романия (Нафплион) летом 1830 г. находились корабли «Фер-Шампенуаз», «Александр Невский», фрегаты «Елисавета», «Княгиня Лович» и бриги «Улисс», «Телемак» и «Ахиллес», но и они постоянно были в походах. Эскадра боролась с пиратством и оказывал помощь И. А. Каподистрии. В феврале 1830 г. в распоряжение Каподистрии передавался корабль «Александр Невский», на котором президент поднял свой флаг, совершая объезд островов Поро, Эгины и Саломина³¹¹. В мае того же года в его распоряжение был откомандирован также корвет «Львица»³¹², а в августе фрегата «Елисавета», чтобы подстраховать президента, совершающего поездку на пароходе³¹³.

К середине 1830 г. внутривосточная обстановка в Греции осложнилась. Политика Каподистрии, направленная на создание централизованного государства, встречала сопротивление. Средиземноморская эскадра П. И. Рикорда, так же, как и эскадры Англии и Франции, продолжали патрулировать воды Средиземноморья. Воспользовавшись относительным затишьем через Константинополь, к своему мужу совершила поездку супруга адмирала П. И. Рикорда Людмила Ивановна, урожденная Коростовцева. 30 августа она прибыла в Буюк-дере, где хлопотами о продолжении ее путешествия занялся А. И. Рибопьер. К ней начались визиты иностранных посланников и их жен. Она была приглашена на смотр турецких войск 2 (14) сентября. Султан Махмуд II кичился своими нововведениями и по-новому обмундированными солдатами. На Л. И. Рикорд неровные ряды солдат, одетых в туфли на босу ногу, хотя уже и в красных фесках, не произвели впечатления. Во время обеда султан, пройдя мимо английского и французского посланников, остановился у А. И. Рибопьера, рядом с которым была Л. И. Рикорд, задал ей несколько вежливых вопросов.

По распоряжению А. И. Рибопьера, переданному на эскадру, 10 сентября 1830 г. за ней и детьми был отправлен фрегат, который 15 сентября бросил якорь при входе в Дарданеллы. Встреча с командой состоялась 17 сентября. Л. И. Рикорд вспоминала, как ее в десяти весельном каяке, точнее гичке³¹⁴ (во второй лодке была прислуга с багажом), доставили из Константинополя к фрегату и при большой волне подняли на борт в кресле; ей была предоставлена капитанская каюта³¹⁵. По точным данным «Исторического журнала», она сошла на берег в Поро 21 сентября, а 23 сентября прибыл П. И. Рикорд, который, оставив супругу на острове, 29 сентября, вернулся в Наполи-ди-Романию (Нафплион)³¹⁶. (Память, вероятно, подвела супругу П. И. Рикорда, по ее воспоминаниям, она 25 сентября прибыла в Наполи-ди-Романию, а потом ее отвезли в Порос). Впрочем, она пробыла на острове около четырех месяцев, а «в половине января» 1831 г. на корабле «Александр Невский» ее перевезли в Наполи-ди-Романию, «где сосредотачивались правительственные лица страны, с которыми Петру Ивановичу приходилось быть в

³¹¹ Из рапорта командира отдельной эскадры в Средиземном море вице-адмирала Л.П. Гейдена начальнику Морского штаба А.С. Меншикову об отправлении из порта Порос в Соломин корабля «Александр Невский» «по делам Греции», с предписанием, чтоб состоять ему в распоряжении президента графа Ивана Антоновича Каподистрии // РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1205. 1830, 6 февраля. Л. 21.

³¹² Из рапорта командующего русской эскадрой в Средиземном море начальнику Морского штаба об откомандировании корвета «Львица» в распоряжение президента Греции Каподистрии // РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1205. По отношению комиссариатского департамента Морского министерства ... 1830, 3 мая. Л. 159 об.

³¹³ Из рапорта командира отдельного отряда судов в греческих водах контр-адмирала П. И. Рикорда: об отправке фрегата «Елисавета» для сопровождения президента Греции И. А. Каподистрии в его путешествии на пароходе «для осмотра разных мест Греции и на случай, если бы он имел надобность пересечь на фрегат», назначении корабля «Александр Невский» в распоряжение И. А. Каподистрии // РГА ВМФ. Ф.283. Оп. 1. Д. 1205. 1830, 6 августа. Л. 123 об.

³¹⁴ Каяк — название алеутской лодки. Это название, вероятно, запомнилось Людмиле Ивановне с Камчатки. Каяк не может быть десятивесельным, на самом деле, она имела в виду гичку, но эта неточность простительна.

³¹⁵ Рикорд Л. И. Воспоминания // РС. 1883. Т. XXXIX. № 8. С. 361

³¹⁶ Точные даты приведены по документам: РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 67. Исторический журнал (плавания эскадры из Кронштадта в Архипелаг), веденный капитан-лейтенантом [И. И.] Кадьяном. 1830–1831. Л. 77 – 77 об.

постоянных контактах, как должностному лицу и заслуженному финэллину, пользовавшемуся правом греческого почётного гражданства»³¹⁷.

Вскоре на освобожденной территории Греции началась гражданская война. И. А. Каподистрия, который пользовался большим авторитетом среди народа, пытался создать основы государственности, распределив часть земли между участниками борьбы, боролся с коррупцией, пиратством и всевластием вождей (так называемых «капитанов»), нежелающих подчиняться. По мнению А. Н. Райко, «Много было людей, не любивших графа Каподистрию просто потому, что он заслони́л их собою, благодаря своим великим способностям»³¹⁸. Другим не нравилось, что он опирался на своих земляков с Ионических островов, предоставляя им различные должности в управлении, хотя именно они объективно наиболее подходили, так как знали языки и «имели понятие о порядке судопроизводства»³¹⁹. Некоторые из противников Каподистрии, пытались опереться на французов или англичан, обвиняя его в приверженности России.

Капитан-лейтенант И. И. Кадьян в «Историческом журнале» за сентябрь 1830 года так писал об отношении к Каподистрии: «Утвердительно можно сказать, что народ предан правителю, но высшие граждане восстают противу его и Сенат вместо того, чтобы способствовать ему в благих его намерениях, нередко делает в том большие затруднения»³²⁰. Среди «высших граждан» он называет Петро-бея с братьями, Колокотрониса, архиерея Дионисия, князя Маврокордато, князя Дмитрия Ипсиланти и других, которые «не принимают никакой службы, занимаются интригами противу вводимого порядка»³²¹.

Далее он обстоятельно пересказывает «жалобы людей сих»:

«1) Мы вольный народ, говорят они, а он хочет управлять нами как рабами, смеётся над нами и законами нашими и нас недостойн; 2) Строгость его цензуры не позволяет нам излагать ни наши мысли, ни наши желания, нужные для блага нашего Отечества. Так ли поступают в вольных землях или республиках? 3) Чем он вознаградил тех, кто во время войны жертвовал своей кровью и достоянием в пользу отечества своего; 4) Предпочтение делается иностранцам, которых он возвышает над нами и которым отдавал в руки войско и крепости³²²; 5) Приблизил к себе графов Августина (Августина Каподистрию — Л. В.) и Виарио, из которых первый весьма посредственного ума, а второй развратный человек; 6) Несостоятельность касательно присоединения к Греции островов; 7) Потеря Акарнании делает границы наши открытыми для турок; 8) Вообще худые успехи в восстановлении Греции; 9) Удаление от управления людей того достойных, места коих занимает своими клеветами; 10) Напрасные издержки на содержание фрегата «Эласа», который стоит каждый месяц по 9-ть тысяч гишпанских талеров, а служил только для его братьев; 11) Притеснение коммерции: 1. Большой пошлиной; 2. Желанием разделить купечество по степеням или гильдиям; 12) Мы покупаем земли в Аттике и Негропонте, а не видим, чтобы он старался о скорейшем присоединении земель сих к Греции; 13) Он раздает земли бедным нищим из Кандии; а многие из них не имеют ни локтя оной; 14) Мы не имеем нисколько свободного переезда с острова на остров, но даже из города в город должны брать паспорта; 15) Дипломатические интрижки, к коим он способен, ныне нам не нужны, а устройство

³¹⁷ Рикорд Л. И. Воспоминания. С. 365.

³¹⁸ Райко А. Н. Записка об убиении Каподистрии, составленная А. Н. Райком // РА. 1868. № 5. Стб. 899–900.

³¹⁹ Там же. Стб. 906.

³²⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 67. Исторический журнал (плавания эскадры из Кронштадта в Архипелаг), веденный капитан-лейтенантом [И. И.] Кадьяном. 1830–1831 гг. Л. 144.

³²¹ Там же. Л. 145.

³²² Привлечение для управления Грецией иностранцев и греков со стороны, вероятно, действительно было болезненным для местных. Закон от 3 февраля 1844 г. установил, что общественные должности открыты только для автохтонов, то есть обитателей Мореи, Аттики и островов, вошедших в пределы Греческого королевства, а все греки, родившиеся или обитающие вне этих пределов (гетерохтоны), не имеют право поступать на службу (Феоктистов Е. М. Борьба Греции за независимость. Эпизод из истории первой половины XIX века. СПб.: Тип. Е.И. Глазунова, 1863. С. 214).

внутреннего благосостояния нации не его дело; 16) Оставляя его по смерти президентом, значит допустить занять потом сие место одному из его братьев и прочее и прочее»³²³.

Пересказав все это, И. И. Кадьян с грустью констатирует: «Вот награда благодарности за те труды и неусыпное попечение, кои великий муж сей подъял для блага народа ему любезного»³²⁴.

Один из очагов мятежа против Каподистрии возник в мае 1831 г. на острове Идра, судовладельческая олигархия которого добивалась возмещения военных убытков и вхождения во власть, а также на примкнувших к нему островах Сира и даже Порос, для благоустройства которого так много было сделано русскими моряками. На юге Пелопоннеса сопротивлялась Майна, где семья Мавромихалисов старалась сохранить свою полуфеодалную власть. О мотивах действий бея Майны (Мани) Рикорд писал 25 июня (7 июля) 1830 г. Нессельроде: «Бей Майны Мавромихалис, поддержанный своей многочисленной семьей, пользующейся большим авторитетом в стране, пытался разжечь мятеж в Маратониси под предлогом всеобщего недовольства против губернатора, которого президент туда назначил, но на самом деле только для того, чтобы попытаться присвоить доходы этой провинции»³²⁵. Горная область Майны (древняя территория Спарты) исторически имела в Греции больше самостоятельности, а глава Мавромихалисов по кличке Петро-бей обладал полномочиями на управление Майной. Как отмечал А. Н. Райко, греки «под турецким владычеством, управлялись своими выборными, которые сами составляли род местной внутренней аристократии под именем коджей, башей и приматов и действительно были во главе управления, оставляя турецкому правителю лишь громкий титул...»³²⁶. Эти представители местной администрации хотели не потерять, а упрочить свою власть.

В апреле 1831 г. возникла необходимость послать по просьбе И. А. Каподистрии фрегат «Елизавета» и бриг «Ахиллес» «с целью его защиты от ненавистников существующего порядка с угрозами его смещения и освобождения от президентских прав и обязанностей»³²⁷.

Серьёзный инцидент произошел 15 (27) июля 1830 г., когда произошло боестолкновение эскадр идриотов и П. И. Рикорда. В ночь на 14 (26) июля 1831 г. идриоты под командованием А. Миаулиса захватили на рейде Монастырской бухты острова Порос правительственные суда: фрегат «Эллос» и корветы «Идра» и «Спеце» и форт на берегу. По просьбе И. А. Каподистрии, Рикорд со своей эскадрой, уменьшившейся к этому времени до четырех судов (44-пушечный фрегат «Княгиня Лович», 20-пушечные бриги «Улисс» и «Телемак» и люгер «Широкий»), 18 (30) июля заблокировал выход из бухты. Через пять дней к нему присоединились английские и французские суда под командованием Лайонса и Лаланда. Неофициально они посоветовали идриотам создать временный орган власти, чтобы легитимизировать переворот, а Каподистрии — пойти на уступки, 25 июля (6 августа) они покинули Порос. Через два дня, 27 июля (8 августа) на подкрепление мятежников прибыл корвет, который попытался войти в бухту. 30 июля (11 августа) корвет и форт на берегу открыли стрельбу по русским судам, в результате чего завязался бой, в ходе которого один корвет мятежников был взорван, а другой выведен из строя, после чего идриоты разбежались. Потеря эскадры Рикорда составили 6 нижних чинов, 3 офицера и 34 матроса ранено, из них 13 тяжело. Позднее, 1 (13) августа Миаулис взорвал фрегат «Эллос». Так закончилось единственное в истории сражение русских с греками. Командующий правительственным флотом Греции К. Канарис проклял Миаулиса. 24 августа (5 сентября)

³²³ Там же. Л. 146–149.

³²⁴ Там же. Л. 149.

³²⁵ Цит. по: Арш Г. Л. Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы) // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 98.

³²⁶ Райко А. Н. Записка об убиении Каподистрии... Стб. 906.

³²⁷ О посылке к президенту Греции графу Каподистрии по его просьбе фрегата «Елизавета» и брига «Ахиллес» с целью его защиты от ненавистников существующего порядка с угрозами его смещения и освобождения от президентских прав и обязанностей // РГА ВМФ. Ф.205. Оп. 1. Д. 557. 1831, 26 апреля. Л. 41–42.

группа греческих моряков обратилась к Рикорду с просьбой сообщить Николаю I об их возмущении действиями идриотов, «осмелившихся открыть огонь против благодетелей Греции русских»³²⁸. Каподистрия в письме к П. И. Рикорду выразил ему «признательность Греции за содействие, которое оказано ей императорской эскадрой». Несмотря на возмущение П. И. Рикорда действиями союзных эскадр К. В. Нессельроде рекомендовал ему соблюдать сдержанность в отношениях к их командирам. Николай I одобрил действия П. И. Рикорда. На докладе А. С. Меншикова император написал: «Кажется, А[дмирал] Рикорд исполнил свой долг, а что наши моряки храбро дерутся, то нам не новое»³²⁹. Эскадра П. И. Рикорда была подкреплена тремя судами, а в декабре 1831 г. П. И. Рикорд получил чин вице-адмирала.

Еще до июльского инцидента 1831 г. на Поросе адмирал П. И. Рикорд пытался разрешить конфронтацию дипломатическим путем. С согласия Каподистрии он установил контакты с двумя основными центрами сопротивления — островом Идра и горной областью Майна, контролируемой кланом Мавромихалисов. В мае 1831 г. он отправил на Идру фрегат «Елизавета» с генеральным консулом в Морее И. И. Власопуло, но тот не смог склонить островитян «к покорности греческому правительству»³³⁰. К сентябрю 1831 г. обстановка стала критической. Интересный факт, судя по всему, не отмеченный в литературе: 6 сентября 1831 г. на борту фрегата «Княгиня Лович» П. И. Рикорд написал прошение с просьбой освободить его от должности флагмана «по расстроенному теперь здоровью, усугубленному совсем неожиданно поразившею меня печальной вестью о кончине моего друга вице-адмирала Головина, которая сильно потрясла все мое моральное существо...»³³¹ После доклада Николаю I, А. С. Меншиков написал на прошении «Высочайше повелено оставить без ответа. 9 декабря 1831 г.». Через три недели после письма Рикорда был убит Каподистрия.

Убийство Каподистрии

Местная аристократия не хотела терять свою власть. Таким местным авторитетом и был Петро-бей (Мавромихалис), возглавлявший воинственных никому не подчиняющимся горцев-майнотов. Он попытался войти за спиной правительства в сношения с англичанами и был арестован. Его брат Константин и сын Георгий были арестованы за нанесение ранения одному из своих родственников, затем выпущены под надзор полиции. Аресты послужили поводом для восстания. Константин и Георгий и стали убийцами Каподистрии. Наиболее детально убийство описано в воспоминаниях присутствовавшего при этом А. Н. Райко и в нескольких самых общих словах Людмилы Ивановны Рикорд.

Это произошло в воскресенье 27 сентября (9 октября) 1831 г. в тогдашней столице Греции Нафплионе (Навплии) у входа в церковь Св. Спиридона на площади под Явором. Каподистрия, приподняв головной убор в знак приветствия, хотел войти в церковь, но стоявший у входа Константин произвел неприцельный выстрел, не попав в цель, а Георгий «выстрелил в голову, так что череп разлетался на куски»³³². Одновременно с этим выстрелом Константин вонзил ему нож в живот. Пистолеты были заряжены английским порохом и двумя пулями, связанными проволокой. Два охранника-албанца не успели среагировать и убийцы бросились бежать. Константин был сразу пойман, забит прикладами и брошен в море. Избитый Георгий укрылся в доме французского резидента, но под давлением народа выдан, судим и расстрелян 10 (22) октября 1831 года. Как вспоминал А. Н. Райко, залп из мушкетов был сопровождаем криком «анафема». Комендант Навплии Алмейда признал брата погибшего Августина Каподистрию полномочным заместителем и

³²⁸ Цит. по: там же. См. также: Гребенщикова Г. А. Наваринское сражение. С. 300–301.

³²⁹ Цит. по: там же.

³³⁰ Там же.

³³¹ РГА ВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 557. О действиях судов, оставленных в Средиземном море под начальством контр-адмирала Рикорда. 1831–1833. Л. 160 об.

³³² Там же. Стб. 883–884; Палеолог Г. [Н.] Сивинис М. [С.] Исторический очерк народной войны за независимость Греции ... С. 107–108.

пресек попытки французского генерала Жерара, командующего французским корпусом, поставить управление в Греции под контроль резидентов трех держав, фактически под свою. Тем не менее, после убийства Каподистрии объективно влияние России должно было уменьшиться. В России убийство было воспринято как трагедия. А. Я. Булгаков писал из Москвы своему брату Константину 1 ноября 1831 г.: «...Жуковский сказал мне вчера ужаснейшую весть, что Каподистрия греками убит. Экие изверги! Государь еще надеялся, что это неправда. Дай Бог! Меня сразило это известие»³³³.

Греция после Иоанна Каподистрии (октябрь 1831–январь 1833 г.)

После убийства Каподистрии для Греции наступило тяжелое время междоусобиц и тяжелейших испытаний. Характерны впечатления Людмилы Ивановны Рикорд после убийства И. А. Каподистрии: «... начались нескончаемые несогласия и раздоры; картина анархии, беспорядков, междоусобных восстаний увеличивалась и возрастала с каждым днем...»³³⁴ Квартира Л. И. Рикорд охранялось караулом из 14 человек и, как она пишет, «представляя более спасительное убежище, к нам стали собираться представители греческого правительства и другие должностные лица: наконец квартира была переполнена до такой степени, что даже лестница от входа была заполнена...»³³⁵ Жену одного из министров подняли в квартиру через окно. О критическом моменте свидетельствует еще один штрих: «Комендант города генерал Альмейда, **родом** испанец (точнее португалец — Л. В.) на коленях со слезами на глазах умолял меня, — вспоминала Людмила Ивановна, — принять на хранение довольно большой ящик, в котором хранились ключи от городской крепости из боязни, чтобы они не попали в руки мятежников»³³⁶. Не лучше себя вели и европейцы. Совершившая потом на русских бригах несколько путешествий по историческим местам Греции, Л. И. Рикорд, при посещении Афин, отметила бесцеремонность образованных европейцев по отношению к древнегреческим артефактам: «Странно, однако, что англичане и французы — решительно взяли все, что имело более и цены, и значения»³³⁷.

Попыткой сохранения политической стабильности стал созыв 5-го Национального собрания 5 (17) декабря 1831 г. в Аргосе. Председателем греческого правительства, а затем и временным президентом был избран брат убитого Иоанна Августинос, что было признано Россией, обещавшей Греции поддержку. Из записей в журнале исходящих бумаг отряда судов в греческих водах сохранились сведения о прибытии Августиноса Каподистрии в Наполи-ди-Романия (Нафплион) и сообщается, что «новый президент был избран восклицаниями народа», а также о вооруженном выступлении против него противоборствующей партии³³⁸.

Благодарность греков за миротворческую миссию П. И. Рикорда выразилась в решении 5-го Национального собрания от 4 (16) марта 1832 г. считать его «в числе граждан Греции». Вскоре, 15 (27) марта, собрание в Аргосе прекратило свою деятельность. В ночь на 31 марта (12 апреля) Августинос Каподистрия, который продержался менее четырех месяцев, из Навплии отправился на Корфу. На бриге «Парис», предоставленном ему П. И. Рикордом, он вывез и прах брата. В апреле 1832 г. пришло известие об избрании королем эллинов семнадцатилетнего баварского принца Фридриха Оттона Виттельсбаха, второго сына известного филэллина короля Баварии Людвига I, ставшего королем **Оттоном I** и не пользовавшегося популярностью среди греков. Избрание католического принца должно было оградить Грецию от влияния русского православного государя. 21 июня 1832 г. в Константинополе был подписан договор, установивший границы Греции.

³³³ Из писем А. Я. Булгакова к его брату // РА. 1902. № 1. С. 141.

³³⁴ Рикорд Л. И. Воспоминания. С. 366.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же. С. 367.

³³⁷ Рикорд Л. И. Воспоминания. С. 367.

³³⁸ Письмо вице-адмирала П. И. Рикорда посланнику в Турции А. П. Бутеневу об избрании 7/19 декабря президентом Греции Августино Каподистрии // РГА ВМФ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 88. 1831, 13 декабря. Л. 428–429.

Население Греции в это время составляло около 700 тыс. чел., в 1840 г. достигло 856 470 жителей, а к 1856 г. — 1 043 153³³⁹.

Позиция Англии и Франции была охарактеризована в письме Нессельроде послу в Лондоне Ливену от 22 декабря 1831 г. (3 января 1832 г.): «Резиденты Франции и Англии упорно продолжают оказывать покровительство зачинщикам мятежа на Идре и в то же время используют любую возможность, чтобы очернить и дискредитировать деятелей и действия администрации, пришедшей на смену той, которую возглавлял покойный президент»³⁴⁰. Адмиралу П. И. Рикорду пришлось отказаться от блокады Идры, но он сохранил право задерживать суда идриотов. В самой Греции обстановка оставалась нестабильной, усилилось влияние командующих эскадрами в Архипелаге и борьба между собой «английской», «французской» и «русской» партий. Поскольку французский корпус после эвакуации войск Ибрахима-паши Морею не покинул, французы расширили территорию своего контроля, в том числе распространив его на Навплию. Началось преследование сторонников «русской партии» из вчерашних приверженцев Каподистрии, которых Рикорд пытался защищать. Французское командование в интересах главы «французской партии» И. Коллетиса, установив свое господство в Навплии, стало притеснять членов Сената, в основном состоящего из «русской партии». Семь сенаторов воспользовались предложением П. И. Рикорда и в ночь на 28 ноября (10 декабря) 1832 г. переехали на остров Спеце, образовав временное правительство до прибытия в Грецию Оттона и даже предложили П. И. Рикорду, как имеющему греческое гражданство, возглавить его в качестве председателя. Понимая, что это могло бы иметь только символическое значение, Рикорд отказался, но всегда с гордостью вспоминал потом свое участие в борьбе греков.

Окончательно политическое устройство Греции завершили статьи Лондонского протокола 18 (30) августа 1832 г. В прокламации к греческому народу говорилось: «Эллины! Ваша судьба устроена, французский, английский и российский дворы избрали государя на основании полномочия греческого народа. Беспристрастное и искренне их согласие способствовало освобождению Греции. Сделанный ими теперь выбор упрочивает эту независимость»³⁴¹. Но в это время значительная часть территории продолжала находиться под контролем «капитанов». 6 февраля 1833 г. король Оттон прибыл в страну и высадился в Навплионе с отрядом из 4 тыс. баварских гвардейцев (они были распущены в 1838 г.)³⁴². В июле 1833 г. эскадра П. И. Рикорда покинула греческие воды.

Несмотря на все закулисные интриги, Оттон I был вынужден принять новую конституцию после восстания 3 сентября 1843 г. Новая власть начала борьбу с бывшими участниками борьбы за независимость и с теми, кто считался «русофилами». Тем не менее, в Греции помнили о той роли, которую Россия сыграла в борьбе за независимость, и народ Греции был готов поддержать Россию во время Крымской войны, когда Англии и Франции при поддержке Оттона пришлось даже высадить в Греции оккупационный корпус для блокады Пирея. Тем не менее на севастопольских бастионах сражался греческий «Легион императора Николая I», памятник ему стоит в Севастополе.

Эволюция «Греческой идеи» («Великой идеи»)

В середине XIX века «отец греческой историографии» и представитель консервативно-монархического направления Константинос Папарригопулос в многотомном труде «История греческой нации» (1852–1874), как уже отмечалось, сформулировал основополагающее понятие «греческой идеи». Обстоятельства жизни

³³⁹ Феоктистов Е.М. Борьба Греции за независимость. С. 212.

³⁴⁰ Цит. по: Арш Г. Л. Адмирал П. И. Рикорд и его эпопея в Греции (1828–1833 годы). С. 102.

³⁴¹ Цит. по: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. С. 146.

³⁴² Подробнее см.: Петрунина О. Е. От президента Каподистрии к королю Оттону: преемственность внутренней политики в Греции (1820–1830-е гг.) // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство, общество). 2011. № 2. С. 103–112.

наложили отпечаток на его научное творчество. После убийства отца во время резни в Константинополе 1821 г. в возрасте шести лет он оказался в России, где провел десять лет. Уважительное отношение к той роли, которую сыграла Россия в освобождении Греции, прослеживается во всех его работах, его обвиняли даже в «славянофильстве». Истоки греческой нации он видел в античности, а Греческую революцию 1821 г. в пятом томе, хронологически посвященном поствизантийской эпохе, рассматривал в свете своей концепции непрерывности греческой истории. Он связывал Революцию с Византией своим известным тезисом: «Нация 1821 года была нацией 1453 года» (год обороны Константинополя от османов).

Греческая революция 1821 г. (в отличие от других революций в мире) не стала объектом идейно-политических дискуссий. По ней сразу сложился консенсус, и революция стала частью государственной идеологии и фундаментом внешнеполитической доктрины до 1922 г. («Малоазийская резня»). Подавляющее большинство респондентов-греков по итогам социологического опроса накануне юбилея в 2021 г. охарактеризовали Греческую революцию как «национальную» (91,6%), за ней следуют такие ответы, как «социальная» (58,8%), «либеральная» (58,1%), «религиозная» (55,5%) и, наконец, «демократическая» (44,7%)³⁴³.

Более того, революция 1821 г. быстро стала частью государственной идеологии и остается ею по сей день. Но, если на начальном этапе, этапе Просвещения, акцент делался на античность, то позднее, как это отразилось и в труде Константиноса Папарригопулоса, он сместился на Византию. Поэтому и роль православной церкви (за исключением марксистского направления) оценивалась положительно, и проблема конфликта Церкви и Государства не ставилась. Претворение в жизнь «греческой идеи» подразумевало расширение греческой территории до исторических границ Византии, то есть создание «Великой Греции». Одним из идеологов этой идеи был Элефтериос Кириаку Венизелос (1864–1936), неоднократно с 1910 по 1933 гг. занимавший пост премьер-министра. При всех колебаниях его взглядов он был крайним националистом. Во второй половине XIX — начале XX в. действительно происходило приращение Греции за счет территорий Османской империи.

После свержения Оттона в 1862 г. на его месте оказался датский принц Георг, навязанный англичанами. Чтобы добиться одобрения этой кандидатуры Англия в 1864 г. отдала Греции Ионические острова. После греко-турецкой войны 1878 г. (в контексте Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) Греция в 1881 г. вернула Фессалию. В 1912 г. после Первой Балканской войны к Греции были присоединены Македония, Западная Фракия и Эпир. После Критского восстания 1896–1897 гг. было создано на правах автономии Критское государство. По Лондонскому договору от 30 мая 1913 г., завершившему Вторую Балканскую войну, Крит, Северо-Эгейские острова и Восточные Спорады были переданы Греции. Додеканесские острова (Южные Спорады), включая Родос и Кос, с 1912 г. принадлежавшие Италии, были переданы Греции только в 1947 г. После Балканских войн 1912–1913 гг. Османская империя потеряла большую часть своих европейских владений, кроме Восточной Фракии. После поражения Османской империи в Первой мировой войне (1918) в 1919 г. Греция в нарушение Мудросского перемирия начала войну с Турцией с целью создания «Великой Греции», в которой Мраморное и Эгейское моря стали бы ее внутренними морями. Эти планы отражены на плакате того времени с изображением Венизелоса. Одним из обоснований этого решения было то, что побережье Малой Азии населяло многочисленное греческое население.

Начался Малоазийский поход греческой армии (1919–1922), однако надежды на помощь Антанты не оправдались. После первых значительных успехов (были захвачены Фракия и Смирна-Измир) все закончилось разгромным поражением от турецких войск под

³⁴³ Επανάσταση 1821: Τι πιστεύουν οι Έλληνες 200 χρόνια μετά // Электронный ресурс. <https://www.lifo.gr/now/greece/epanastasi-1821-ti-pisteyoyn-oi-ellines-200-hronia-meta?amp>. Обращение 25.12.22.

командованием Мустафы Кемалья Ататюрка, которому оказывала военную помощь молодая Советская республика. 1 ноября 1922 г. Османский султанат был упразднен, Турция стала республикой. Потери от геноцида, получившего в греческой историографии название «Малоазийской катастрофы», оцениваются по-разному. В соответствии с Лозаннской конвенцией 1923 г., состоялось переселение до полутора миллионов греков из Турции в Грецию (а турок — из Греции в Турцию). Это был конец трехтысячелетней греческой истории в Малой Азии!

Малоазийская катастрофа (1922–1923 гг.) сделала невозможным географическое претворение «Великой идеи». Накануне Второй мировой войны в годы диктатуры премьер-министра генерала Иоанниса Метаксаса (1936–1941), который второй раз в истории Греции принял титул кивернитиса («правителя»), ранее ассоциировавшегося только с И. Каподистрией, появилась новая интерпретация «Греческой (Великой) идеи». Он попытался втиснуть ее в идеологему «Третьей греческой цивилизации» (после античной и византийской), но теперь исходя из новой цивилизационной идеи, в соответствии с которой Греческое государство является ядром греческого мира, а единство основывается не на государственно-политическом единстве, а на единстве культурном, исторической традиции и патриотизме³⁴⁴. В 1974 г. в результате референдума Греция перестала быть монархией, а стала республикой.

Подводя итоги. Роль России в борьбе за свободу Греции

Греческая революция 1821 г. была частью национально-освободительного движения в Европе и важнейшей составной частью европейских революций 1820-х гг. Появление нового Греческого государства на карте Европы было итогом национально-освободительного движения греческого народа и компромиссом между европейскими державами, преследующими свои геополитические интересы. В случае России, в отличие от других игроков, они совпадали с национальными устремлениями греков, ориентированных на «державу-покровительницу», которой после победоносных русско-турецких войн при Екатерине II негласно считалась Россия.

Политика России в Греческом вопросе (как части Восточного вопроса) имела три этапа. Первый этап при Александре I — отрицательное отношение к восстанию в Греции в духе политики легитимизма официальных властей, что во многом поддерживалось всеми ведущими европейскими державами (1821–1823 гг.). Вторым этапом — последние два года жизни Александра I после появления «Записки об умиротворении Греции» от 9 (21) января 1824 г., так называемого «Мемуара об умиротворении Греции», когда император, разочаровавшийся в своих союзниках, впервые предъявил по линии внешнеполитического ведомства проект автономной Греции, хотя и ограниченный (1824–1825 гг.). Тем не менее, это был первый реальный проект решения греческого вопроса. Третий этап — наиболее решительная позиция России в вопросе предоставления сначала автономии, а затем и полной независимости Греции (1826–1830 гг.). Русско-турецкая война 1828–1829 гг. сыграла определяющую роль в решении Греческого вопроса. Император Николай I, в сущности, внес решающий вклад в обретение Грецией независимости.

Греки хорошо понимали, что сделала для них тогда Россия. Характерно письмо правителя Греции И. А. Каподистрии вице-адмиралу Л. П. Гейдену от 15 июня 1830 г. при отбытии его эскадры из греческих вод. В письме отмечалось, что Греция «приобвыкла» считать российскую эскадру «великим благодеянием»: «Народ, чрез представителей своих, поспешил обнаружить желание увековечить память толиких подвигов к своей признательности. Конгресс Аргосский определил воздвигнуть памятник, учредить орден Спасителя, уполномочив меня поднести Вам знак оного 1-го класса»³⁴⁵.

³⁴⁴ Петрунина О. Е. Идеологемы «великая идея» и «третья греческая цивилизация» в интерпретации И. Метаксаса // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2007. № 1. С. 99–105.

³⁴⁵ Полный текст см. в приложении.

Классическая греческая историография XIX–XX вв. высоко оценивала роль России в освобождении Греции. «Отец греческой историографии» Константинос Папарригопулос в труде «История греческой нации» (первое издание 1852) значительное внимание уделил России и ее роли в освободительной борьбе греков. По его мнению, Пелопоннесское восстание 1770 г. было вызвано первой архипелагской экспедицией русского флота в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Он возражал, что греки даром пролили кровь в связи с подавлением этого восстания: «Будем несправедливыми, если будем заявлять, что по причине этой борьбы мы подверглись только трагедиям, не получив ничего взамен. Мы не можем отрицать того, что европейское вмешательство, обеспечившее наконец нашу независимость, ведёт своё начало от Кючук-Кайнарджийского договора через право защиты (православных), присвоенное Россией, и в силу которого, а затем и Ясского договора и Бухарестского договора, император Александр I с началом революции, смог вызвать вмешательство всей Европы».

После Первой мировой войны в самом содержательном исследовании по истории новой Греции «Современная история греков и других народов Востока. 1821–1921», написанном П. Каролидисом, признается, что «своим освобождением Греция обязана прежде всего России». В нем, в частности, показывается, какое значение для решения этого вопроса имела Русско-турецкая война 1828 года. Как отмечалось, в новом поколении греческих учебников по истории Греции, созданных в 2018 г. под эгидой Евросоюза, как и в ряде публикаций, прослеживается тенденция умаления роли России в освободительной борьбе греческого народа, а также её помощи в достижении Грецией независимости. «Эта же тенденция прослеживается в освещении роли России в событиях общеевропейской и мировой значимости»³⁴⁶. Вся российская историография подчеркивает решающую роль России в освобождении Греции. Так ее оценивали и современники, греки и русские. Историк Н. С. Киняпина отмечала: «Что касается Греции, то она безусловно своей независимостью обязана России». Согласимся и с мнением историка И. С. Достян о том, что и Первое сербское восстание, и Греческая революция были бы подавлены без военной, дипломатической и моральной поддержки со стороны России.

На самом деле, политика России, как единственной державы, заинтересованной в создании независимой и сильной Греции, была направлена на отстаивание ее интересов. Это проявилось и в финансовой помощи, и в посылке эскадры в Средиземное море, принявшей активное участие в Наваринском сражении. После договорённости с европейскими державами, не желавшими Русско-турецкой войны силой оружия Российская империя вынудила Османскую Порту признать сначала автономию Грецию, а потом благодаря снижению контрибуции и полную ее независимость. Особенно четко позиция России обозначалась в борьбе с английской дипломатией в вопросах о границах Греции, так как Англия, боясь влияния России на Балканах, постаралась максимально территорию создаваемой Греции урезать. Большую роль в обеспечении условий развития молодого государства, сотрясаемого социальными конфликтами, сыграли русские эскадры в греческих водах — Л. П. Гейдена (1827–1830) и П. И. Рикорда (1831–1833).

Политика и поддержка России, особенно в период ее наибольшей активизации (1826–1830 гг.) при всех сложных отношениях и подчас геополитических противоречиях с союзными державами (Англией и Францией) сыграли объективно положительную роль для судеб национально-освободительной борьбы греческого народа. Несмотря на то, что ныне в общем западном контексте «отмены России» решающая роль Петербурга в освобождении Греции ставится под вопрос, историческая память народов Греции и России должна сохранить чувство справедливости к нашим предкам и наши духовные узы. Памятники российским грекам Александру Ипсиланти, Иоанну Каподистрии, Ивану Варвацию остались стоять напоминанием о тех трагических и славных страницах истории Греции.

³⁴⁶ Петрунина О. Е. Образ России в национальном образовании Греции. С. 256.

Остались в греческой земле и могилы русских моряков на острове Сфактирия у входа в Наваринскую бухту.

Приложение

*Письмо И. А. Каподистрии графу Л. П. Гейдену. 17 июня 1830 г.*³⁴⁷

Копия письма г. Президента Греции

Его светлости г. виц-адмиралу графу Гейдену

Российская эскадра оставила уже здешние моря и Ваше Превосходительство последует за нею. Греция, приобвыкшая считать ея и Ваше присутствие великим благодеянием, обязана чрез правительство свое засвидетельствовать Вам, г. Адмирал, чувства свои [Л. 299] и признательности за великодушное участие, которое Вы со своими подчиненными Вам офицерами, имели в ея восстановлении.

Истощаемая кровавыми усилиями, она устремила взоры свои на эскадры союзных держав, когда почти три года тому, явились они крейсировать соединено у берегов Мессехии. В день вечно знаменатный 8/20 октября, победа увенчала победителей лаврами бессмертными. Корабль Ваш, избитый в рангоуте и такелаже, усеянный трупами, свидетельствовал, что в бою опасность состязалась с мужеством.

Народ, чрез представителей своих, поспешил обнаружить желание увековечить память толиких [Л. 299 об.] подвигов к своей признательности. Конгресс Аргосский определил воздвигнуть памятник, учредить орден Спасителя, уполномочив меня поднести Вам знак оного 1-го класса. Вам не безвестны, г. адмирал, причины, которые препятствовали мне доселе исполнить сей долг народной признательности пред Вами и офицерами, которых Вы представите греческому правительству.

Итак, я должен невольно ограничиться быть пред Вашим сиятельством представителем тех желаний и благословений, которые сопровождают Вас жители всех провинций государства, особенно тех, в которых Вы имели большее пребывание [Л. 300].

Поро еще недавно являлся бедным местечком, не имеющим ни одной проезжей улицы и даже одного общественного здания. Вы избрали рейд его местом соединения эскадры и вскоре узрели остров сей возрождающимся к новой жизни. Обширнейшие сооружения, предпринятые по повелениям августейшего Вашего самодержца, доставили честные средства к существованию множеству несчастных и большому числу людей рабочих. В течение нескольких месяцев, благодаря возвращению общего благосостояния жителей и великодушным подпискам открытых офицерами флота, прорыты были улицы, устроены площади и набережные, воздвигнуто и образовано большое училище.

Вы же лично, г. адмирал, не только в Поро [Л. 300 об.], но и в Эгине, Вы оставили залогом благотворительности, Вас отличающие: сиротский дом, больница и другие общепользные заведения обязаны Вам щедрыми вспоможениями. Наконец, несчастные и бедные никогда безутешно не обращались к Вашей благотворительности — возмездие всего добра, содеянного Вами в пользу сей земли, Имя Ваше будет в ней нежно любимо и чтимо; явившись же к Вашему Августейшему самодержцу, Вы обретете, г. Адмирал, сладчайшую награду и благоволение императора, который удостоит, Греция того надеется, милостиво принять выражения признательности, кои она считает долгом Вам поднести за все высокие услуги, которые Вы, [Л. 301] г. адмирал, равно как подчиненные Вам офицеры, ей оказали, исполняя тем великодушные намерения Его Императорского Величества.

Я же в особенности, г. адмирал, возобновляя уверения отличного моего к Вам уважения. [Л. 301 об.]

³⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 2. Д. 66. Исторический журнал 1829 и 1830 годов, веденный капитаном-лейтенантом Кадьяном. 1830. Л. 299–301 об. Копия на греческом языке см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 250 (Дестунис Спиридон Юрьевич). Д. 94 Копии материалов, собранные Дестунисом по истории Новой Греции. Л. 73.